РА
7132
9(47)
П68
5257
3/25596
РФ
5

Празднование

800-летия г Рязани

Kpg.

66
63.3(2Р-4Ря)
П 68
А
9(47)
П 68
Библиотека при Ярославской Гос. ун-та

ПРАЗДНОВАНІЕ

800—ЛѢТІЯ

(1095—1895 г.г.)

Г. РЯЗАНИ.

20—22 Сентября 1895 года.

Изданіе Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ЧЛЕНА КОММ. С. Д. ЯХОНТОВА.

Приложеніе къ № 2 т. XI Труд. Коммиссіи.

Б-225596
БИБЛІОТЕКА
Ивана Александровича
ВАХРОМѢЕВА
ЯРОСЛАВЛЬ
№ 170

РЯЗАНЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1896.

Б-1325257
Рязанская
областная библиотека
им. А. М. Горького

54

Печатано съ разрѣшенія мѣстнаго Начальства.

ПРАЗДНОВАНІЕ

800—ЛѢТІЯ

Г. РЯЗАНИ,

БЫВШАГО ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКАГО.

(20—22—Сентября 1895 г.).

I.

Мысль о празднованіи 800 лѣтія города Рязани, древняго Переяславля—Рязанскаго, всецѣло принадлежитъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи. Сначала, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ засѣданій Коммиссіи былъ поднятъ чисто научный вопросъ о времени основанія Переяславля-Рязанскаго. Извѣстно, что Исторія не даетъ на этотъ вопросъ точнаго и опредѣленнаго отвѣта. Потребовались лѣтописныя справки и изысканія, вынута была изъ книгохранилища Рязанской Духовной Семинаріи не безъизвѣстная изслѣдователямъ Исторіи Рязанскаго Княжества рукописная книга, „слѣдованная псалтырь", XVI вѣка, въ которой на оборотѣ одного листа сдѣлана такая запись полу-уставомъ (можетъ быть XVI вѣка): „Въ лѣта ҂ѕ҃х҃г҃ (6603) заложенъ б҃ы град переславль резанѣскоі окола ц҃ркви ст҃го Николы старого". Эта запись неразъ была предметомъ обсужденія въ собраніяхъ Коммиссіи. Большинство Членовъ склонялось къ мнѣнію, что время основанія Рязани слѣдуетъ относить именно къ 1095 году. Тогда естественно родилась мысль о юбилеѣ города и въ засѣданіи Коммиссіи 22 Мая 1890 года было постановлено: вопросъ о празднованіи предстоящаго въ 1895 году юбилея передать въ особую подкоммиссію. Въ подкоммиссію вошли члены А. Д. Повалишинъ, А. В. Селивановъ и Кн. Н. Г. Крапоткинъ. Во исполненіе таковаго постановленія 24 Декабря 1893 г. Архивная Коммиссія обратилась съ слѣдующимъ письмомъ къ своему уважаемому Непремѣнному Попечителю, Рязан-

скому Губернатору Николаю Семеновичу Брянчанинову, всегда отзывчивому къ интересамъ Коммиссіи:

«Милостивый Государь, Николай Семеновичъ! Рязанская Ученая Архивная Коммиссія Высочайшею волею поставленная охранять памятники Рязанской старины, въ числѣ своихъ обязанностей считаетъ научно руководить изученіемъ мѣстной старины и истолковывать для современнаго населенія Рязанскаго края факты исторіи и быта его отдаленнаго прошлаго. Выполняя эту священную задачу, Архивная Коммиссія считаетъ своимъ долгомъ напомнить современному населенію г. Рязани, что въ предстоящемъ 1895 году исполнится 800 лѣтъ существованія нашего города сначала подъ именемъ «Переяславля-Рязанскаго», когда то стольнаго города княжества Рязанскаго,—а потомъ просто Рязани.

Правда, извѣстіе о заложеніи Переяславля-Рязанскаго не записано древнею лѣтописью, а первая письменная запись о заложеніи его въ этомъ именно году (1095) сдѣлана только въ XVI в., рукою мѣстнаго дѣписателя, въ концѣ «слѣдованной псалтири» (хранящейся въ библіотекѣ духовной Семинаріи). Эта запись, провѣренная историческою критикою, имѣетъ для насъ важность свидѣтельства древней лѣтописи, почему и не можетъ поколебать увѣренности Рязанской Ученой Коммиссіи, что за Рязанью (Переяславлемъ Рязанскимъ) числится глубокая—800 лѣтняя—старина, что выпадаетъ на долю не многихъ русскихъ городовъ. Вынести столько невзгодъ отъ непріятелей и такой непрерывный ходъ страданій отъ мѣстныхъ бѣдъ на протяженіи 800 лѣтъ, и нетолько уцѣлѣть, но и незахудать,—это особенное знаменіе милости Божіей къ нашему городу.

Въ сознаніи этого несомнѣннаго для нея факта Рязанская Архивная Коммиссія, послѣ неоднократныхъ научныхъ совѣщаній своихъ членовъ, намѣрена, по примѣру другихъ городовъ, ознаменовать 800 лѣтіе Рязани въ 1895 году торжественнымъ публичнымъ засѣданіемъ и общимъ юбилейнымъ торжествомъ совмѣстно, если не совсѣми жителями, то хотя-бы съ представителями города. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія Вашего Превосходительства, Архивная Коммиссія имѣетъ честь покорнѣйше просить ходатайствовать предъ Его Высокопревосходительствомъ, г. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, о разрѣшеніи празднованія 800 лѣтняго юбилея города Рязани, бывшаго Переяславля-Рязанскаго въ 1895 году».

Въ 1891 году Правитель дѣлъ Коммис., А.В. Селивановъ въ «Трудахъ» Коммиссіи (томъ VI, вып. 2-й) напечаталъ обстоятельную статью: *«къ вопросу объ основаніи города Переяславля-Рязанскаго»*, въ которой пришелъ къ заключенію, что первоначальное заложеніе Переяславля въ 1095 году должно считаться безспорнымъ, пока оно не опровергнуто новыми изслѣдованіями (Прил. № 9). Но голоса сомнѣнія все еще слышались среди членовъ Коммиссіи и изысканія продолжались. Были сдѣланы фотографическіе снимки въ записи слѣдованной псалтыри для разсылки компетентнымъ судьямъ; подлинная псалтирь была затребована Археологическимъ Институтомъ для палеографическаго обслѣдованія. Однако возраженія ни откуда не послѣдовало. Сомнѣнія умолкли и общее собраніе членовъ Архивной Коммиссіи въ годичномъ засѣданіи 9 Мая 1893 года п о с т а н о в и л о: ходатайствовать предъ Высшимъ Правительствомъ о разрѣшеніи празднованія въ 1895 году 800 лѣтія г. Рязани. Но и послѣ того дѣло подвигалось медленно, такъ что тогдашній Правитель дѣлъ Коммиссіи, г. Яхонтовъ, въ годичномъ собраніи 12 Іюня 1894 года вновь возбудилъ вопросъ о юбилеѣ. На этотъ разъ рѣшено въ началѣ осени собрать общее собраніе изъ представителей Архивной Коммиссіи и горожанъ, подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ Его Превосходительства, г. Непремѣннаго Попечителя Коммиссіи (очемъ и просить Его) для выработки плана и программы предстоящаго празднованія.

Съ этого времени въ очередныхъ засѣданіяхъ часто ставился вопросъ, какое участіе въ общемъ торжествѣ приметъ Рязанская Ученая Архивная Коммиссія.

Такъ, членъ Коммиссіи Я—въ въ собраніи 5 Октября 1894 года сдѣлалъ такого содержанія заявленіе: «въ виду близости дня празднованія 800 лѣтія Рязани онъ считаетъ нужнымъ напомнить Коммиссіи, что хотя и постановлено ходатайствовать предъ г. Губернаторомъ объ образованіи Комитета изъ представителей учрежденій, заинтересованныхъ въ надлежащемъ устройствѣ празднества, но пребывать въ бездѣйствіи въ ожиданіи открытія этого Комитета врядъ ли для Архивной Коммиссіи желательно, а слѣдуетъ нынѣ же приступить къ выработкѣ мѣръ непосредственнаго самой Коммиссіи участія въ празднествахъ и въ частности къ изданію юбилейнаго Сборника. На основаніи этого заявленія избрано было особое редакціонное бюро изъ членовъ Коммиссіи: А. Д. Повалишина, С. Д. Яхонтова, А. И.

Черепнина. В. А. Самарянова и В. А. Шеферлинга,—и разослано объявленіе всѣмъ членамъ Коммиссіи, съ предложеніемъ принять участіе въ составленіи Сборника.

Въ концѣ Декабря (17-го) того же года въ квартирѣ г. Губернатора, подъ руководствомъ Его Превосходительства, состоялось частное собраніе нѣсколькихъ членовъ Комиссіи, въ которомъ и выработанъ былъ общій планъ празднества, назначено время, и здѣсь же впервые поставленъ былъ вопросъ о соединеніи съ 800 лѣтнимъ юбилеемъ Рязани празднества 600 лѣтія кончины Св. Василія, епископа Рязанскаго (1295 г.). Такимъ образомъ будущее празднество предвидѣлось грандіознымъ. Присоединеніе къ гражданскому торжеству религіознаго пришлось всѣмъ по душѣ: оно придавало полноту, большую притягательность для простаго народа. Предстоящее религіозное торжество давало болѣе широкій полетъ мысли, будило святыя чувства, манило воображеніе... Праздникъ разростался въ идеѣ и долженъ былъ возбуждать общественный интересъ.

Роились въ головахъ самыя хорошія намѣренія и заманчивые проэкты. Въ юбилейномъ Сборникѣ рядомъ статей думали представить Рязань старую съ ея удѣлами, князьями и войнами, на общерусской службѣ, и современную Рязань, съ ея бытомъ и благосостояніемъ..... Думали составить и издать для раздачи народу краткую исторію Рязанскаго края, отдѣльные эпизоды изъ Рязанской исторіи, жизнеописанія замѣчательныхъ рязанцевъ и т. п. Предполагали организовать на время празднествъ мѣстную археологическую и этнографическую выставку, для которой въ нашемъ музеѣ имѣется богатый матеріалъ. Задумали даже воздвигнуть памятникъ Вел. князю Олегу Рязанскому, а пока къ юбелею изготовить гипсовую модель монумента (см. протоколы засѣданій 5 Октября и 4 Ноябрь 1894 г.). Но не всѣмъ этимъ хорошимъ намѣреніямъ суждено было исполниться. Небольшое провинціальное «ученое» общество, естественно, слишкомъ бѣдно ученными силами, а тѣ очень не многіе, которые научно работаютъ для Коммиссіи, не имѣютъ лишняго времени. Всѣ заняты службою и обязанностями, отъ которыхъ получаютъ средства къ жизни. Кромѣ того, постоянный недостатокъ въ денежныхъ средствахъ Коммиссіи такъ же не позволялъ взяться за то или другое предпріятіе, соединенное съ значительными расходами. Юбилейный Сборникъ такъ и не былъ приготовленъ ко времени праздника вслѣдствіе многихъ причинъ, хотя мысль объ его изданіи на память о

800 лѣтіи Рязани все еще не покинула членовъ Коммиссіи. Нѣкоторыя статьи для «Юбилейнаго Сборника» были подготовлены и вошли или войдутъ въ «Труды» Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи (см. Труды Архивной Коммиссіи 1895 г. выпускъ 2-й вышедшій къ юбилею), а другія, болѣе обширныя, составятъ отдѣльныя изданія Коммиссіи [1]). Изъ популярныхъ же статей, которыя должны были служить подготовкою къ празднику, можно отмѣтить только нѣсколько статей (С. Д. Яхонтова) въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ: 1) «къ 800 лѣтію Рязани». 2) «Вел. кн. Ярославъ Святославичъ—первый кн. Рязанскій и основатель Рязани»; 3) «сводный лѣтописный пересказъ повѣсти о разореніи Рязани Батыемъ»,—4) такой же пересказъ «повѣсти объ Евпатіи Коловратѣ».

Такъ дѣло обстояло у инициатора Юбилея, Архивн. Коммиссіи.

Въ началѣ юбилейнаго года Начальникъ Губерніи, согласно совѣщанія членовъ Архивной Коммиссіи, бывшаго 17-го Декабря 1894 года подъ его Предсѣдательствомъ, письменно обратился ко всѣмъ Губернскимъ властямъ и Представителямъ съ сообщеніемъ о предполагаемомъ торжествѣ и съ просьбою высказаться о степени участія въ празднествѣ каждаго отдѣльнаго вѣдомства и учрежденія. Всѣ — духовенство, войско, учебныя учрежденія, земство, городъ и городскія сословія, въ лицѣ своихъ представителей, сочувственно отнеслись къ мысли о юбилеѣ и единогласно выразили готовность принять въ той или другой формѣ участіе въ общемъ торжествѣ. Въ концѣ Февраля г. Губернаторъ вошелъ съ представленіемъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ по поводу юбилея, а въ годичномъ засѣданіи Архивной Коммиссіи 16-го Апрѣля 1895 года при обсужденіи вопроса о празднованіи 800 лѣтія г. Непремѣнный Попечитель Н. С. Брянчаниновъ сообщилъ, что ходатайство о разрѣшеніи празднества должно исходить отъ Городской Думы, что Дума уже собиралась по этому поводу и уполномочила членовъ Управы и четырехъ гласныхъ озаботиться приготовленіями къ празднеству; что теперь слѣдуетъ выбрать членовъ Архивной Коммиссіи,

---

[1]) Таковы труды: А. И. Черепнина «Доисторическое прошлое Рязанскаго края», извлеченіе изъ котораго прочитано въ юбилейномъ засѣданіи; С. Д. Яхонтова «Рязанскій Кремль въ связи съ исторіей города». (Часть изъ изслѣдованія: Исторія г. Рязани) и А. Д. Повалишина «Рязанскаи губернія въ половинѣ XIX столѣтія». (По всеподданнѣйшимъ отчетамъ Рязанскихъ Губернаторовъ). Это интересное изслѣдованіе напечатано въ Трудахъ Архивной Коммиссіи вып. 2-й 1895 г. (ко дню юбилея) и вышло особымъ изданіемъ.

которые вмѣстѣ съ гласными отъ города и представителями отдѣльныхъ вѣдомствъ и учрежденій должны составить «юбилейную Коммиссію» и выработать программу и всѣ подробности торжества. Въ Юбилейную Коммиссію вошли: Предсѣдатель Архивной Коммиссіи С. И. Урсати, Товарищъ Предсѣдателя А. Д. Повалишинъ, Почетный членъ В. С. Буймистровъ и члены: И. К. Смирновъ, В. А. Перцевъ, В. И. Мартыновичъ-Лашевскій, Н. Д. Малашкинъ, С. Д. Яхонтовъ, А. И. Черепнинъ, В. А. Самаряновъ и В. А. Шеффердингъ.

Чрезъ 4 дня, 20 Апрѣля, состоялось первое засѣданіе Юбилейной Коммиссіи, очень многолюдное, подъ Предсѣдательствомъ Начальника губерніи Н. С. Брянчанинова, въ присутствіи Преосвященнѣйшаго Епископа Рязанскаго и Зарайскаго Іустина и Начальника 35 пѣхотной дивизіи, расквартированной въ Рязанской губерніи, Генералъ-Лейтенанта А. А. Юнакова. Открывая засѣданіе, Предсѣдатель высказалъ слѣдующее:

«Городу Рязани, какъ одному изъ немногихъ городовъ нашего обширнаго отечества, Провидѣніемъ суждено въ текущемъ году пережить знаменательную годовщину 800 лѣтія современи своего основанія. 800 лѣтъ тому назадъ былъ основанъ Переяславль-Рязанскій (нынѣшняя Рязань), какъ оплотъ отъ много-численныхъ враговъ, окружавшихъ наше отечество, тогда еще мало устроенное. Исторія показываетъ намъ, сколько невзгодъ отъ непріятелей и какой непрерывный рядъ бѣдствій отъ мѣстныхъ неурядицъ вынесло Рязанское княжество, съ своимъ стольнымъ городомъ нынѣшнею Рязанью.—Уцѣлѣть и не захудать, за длинный 800 лѣтній періодъ,—это особенное знаменіе милости Божіей и не отмѣтить какимъ либо особеннымъ торжествомъ такое знаменательное событіе современному поколѣнію г. Рязани было бы и несправедливо и неблагодарно.

Какъ видимое проявленіе водительства Божія въ судьбахъ нашего края, Богъ даровалъ нашему городу, на ряду имъ съ мудрыми князьями руководителями, и такого свѣтильника вѣры, какимъ явился св. Василій, первый Епископъ Рязанскій. Наше торжество должно усугубиться знаменательнымъ совпаденіемъ 800 лѣтія г. Рязани съ 600 лѣтіемъ со дня кончины Покровителя нашего города, св. Василія. По этому и празднованіе наше должно соединить нераздѣльно эти два событія. Молитвенная благодарность къ Богу и прошеніе о предстательствѣ Святителя—вотъ естественное начало торжества, которымъ мы должны были бы на-

чать нашъ праздникъ. А потому мною прежде всего и сдѣлано сношеніе съ Его Преосвященствомъ, Епископомъ Іустиномъ, объ установленіи порядка духовнаго торжества. Что же касается до устройства самаго юбилейнаго празднества по случаю 800 лѣтія г. Рязани, которое предполагается болѣе удобнымъ по времени пріурочить къ Сентябрю мѣсяцу, то таковое можетъ совершиться лишь съ Высочайшаго разрѣшенія по докладу Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, основанному на ходатайствѣ Городскаго Общества, съ представленіемъ на утвержденіе выработанной Думою программы юбилейнаго торжества и ассигнованіемъ необходимой суммы на расходы, по выполненію этой программы. Городская Дума, въ которой уже обсуждался вопросъ объ устройствѣ 800 лѣтняго юбилея г. Рязани, избрала Коммиссію, для выработки совмѣстно съ ученою Архивною Коммиссіею программы празднества и составленія смѣты расходовъ и съ тѣмъ вмѣстѣ просила меня принять Предсѣдательство въ соединенной Коммиссіи.—Пополнивъ Коммиссію Начальниками отдѣльныхъ частей, участіе которыхъ въ составленіи программы празднества желательно, я прошу собравшихся г.г. членовъ приступить къ занятіямъ».

Засѣданіе это было посвящено обсужденію общаго характера празднества. Мы не станемъ приводить происходившихъ въ засѣданіи преній и передадимъ только о желаніяхъ, высказанныхъ Преосвященнымъ Іустиномъ, о сообщеніи редактора «Трудовъ» Архивной Коммиссіи С. Д. Яхонтова и о предложеніи Предсѣдателя Губернской Земской Управы В. С. Буймистрова.

Его Преосвященство еще раньше, въ Февралѣ мѣсяцѣ, соединяя Празднество 800-лѣтія Рязани съ чествованіемъ памяти 600 лѣтія со дня кончины св. Василія, перваго Епископа Рязанскаго, подробно и мотивировано сообщилъ Губернатору, чѣмъ со стороны церкви должно ознаменоваться предстоящее торжество. Теперь, болѣе краткэ, Преосвященнѣйшій Іустинъ изложилъ, что по его мнѣнію, къ предстоящему юбилею желательно сдѣлать слѣдующее:

1) Оправить древнѣйшій Архангельскій соборъ, какъ усыпальницу древнихъ князей и владыкъ рязанскихъ, назвать его братскою церковію, пріурочить къ нему Братство Св. Василія, со всѣми принадлежностями, и открыть въ немъ всегдашнее поминовеніе Царской фамиліи по извѣстному реестру, Рязанскихъ архіереевъ и братчиковъ умершихъ

и живыхъ, по особому Синодику, на раннихъ литургіяхъ, покрайней мѣрѣ по субботамъ, а также по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ.

2) Соорудить благолѣпную икону св. Василія Рязанскаго, въ большомъ размѣрѣ, на подобіе крестовской и поставить ее въ помянутомъ Архангельскомъ Соборѣ, на видномъ мѣстѣ, съ двумя хоругвями—одною отъ города, а другою—отъ Братства. При иконѣ св. Василія поставить общую Братскую кружку и положить Братскій Синодикъ. Эта икона св. Василія потомъ берется во всѣ крестные ходы города Рязани.

3) Напечатать славянскими буквами, въ Синодальной Типографіи, какъ службу, такъ и Акафистъ св. Василію, вновь пересмотрѣнные и исправленные; а также установить однажды на всегда и день торжественнаго празднованія св. Василію, именно 10-го Іюня, какъ день открытія и перенесенія св. мощей Его,—день самый удобнѣйшій, о чемъ ходатайство послано въ Св. Синодъ. Не мѣшало бы при этомъ возстановить и торжественное празднованіе св. великомученику Князю Рязанскому Роману—19-го Іюля. Это вѣдь—слава рязанская.

4) Наконецъ необходимо благоукрасить и самую площадь соборную, хотя бы полисадомъ, начиная отъ колокольни, съ воротами въ Спасскій монастырь и въ Архіерейскій домъ; а внутри посадкою прочныхъ и красивыхъ деревъ. Нигдѣ невидно такой небрежной открытости и совершенной беззащитности соборныхъ зданій. Кстати нужно и часовню на могилѣ св. Василія обновить къ предстоящему празднику.

По обсужденіи предложенія Преосвященнаго, второй его проэктъ о томъ, какъ совершать въ день Юбилея Богослуженія и крестные ходы обсужденіемъ отложенъ до слѣдующаго засѣданія, когда выяснится общая программа празднествъ.

Редакторъ «Трудовъ» г. Яхонтовъ, по предложенію Предсѣдателя, ознакомилъ присутствующихъ съ предположеніями Ученой Архивной Коммиссіи относительно ея участія въ Юбилеѣ, и между прочимъ словесно изложилъ программу и задачу «Юбилейнаго Сборника». Мы уже сказали, что этотъ сборникъ не осуществился (докладчикъ съ того и началъ, предупредивъ, что исполненіе задачи будетъ зависѣть отъ времени и средствъ, которыми располагаетъ Коммиссія); но намъ

желательно этою записью сохранить въ памяти хотя планъ несостоявшагося [1]) интереснаго изданія.

«Главная цѣль сборника, сказалъ С. Д. Яхонтовъ, воскресить въ памяти рязанцевъ къ юбилею хотя бы нѣсколько страницъ изъ давнишняго прошлаго рязанскаго края.

Предполагаемый сборникъ составятъ двѣ половины: первая должна дать представленіе о доисторическомъ и историческомъ прошломъ рязанскаго края и города Рязани (нынѣшней), вторая,—послужить для историческихъ справокъ читателя и интересующагося прошлымъ родины Рязанца.

Въ первую половину войдутъ слѣдующія статьи:

1) «Доисторическое» Рязанскаго края. (Черепнина).

2) Главнѣйшіе моменты въ исторіи Рязанскаго края. (Яхонтова).

3) Состояніе Рязанской губерніи въ половинѣ XIX столѣтія (Ковалишина).

4) Переславль-Рязанскій: Кремль въ связи съ исторіей города. (Яхонтова).

5) Статистическое описаніе современной Рязани. (Шефферлингъ).

Такимъ образомъ первая половина сборника должна дать довольно цѣльное представленіе о 800—лѣтнихъ историческихъ судьбахъ рязанскаго края и вмѣстѣ съ тѣмъ, до сихъ поръ остававшемся неизвѣстнымъ его прошлэмъ, которое предшествовало исторіи и которое благодаря археологіи раскрываетъ предъ нами сокровища богатой культуры, существовавшей на берегахъ средней Оки еще до прихода славянъ и до возникновенія рязанскаго княжества. 4 и 5 статьи берутъ два конечные пункта 800—лѣтія существованія Рязани: Рязань начальная и Рязань современная. Но такъ какъ главнѣйшій интересъ изъ остатковъ древней Рязани сосредоточивается на Кремлѣ, который служилъ ядромъ города и въ настоящее время представляетъ главную старину его, то исторія Кремля и остановила на себѣ вниманіе сборника по преимуществу. Она должна, насколько возможно, ознакомить со всѣми его достопримѣчательностями.

Вторая половина сборника составляетъ приложеніе, для справокъ, къ первой и имѣетъ съ нею тѣсную связь.

1) Такъ какъ въ предстоящемъ юбилеѣ соединяются два торжества—гражданское и церковное—800 лѣтіе основанія города Рязани и 600 лѣтъ со дня кончины св. Василія

---

[1]) Сборникъ и потому не могъ быть приготовленъ, что на печатаніе его требовалось гораздо болѣе времени, чѣмъ сколько оставалось до юбилея.

Рязанскаго,— то въ приложеніи помѣщены будутъ два важнѣйшихъ сказанія о двухъ важнѣйшихъ моментахъ въ жизни рязанскаго края: а) повѣсть о разореніи Рязани (старой) Батыемъ, событіи повліявшемъ на перенесеніе столицы рязанскаго княжества въ настоящую Рязань и б) повѣсть о св. Константинѣ Святославичѣ, основателѣ города нашего, и св. Василіѣ рязанскомъ, перенесшемъ епископскую каѳедру въ нынѣшнюю Рязань.

2) Слѣдующее отдѣленіе называетъ главнѣйшихъ представителей и вождей религіозной и политической жизни рязанскаго края, а также представителей ея интеллектуальныхъ силъ. Сообразно этому будетъ приложенъ:

1) Списокъ князей Рязанскихъ,
2) Святителей,
3) Воеводъ,
4) Намѣстниковъ—Губернаторовъ.
и 5) Писателей — уроженцевъ Рязанскаго края.

6) Хронологія событій Рязанскаго края.
7) Хронологія событій г. Рязани.

Въ качествѣ иллюстрацій къ тексту первой половины предположено приложить:

1) Карту Рязанскаго княжества въ XIV—XV вв.
2) Рязанской губерніи современной.
3) Планъ Рязанскаго Кремля и Острога XVII в.
4) Планъ г. Рязани современной.

Если позволятъ средства, въ сборникъ войдутъ снимки главнѣйшихъ зданій, свидѣтелей давнишняго прошлаго города Рязани. Такихъ памятниковъ, правда, нашъ городъ сохранилъ не много: едва ли какая часть Руси подвергалась такимъ постояннымъ опустошительнымъ набѣгамъ, какъ многострадальная Рязанская земля, русская Украйна. Вотъ почему такъ мало уцѣлѣло въ ней отъ сѣдыхъ временъ. Наиболѣе сохранились памятники религіозные, храмы, но и тѣ не очень глубокой древности: самый старый изъ нихъ явился не ранѣе XV вѣка.

Снимки будутъ приложены съ храмовъ:

Архангельскаго Собора, придворнаго княжескаго;

Успенскаго Собора—Каѳедральнаго;

Рождественскаго, вмѣщающаго въ себѣ мощи св. Василія.

Св. Духа,— остатка древнѣйшаго монастыря;

Николы Высокаго,— оригинальнѣйшей архитектуры, современной Грозному;

Іерусалимскаго,

Благовѣщенскаго,
Спасо-Преображенскаго, что на яру (XVII в.),
Борисоглѣбскаго—перваго каѳедральнаго собора,
Архіерейскаго дома—архитектуры XVII в.
Кремлевскаго вала, свидѣтеля боевыхъ подвиговъ рязанцевъ на протяженіи нѣсколькихъ вѣковъ.
Видъ современной Рязани.

Начальный листъ сборника будетъ украшенъ: 1) изображеніемъ основателя г. Рязани кн. Ярослава Святославича по изборнику Святославову, и 2) снимкомъ съ записи объ основаніи Переяславля-Рязанскаго въ 1095 году изъ слѣдованной псалтири XVI вѣка.

При возможности приложится и иконное изображеніе вел. князя рязанскаго Олега въ монашескомъ одѣяніи съ супругою его, тоже въ монашескомъ одѣяніи.

Послѣдняя страница украшается рязанскимъ гербомъ.

Предсѣдатель Губернской Земской Управы, В. С. Буймистровъ предложилъ создать особое рязанское знамя съ художественнымъ изображеніемъ крупнѣйшихъ рязанскихъ историческихъ моментовъ или обще-Русскихъ историческихъ событій, въ которыхъ участвовалъ рязанецъ съ изображеніемъ лика и портретовъ славнѣйшихъ рязанскихъ дѣятелей и героевъ съ древнѣйшихъ временъ и до послѣднихъ лѣтъ (Генералъ М. Д. Скобелевъ—ум. 1882 г.).

Знамя на будущее время должно всегда быть предъ глазами во всѣхъ случаяхъ, когда рязанцы собираются вмѣстѣ (крестные ходы, общественныя моленія) и напоминать современникамъ о прошломъ родного края.

Обрисовавъ яркими красками событія и лица, которыя должны украшать знамя, г. Буймистровъ находилъ, что «это будетъ памятникъ вѣчный юбилейнаго торжества, памятникъ, какъ цѣнное наслѣдство, нажитое мощными свойствами душъ рязанскихъ предковъ». Коснувшись расходовъ, необходимыхъ на сооруженіе цѣннаго знамени, ораторъ высказалъ, что, вѣроятно, Губернское Земство приметъ на себя издержки, а если не согласится, найдутся другіе источники: «я являюсь въ томъ отвѣтчикомъ», закончилъ г. Буймистровъ.

Предложеніе Преосвященнѣйшаго Іустина осуществилось почти вполнѣ. Древній Архангельскій Соборъ приведенъ въ порядокъ внутри, стараніемъ и на средства старосты Каѳедральна-

го Собора купца В. А. Постникова и освященъ не задолго до юбилея; въ немъ совершаются теперь ежедневныя литургіи, церковь именуется «Братскою» и къ ней пріурочена духовно-просвѣтительная дѣятельность Братства св. Василія. Величественная Икона св. Василія, перваго епископа рязанскаго; исполнена на средства города художникомъ Шумовымъ; исполнены также, прекрасной ажурной работы, двѣ металлическихъ хоругви, одна отъ города съ изображеніемъ основателя Переяславля-Рязанскаго кн. Ярослава Святославича (во св. крещеніи Константина) и св. Князя Рязанскаго Романа, другая отъ Братства съ изображеніемъ св. Василія епископа Рязанскаго и Ѳедотьевской Божіей Матери. Кромѣ того сооружены еще три, столь же богатыя, хоругви: двѣ отъ ремесленнаго Общества и одна отъ Мѣщанскаго. На первыхъ двухъ изображены, на одной образъ Спаса Нерукотвореннаго и свв. Николай Чудотворецъ и Царица Александра, на другой свв. Василій Рязанскій, Александръ Невскій и Романъ Рязанскій; изображенія писаны на серебрѣ и обѣ хоругви стоятъ 410 рублей. На хоругви Мѣщанскаго Общества изображенія въ серебряныхъ вызолоченныхъ ризахъ свв. Василія Епископа, Романа Князя, Николая Чудотворца и Царицы Александры, а въ медальонѣ свв. Князей Бориса и Глѣба и Константина Муромскаго. Хоругвь стоитъ 500 рублей. Памятникъ у церкви Бориса и Глѣба на могилѣ св. Василія Рязанскаго обновленъ [1]).

Юбилейный Сборникъ, какъ сказано, не состоялся, предложеніе о рязанскомъ знамени также не имѣло послѣдствій.

Здѣсь кстати упомянуть о томъ, что, какъ видно изъ из-

---

[1]) Разумѣется посадка деревьевъ на Соборной площади въ лѣтнюю пору не могла производиться и мы не знаемъ, каковы по этому предмету намѣренія Городскаго и Епархіальнаго Управленій. Но мысль Епископа Іустина украсить и защитить открытую площадь деревьями очень симпатична. Можно бы надъ обрывомъ Кремля, начиная отъ соборной колокольни и до церкви Св. Духа, устроить аллею изъ липъ или другихъ хорошо растущихъ на нашей почвѣ деревьевъ и образовать такимъ образомъ набережную рѣки трубежа. Отсюда такой далекій и замѣчательно красивый видъ на долину рѣки Оки съ ея селеніями, рощами, монастырями!... Все дѣло въ иниціативѣ. Выросли же относительно въ недавнее время на нашихъ глазахъ тѣнистые бульвары по Соборной улицѣ и у каменныхъ рядовъ. Все новое въ этомъ родѣ тѣмъ болѣе желательно, что въ городѣ, кромѣ тѣснаго городскаго сада, нѣтъ мѣста для прогулокъ. Безъ сомнѣнія, набережная рѣки Трубежа въ древнемъ Кремлѣ въ виду рязанскихъ святынь, стала бы любимымъ мѣстомъ отдыха для рязанца въ лѣтніе жаркіе дни. Эту мысль высказалъ и развивалъ еще генералъ А. Ф. Риттихъ, почетный членъ Архивной Коммиссіи, въ бытность его въ Рязани начальникомъ 35 пѣхотной дивизіи.

ложеннаго, первоначальное празднованіе 800 лѣтія Рязани соединялось съ духовнымъ торжествомъ 600 лѣтія со времени кончины святителя Василія Рязанскаго. Всѣ журналы и протоколы совѣщаній по юбилейнымъ вопросамъ говорятъ о соединенномъ празднествѣ—основанія Рязани и памяти Святителя. Хотя оффиціально 600—не праздновалось, однако вся церковная часть перваго торжества была посвящена прославленію и памяти перваго Рязанскаго Епископа Василія.

Послѣ описаннаго перваго засѣданія, Юбилейная Комиссія собиралась еще нѣсколько разъ въ квартирѣ Губернатора, для обсужденія порядка и всѣхъ подробностей празднества. Выяснились средства на издержки поустройству праздника. Городская Дума ассигновала 1500 руб.; но такъ какъ этой суммы по приблизительному расчету оказалось не достаточно, то купеческое Общество добавило изъ своихъ средствъ 300 рублей, затѣмъ Губернское Земство пришло на помощь и передало въ распоряженіе города еще 700 руб. Сюда же слѣдуетъ присоединить подписныя деньги болѣе 500 руб. (на обѣдъ). Вся распорядительная часть празднества была предоставлена Городскому Управленію и его уполномоченнымъ. Коммиссія между прочимъ постановила: изготовить юбилейный жетонъ въ память 800—лѣтія Рязани, образецъ котораго въ послѣдствіи былъ утвержденъ, и жетонъ разрѣшено носить въ видѣ брелока. Жетонъ серебряный, круглый, величиною не много меньше полтинника послѣдняго чекана. Лицевая сторона выпуклая, съ вѣнкомъ вокругъ изъ дубовыхъ листьевъ, въ срединѣ четырехъ угольная рамка съ изображеніемъ Олега Рязанскаго и съ Императорской Короной, на верху, сверху и снизу медальона орнаменты изъ того же металла. Оборотная сторона жетона глалкая, съ надписью посрединѣ «1095—1895 г.» и вокругъ «въ память 800 лѣтія г. Рязани». Жетонъ заказанъ фабрикѣ Придворнаго поставщика Овчинникова.

Изготовленіе 125 жетоновъ, въ томъ числѣ 6 золотыхъ, всего стоимостію около 800 руб. превысило смѣтные расходы, такъ что всего на празднество издержано около 3500 рублей.

Въ концѣ Мая была окончательно выработана программа празднованія 800 лѣтія юбилея (прилож. № 7) и 31 Мая представлена на утвержденіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ, который долженъ былъ испросить на празднованіе Высочайшее соизволеніе. Насталъ періодъ ожиданія отвѣта.

Кончилось лѣто. Наступилъ уже Сентябрь мѣсяцъ. Тре-

вожно становилось за ожидаемое торжество, когда погода начала хмуриться.....

Осенніе дожди и грязь лишили бы праздникъ многихъ удовольствій и торжественности. Наконецъ, 8-го Сентября вечеромъ, Губернаторъ получилъ изъ Петербурга утвержденную программу празднества, оставшуюся въ томъ же видѣ, какъ она была послана, а 10 Сентября въ послѣдній разъ созвалъ Юбилейную Коммиссію изъ представителей всѣхъ вѣдомствъ и членовъ Архивной Коммиссіи. Начальникъ Губерніи сообщилъ, что «Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ въ 21 день минувшаго Августа Всемилостивѣйше разрѣшить соизволилъ отпраздновать, по утвержденной Министромъ программѣ, въ Сентябрѣ сего года, 800 лѣтній юбилей г. Рязани». Коммиссія опредѣлила начать празднество съ 20 Сентября и установила нѣкоторыя подробности.

Закипѣла подготовительная къ празднеству работа. Полетѣли въ столицу на цензуру статьи, назначавшіяся къ публичному сообщенію или обращенію; разсылались приглашенія на празднество иногороднымъ и сооружались праздничныя постройки. Преосвященнѣйшій Іустинъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ Рязанской Епархіи въ память 800 лѣтія были отслужены 20 Сентября всенощная, а 21-го литургія съ акаѳистомъ и молебномъ св. Василію Епископу Рязанскому. Губернаторомъ разослано до 600 приглашеній на праздникъ почетнымъ лицамъ и извѣщеній членамъ Архивной Коммиссіи объ имѣющемъ быть 21 Сентября торжественномъ засѣданіи Коммиссіи. Составъ городской полиціи былъ усиленъ командированными изъ ближайшихъ уѣздовъ полицейскими чиновниками и служителями. Съ своей стороны Городское Управленіе обратилось съ просьбою прибыть на торжество ко всѣмъ уѣзднымъ Предводителямъ дворянства, Предсѣдателямъ Земскихъ Управъ и градскимъ головамъ; приглашены также нѣкоторые знатные граждане, въ Рязани не проживающіе и состоящіе попечителями или жертвователями Рязанскихъ благотворительныхъ учрежденій и училищъ, и Волостные Старшины, по два отъ каждаго уѣзда. Городское Управленіе назначило изъ гражданъ распорядителей и блюстителей праздничнаго порядка [1]).

[1]) Въ юбилейные дни полиція встрѣчалась въ немногихъ пунктахъ; а всюду, при церковныхъ служеніяхъ, церемоніальныхъ шествіяхъ и на народныхъ гуляніяхъ виднѣлись съ бантами въ петлицѣ граждане, блюстители порядка.

Изъ приглашенныхъ городомъ гостей прибыли къ празднеству не многіе. Мы видѣли одного только Предводителя дворянства рязанскаго уѣзда, двухъ—трехъ предсѣдателей Земскихъ Управъ и столько же городскихъ головъ; старшинъ прибыло до двадцати человѣкъ.

Праздничныя постройки шли быстро. Обширная Ильинская площадь, между бульваромъ и зданіемъ Присутственныхъ мѣстъ, была выровнена и утрамбована. По срединѣ поставленъ высокій помостъ съ колоннами, для торжественнаго молебствія; по краямъ площади выстроены палатки, для угощенія войскъ, и разныя приспособленія для народной забавы,—мачты, качели и т. п. Въ началѣ соборнаго бульвара въ 4—5 дней возвысилась деревянная изящная арка (тріумфальныя ворота) работы городскаго архитектора, молодого художника А. С. Цѣхайскаго. На верху арки большой живописный губернскій гербъ: на золотомъ полѣ Вел. Кн. Олегъ въ зеленомъ одѣяніи, въ собольей шапкѣ и красной епанчѣ, съ мечемъ въ одной рукѣ и съ ножнами въ другой. Подъ гербомъ надпись: «Въ память 800 лѣтія Рязани». На лѣвой сторонѣ арки написано: «1095 годъ—основанія г. Рязани при князѣ Ярославѣ Святославичѣ», а на правой—«1895 годъ—первый годъ царствованія Государя Императора Николая II». Арка, богато убранная флагами и иллюминованная вечеромъ разноцвѣтными огнями, представляла замѣчательно красивое зрѣлище. Стоимость арки съ освѣщеніемъ превысила тысячу рублей, которую собралъ рязанскій купеческій староста М. Е. Поповъ среди своего общества. Желательно, чтобы арка была передѣлана въ каменную и сохранилась всегда на памятя будущимъ поколѣніямъ [1]). Въ этихъ приготовленіяхъ наступили дни празднества.

---

[1]) Намѣренія таковыя есть у представителей города.

20-е Сентября. Среда (*Предпразднество*).

Еще наканунѣ, 20-го, началось украшеніе домовъ и улицъ, а утромъ, въ Среду, городъ принялъ вполнѣ праздничный видъ. Даже на окраинахъ развѣвались флаги, а главныя улицы—Астраханская, Почтовая, Соборная сплошъ были убраны трехцвѣтными полотнами. На этотъ разъ нетолько многіе подъѣзды, но и цѣлыя стѣны домовъ, или всѣ окна, задрапированы были матеріями національныхъ цвѣтовъ. Рязань никогда не видала себя въ такомъ нарядѣ. Особенно привлекали вниманіе богато убранные дома: Торговаго Банка, Общественнаго Банка, многіе магазины на Почтовой улицѣ, выдавался вкусомъ и богатствомъ магазинъ Шемарина и одинъ на Семинарской, украшенный коврами, съ рисунками на древне русскіе сюжеты.....

Утромъ 20-го, воспитанники учебныхъ заведеній, явившіеся въ классы, были обрадованы увольненіемъ отъ занятій на три дня.

Того-же дня въ Борисоглѣбскомъ храмѣ, бывшемъ когда то каѳедральнымъ соборомъ рязанскихъ архіереевъ, была отслужена заупокойная литургія о блаженномъ упокоеніи душъ князей и княгинь, митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, военачальниковъ и бояръ и всѣхъ въ православной вѣрѣ усопшихъ жителяхъ рязанской области. Служеніе совершалъ ректоръ Духовной Семинаріи І. К. Смирновъ.

Собственно праздничное движеніе въ городѣ началось во 2-мъ часу дня, когда закрылись присутственныя мѣста, прекратилась торговля.....

Въ 2 часа начался благовѣстъ въ Борисоглѣбской церкви и изъ всѣхъ церквей малые крестные ходы, при мѣстномъ звонѣ съ хоругвями и чтимыми иконами, съ духовенствомъ въ бѣлыхъ праздничныхъ ризахъ, направились къ той же Борисоглѣбской церкви, куда и собрались часамъ къ 3-мъ, къ могилѣ святителя Василія Рязанскаго.

На берегу Борисоглѣбскаго оврага, на церковной площади возвышается памятникъ надъ могилою св. Василія, гдѣ до 1609 года почивали его мощи, перенесенные въ этомъ году въ нынѣшній Рождественскій, тогда Успенскій соборъ. Па-

мятникъ представляетъ небольшую металлическую пирамиду, съ рельефными изображеніями событій изъ жизни св. Василія. Къ празднику обновленный, священный памятникъ былъ украшенъ цвѣтами и гирляндами изъ зелени. Сюда къ 2-мъ часамъ стекался народъ и заполнилъ на далекомъ протяженіи всѣ улицы, ведущія къ храму. Довольно большая церковная ограда едва вмѣстила святыни рязанскихъ церквей и монастырей. Послѣ малой вечерни началось служеніе молебна святителю Василію всѣмъ рязанскимъ духовенствомъ и клиромъ, съ ректоромъ Духовной Семинаріи во главѣ.

Здѣсь, подъ открытымъ, совершенно лѣтнимъ, безоблачнымъ небомъ, при гармоническомъ пѣніи Семинарскаго хора вознеслась колѣнопреклоненная молитва Святому Рязанскому Угоднику, составленная преосвященнѣйшимъ Іустиномъ [1]):

Погода была чудная, та рѣдкая осенняя погода, лучшая въ году, когда летаетъ паутина.

По окончаніи молебствія рязанскія святыни, въ предшествіи вновь сооруженныхъ величественной иконы св. Василія и блестящихъ хоругвей, со всѣмъ духовенствомъ, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ, направились чрезъ тріумфальную арку въ Кремль, въ Христорождественскій соборъ. Торжественное шествіе сопровождала несмѣтная масса народа. Епископъ Іустинъ съ двумя архимандритами и соборнымъ духовенствомъ, въ зеленыхъ шолковыхъ ризахъ, вновь изготовленныхъ къ юбилею, съ пѣвчими въ парадныхъ кафтанахъ, при первомъ трезвонѣ вошелъ на паперть Рождественскаго собора и въ ожиданіи крестнаго хода долгое время оставался вмѣстѣ съ народомъ, заранѣе занявшимъ Соборную площадь. Когда шествіе вступило на площадь. Преосвященный двинулся на встрѣчу, приложился къ иконѣ св. Василія и послѣ краткаго молитвеннаго пѣнія, проводилъ святыни въ соборъ.

Было уже 4 часа. Въ 5 часовъ въ соборѣ и во всѣхъ церквахъ города раздался праздничный благовѣстъ ко всенощной.

Всенощную въ Рождественскомъ соборѣ, гдѣ почиваютъ мощи св. Василія, съ литіею, величаніемъ, съ прочтеніемъ

---

[1]) «Святителю Отче Василіе! Умоли Господа Бога, да проститъ намъ всякое согрѣшеніе, вольное и невольное, и очиститъ насъ отъ всякія скверны плоти и духа; да избавитъ насъ отъ козней исконнаго врага нашего и сохранитъ отъ клеветы человѣческія; да утвердитъ насъ въ истинной спасительной вѣрѣ и нелицемѣрномъ благочестіи, да соблюдетъ отъ суемудрія и душетлѣнныхъ ученій вѣка сего; да охранитъ сердца наши отъ соблазновъ міра и да научитъ огребатися отъ плотскихъ страстей и похотей, горняя мудрствовать, а не земная».

Б-1325257

акаѳиста и молитвы Святителю предъ его гробницей, совершалъ Преосвященнѣйшій Іустинъ въ сослуженіи трехъ архимандритовъ, одного игумена и соборнаго причта. Прочитано было сказаніе о св. Василіѣ Рязанскомъ. Соборы были великолѣпно иллюминованы разноцвѣтными огнями, а равно колокольня, въ вышинѣ которой блестѣли транспаратныя изображенія св. Василія, плывущаго по Окѣ на мантіи и Великомученика Князя Рязанскаго Романа.

Всѣ три собора, въ которыхъ одновременно совершалась служба, были полны молящихся; площадь также была заполнена народомъ. Служба окончилась около 10 час. вечера.

21-е Сентября, Четвергъ.

День юбилея, какъ и наканунѣ, былъ свѣтлый, безоблачный. Солнце грѣло по лѣтнему [1]). Во всѣхъ церквахъ города совершены раннія обѣдни, а въ $8^1/_2$ утра раздался благовѣстъ къ торжественной поздней литургіи. Въ Рождественскомъ соборѣ совершали литургію епископъ рязанскій и зарайскій Іустинъ и викарій рязанской каѳедры, епископъ михайловскій Поліевктъ, въ сослуженіи архимандритовъ монастырей Троицкаго Владиміра и Богословскаго Виталія, ректора семинаріи протоіерея І. К. Смирнова и соборнаго причта. Въ то же время шла литургія въ главномъ лѣтнемъ Успенскомъ соборѣ, величественномъ и обширномъ, тоже въ теченіи лѣта капитально обновленномъ, какъ и Архангельскій соборъ, заботами соборнаго старосты В. А. Постникова. Тамъ служеніе совершали архимандриты Солотчинскаго монастыря Македоній и Радовицкаго Несторъ. За архіерейскимъ служеніемъ присутствовали всѣ городскія власти, почетные граждане и немногіе инородніе гости въ парадной формѣ; тутъ же, впереди, по лѣвую сторону находились волостные старшины изъ разныхъ уѣздовъ губерніи, числомъ до двадцати, и между ними одинъ инородецъ, татаринъ, магометанинъ. Слово произнесъ о. Ректоръ семинаріи, посвященное гражданской и церковной исторіи рязанскаго края. Сжато, но ярко обрисовываются свѣтскіе и духовные дѣятели рязанскаго края. Къ концу литургіи въ соборъ прибыли причты изъ всѣхъ городскихъ церквей.

Между тѣмъ, по направленію къ кремлю со всѣхъ сторонъ стекались массы народа. Ильинская площадь, примыкающая къ зданію присутственныхъ мѣстъ, со всѣхъ сторонъ была оцѣплена войсками, назначенными для поддержанія порядка. Прибыли войска съ тремя оркестрами музыки, пожарная команда въ пѣшемъ строю,—и заняли мѣста на площади. Одни за другими являлись ряды, попарно, учениковъ и

---

[1]) Кореспондентъ Новаго времени, сдѣлавшій самое лучшее и полное описаніе праздника, въ № 7034, такъ началъ свою статью: «Гдѣ я? Въ Неаполѣ или Рязани?! Спрашивадъ я себя въ юбилейные дни, глядя на безоблачную синеву Октябрскаго (по новому стилю) неба, испытывая Іюльскую жару и любуясь по вечерамъ чудными эффектами луннаго освѣщенія, которое переносило воображеніе далеко-на Югъ» ...

учениць всѣхъ учебныхъ заведеній съ своими воспитателями и занимали на площади назначенныя имъ мѣста. Разныхъ типовъ школъ мы насчитали 12, а ученическихъ группъ много больше, потому что низшія народныя школы прибывали каждая отдѣльно; всѣхъ же учениковъ и учениць, если они всѣ были, размѣстилось на площади болѣе 4-хъ тысячъ. Шумно и внушительно прослѣдовали стальныя орудія и зарядные ящики двухъ артиллерійскихъ батарей и заняли уголъ Соборной площади надъ обрывомъ къ рѣкѣ Трубежу, направивъ орудія въ даль луговъ. А народъ все прибывалъ, прибывалъ.....

По окончаніи литургіи изъ собора выступилъ крестный ходъ со всѣмъ городскимъ духовенствомъ и со всѣми рязанскими святынями, наканунѣ принесенными въ соборъ. Шествіе открылось въ слѣдующемъ порядкѣ: отъ соборной колокольни чрезъ мостъ, по бульвару, до тріумфальной арки стояли шпалеремъ войска; впереди шествія 4 конныхъ артиллериста, по бокамъ 16 верховыхъ; во главѣ хода фонарь и новыя юбилейныя хоругви, при нихъ ремесленный голова, мѣщанскій староста, представители города и братства св. Василія; за ними всѣ церковныя и соборныя хоругви; далѣе, св. иконы рязанскія въ предшествіи вновь сооруженнаго образа св. Василія, Честнаго Креста; архіерейскій хоръ пѣвчихъ въ парадныхъ кафтанахъ, духовенство, начиная съ младшихъ, два архимандрита съ крестомъ и евангеліемъ и архіерей съ дикиріями въ сопутствіи діаконовъ. Всѣ въ зеленыхъ шелковыхъ ризахъ. Шествіе замыкали губернаторъ, градскій голова, гласные, военные и гражданскіе чины и граждане. Несмѣтныя толпы народа сопровождали крестный ходъ и еще большія массы занимали всѣ свободныя вокругъ площади мѣста, занимали весь кремлевскій валъ и благоговѣйно любовались торжественной картиной. Всѣ крыши и окна прилегающихъ къ площади домовъ были такъ-же покрыты народомъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ виднѣлись мѣстные фотографы съ своими камерами. Изъ многочисленныхъ оконъ присутственныхъ мѣстъ, ближайшихъ къ площади, смотрѣла на церемоніалъ многочисленная публика, счастливая своимъ знакомствомъ съ чинами Губернскаго Правленія, Казенной и Контрольной Палатъ. Отсюда все отлично было видно и даже слышно. Когда ходъ, пройдя юбилейную арку, повернулъ на лѣво и вступилъ на Ильинскую площадь, соединенные оркестры музыки заиграли «Коль славенъ».—Показались пѣвчіе и духовенство. Этотъ моментъ шествія по площади, свободной

отъ народа, представлялъ поражающее зрѣлище. При звукахъ музыки, пѣніи архіерейскаго хора шествіе медленно подвигалось къ помосту,—обтянутому краснымъ сукномъ и убранному живыми растеніями и цвѣтами. Хоругви и иконы въ нѣсколько рядовъ (до 50) размѣстились вокругъ возвышенія, духовенство поднялось на помостъ и подъ открытымъ небомъ началось благодарственное молебствіе, озаренное яркими лучами солнца. Въ прозрачномъ воздухѣ далеко слышались стройныя молебныя пѣснопѣнія. Въ концѣ молебна, при пѣніи «Тебе Бога хвалимъ», дрогнулъ воздухъ, началась салютаціонная пальба изъ пушекъ. Едва раздалось послѣднее многолѣтіе, едва духовенство сошло съ помоста, заколебалась народная волна и въ одно мгновеніе обширная площадь представила изъ себя море человѣческихъ головъ. Раздались музыкальные звуки національнаго гимна, всѣ учащіеся соединеннымъ хоромъ пѣли «Боже, Царя храни», но безконечное «ура» многотысячной толпы и продолжавшаяся стрѣльба изъ пушекъ мѣшали разобраться въ этомъ народномъ одушевленіи. По приблизительному расчету на площади было болѣе 30 тысячь человѣкъ.....

По отбытіи съ площади святынь и духовенства, начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Л. А. Юнаковъ одинъ, и съ губернаторомъ, обходилъ войска, поздравляя ихъ съ праздникомъ. Губернаторъ, собравъ вокругъ себя юные баталіоны учениковъ и учениць, обратился къ нимъ съ рѣчью: «Поздравляю всѣхъ васъ, сказалъ Губернаторъ, съ высокознаменательнымъ событіемъ исполнившагося 800 лѣтія города Рязани. Возблагодаривъ Всевышняго за проявленную милость Божію сохраненіемъ въ теченіи столькихъ вѣковъ нашего родного города, испытавшаго въ далекомъ прошломъ такъ много бѣдствій и опустошеній, приложите все стараніе ваше къ выработкѣ воспитаніемъ характерныхъ чертъ рязанцевъ—сильной воли, прямоты, крѣпкой вѣры и любви къ Царю и родинѣ, чтобы впослѣдствіи съ беззавѣтною преданностію возлюбленному Монарху, поработать дружно на пользу рязанскаго края для славы родины, вѣчно памятуя завѣтъ вашихъ предковъ». Восторженные клики молодежи были отвѣтомъ на эти слова.

Послѣ этого ученики и ученицы городскихъ школъ отправились въ Городскую Управу, гдѣ имъ давались конфекты и брошюры, составленныя епископомъ Іустиномъ— «Сказаніе о святомъ Василіѣ, первомъ епископѣ рязанскомъ» и Святый Благовѣрный Князъ рязанскій, великомученикъ Романъ Ольговичъ» и преподавателемъ духовной семинаріи С. Д.

Яхонтовымъ брошюру для дѣтей—«Герои рязанскіе въ 1237 году».

Всѣхъ коробокъ конфектъ роздано 1046, а брошюръ 4500.

На площадь прибыли стрѣлявшія батареи и, послѣ парада, началось угощеніе войскъ въ присутствіи Начальника Дивизіи и Губернатора, сказавшихъ первые тосты. Въ часъ дня площадь была предоставлена ликованію народа.

Въ два часа дня въ залѣ дворянскаго дома открылось торжественное засѣданіе Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи. Посвящая засѣданію Коммиссіи далѣе особыя страницы, мы будемъ продолжать описанія дня.

Послѣ засѣданія Коммиссіи, окончившагося въ 6-мъ часу, ровно въ 6 часовъ въ помѣщеніи Городской Управы открылось торжественное засѣданіе Городской Думы подъ предсѣдательствомъ городскаго головы И. Н. Голубова въ составѣ 24 гласныхъ. Въ засѣданіи этомъ состоялось пять постановленій.

1) Въ знаменательный день восьмисотъ-лѣтняго существованія г. Рязани, Городская Дума, — осчастливленная Всемилостивѣйшимъ соизволеніемъ Государя Императора, воспослѣдовавшимъ въ 31 день Августа текущаго года, на юбилейное празднованіе.—исполнивъ, послѣ благодарственныхъ горячихъ молитвъ о здравіи Ихъ Императорскихъ Величествъ и всего Царствующаго Дома,—обрядъ торжества, единогласно постановила: повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества Государя Императора НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА вѣрноподданническія, безпредѣльно благодарныя чувства гражданъ г. Рязани за Всемилостивѣйшее разрѣшеніе юбилейнаго праздника и всеподданнѣйше просить усугубить счастіе рязанцевъ Всемилостивѣйшимъ соизволеніемъ на принятіе отъ нихъ юбилейнаго жетона, о чемъ съ представленіемъ на принятіе отъ нихъ юбилейнаго жетона представить на благоусмотрѣніе г. Губернатора.

2) Г. Губернаторъ 21 сего Сентября изволилъ передать городскому головѣ телеграмму Его Высокопревосходительства г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ слѣдующаго содержанія: «Рязань, Губернатору. Покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство передать Рязанскому Городскому Общественному Управленію искреннее мое поздравленіе съ торжественнымъ празднованіемъ сего дня восьмисотъ-лѣтняго юбилея г. Рязани. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Дурново».

Городская Дума въ торжественномъ засѣданіи 21 Сентября единогласно постановила просить г. Рязанскаго Губернатора выразить Его Высокопревосходительству, г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Ивану Николаевичу Дурново глубоко благодарныя чувства Городской Думы за благосклонное вниманіе къ ходатайству о разрѣшеніи настоящаго знаменательнаго для Рязани праздника, за великодушное, въ другихъ случаяхъ, отношеніе къ нуждамъ города и за поздравленіе, выраженное въ телеграммѣ, при чемъ почтительнѣйше просить Его Высокопревосходительство не отказать городу въ чести принятіемъ юбилейнаго жетона, который представить для этого Его Превосходительству, г. Губернатору.

3) По ходатайству г. Начальника губерніи Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Николая Семеновича Брянчанинова, Городской Думѣ разрѣшено отпраздновать 800 лѣтній юбилей Рязани. Совершивъ въ нынѣшній день праздничное торжество, Дума считаетъ пріятнымъ для себя долгомъ выразить Его Превосходительству Николаю Семеновичу глубоко благадарныя чувства, за доставленіе возможности внести въ лѣтопись Рязани лишнюю свѣтлую страницу и настоящимъ актомъ увѣковѣчить дорогое для Рязани имя Николая Семеновича и чрезъ особую депутацію поднести Его Превосходительству юбилейный жетонъ.

4) Дума, желая ознаменовать событіе 800 лѣтняго юбилея Рязани какимъ либо добрымъ дѣломъ, единогласно постановила поручить Управѣ представить въ слѣдующее засѣданіе Думы свои соображенія по данному вопросу.

и 5) Затѣмъ, по выслушаніи поздравительныхъ телеграммъ отъ разныхъ лицъ и учрежденій, Городская Дума постановила: благодарить приславшихъ поздравленія.

Въ $7^1/_2$ часовъ вечера городской голова объявилъ Собраніе закрытымъ.

---

[1]) Жетоны заказанные, какъ выше сказано, въ числѣ 125 экземпляровъ, еще не были готовы. Три золотыхъ жетона, о которыхъ сказано въ постановленіи, были изготовлены въ началѣ Октября и постановленіе отъ 21 Сентября, тогда же исполнено. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ 14 Октября извѣстилъ Губернатора, что «Государь Императоръ, милостиво принявъ жетонъ въ память 800 лѣтія города Рязани, Высочайше повелѣть соизволилъ—благодарить городское Общество». А ранѣе, 10 Октября, Министръ просилъ Губернатора передать глубокую его благодарность Городской Думѣ за присланный ему жетонъ, равно и Рязанскій Губернаторъ 10-го же Октября письмомъ на имя Градскаго Головы засвидѣтельствовалъ Думѣ душевную признательность за выраженныя въ постановленіи 21 Сентября чувства и сердечную благодарность за поднесенный жетонъ.

Мы покинули Ильинскую площадь въ часъ дня, переполненную ликующимъ народомъ. Такою она и оставалась весь день до вечера. Стало ясно, что тутъ истинное народное гулянье. Большая часть гуляющихъ принадлежала къ крестьянской молодежи изъ окрестныхъ селъ и деревень. Въ двухъ мѣстахъ играла музыка, какъ всегда, окруженная многолюдною толпою; но еще болѣе тѣснился народъ, гдѣ деревенскія молодицы и парни водили хороводы съ своими пѣснями и плясками. Цѣлъ хоръ военныхъ пѣсенниковъ; а тамъ, въ другомъ концѣ, росъ и крѣпъ другой импровизированный хоръ, народный, и чрезъ нѣсколько времени покрывалъ большую часть площади своимъ то веселымъ «Сѣни мои», то закатистымъ и безконечнымъ «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ... Послѣ засѣданія Архивной Коммиссіи пріѣхалъ взглянуть на гулянье Губернаторъ. Его встрѣтили крикомъ «ура» и, говорятъ, онъ едва выбрался изъ толпы, обнаружившей намѣреніе нести начальника на рукахъ и всячески чествовать. Другія увеселенія шли своимъ чередомъ: лазанье на мачты, бѣганье на скорость, бѣганье въ мѣшкахъ, добываніе сюрпризовъ изъ подъ ведра, обливающаго досужаго охотника водою... Смѣхъ, пѣсни, музыка военная и своя на гармоникахъ, вплоть до вечера, когда замелькали иллюминаціонные огоньки и народъ перекочевалъ на улицы [1]).

Въ засѣданіи 13 Октября Дума между прочимъ намѣтила, кому должны быть розданы жетоны и постановила золотой жетонъ поднести Городскому Головѣ, на которомъ главнымъ образомъ лежали труды по устройству Празднества. Жетоны назначены нѣсколькимъ чинамъ центральнаго Управленія въ Петербургѣ, всѣмъ гласнымъ, нѣкоторымъ почетнымъ лицамъ иногороднымъ, мѣстнымъ начальствующимъ лицамъ всѣхъ вѣдомствъ и учрежденій и нѣкоторымъ Членамъ Архивной Коммиссіи, кромѣ того одинъ жетонъ препровожденъ на вѣчное храненіе въ Архивную Коммиссію и занялъ почетное мѣсто въ витринахъ Рязанскаго музея.

[1]) Тотъ же корреспондентъ Новаго времени такъ описываетъ этотъ праздникъ: «Общій колоритъ толпы темный; костюмы мужчинъ лишены всякаго колорита—убійственные черные картузы, черные пиджаки да кафтаны. Женскіе костюмы разноцвѣтнѣе, но лучше всего были костюмы хороводовъ, женскихъ конечно. Эти молодухи и дѣвушки прямо пришли изъ рязанской деревни въ своихъ праздничныхъ нарядахъ, блещущихъ яркими красками. Надо полагать, что и при Олегѣ Рязанскомъ ходили въ этихъ же «Обрядахъ», въ этой же характерной рязанской поневѣ. «Гдѣ поневы тамъ и пѣсня, т. е. старая досельная»,—вспоминается афоризмъ одного изъ знатоковъ русской пѣсни. И отплясываютъ и отхватываютъ же свои пѣсни эти рязанки залихватски! Въ толпѣ движеніе; среди народа завидѣли Губернатора, разговаривавшаго съ народными артистами и что то раздававшаго. Чрезъ нѣсколько мгновеній вокругъ

Иллюминація такъ же, какъ и дневное убранство города, отличалось новизною. Главныя улицы были залиты свѣтомъ. Во многихъ мѣстахъ горѣли транспаранты съ иниціалами Государя и Государыни, съ изображеніемъ Олега Рязанскаго, съ надписями о 800 лѣтнемъ юбилеѣ. Нѣкоторые дома по фасаду сплошъ блестѣли разноцвѣтными шкаликами; въ разныхъ мѣстахъ горѣлъ бенгальскій огонь и друмондовъ свѣтъ. До электричества еще не дошла Рязань! Особенно художественно была освѣщена юбилейная арка, вся съ верху донизу горѣвшая радужными цвѣтами. магазинъ Шамарина, зданіе Городской Думы, домъ М. Е. Попова и Торговаго Банка.

Въ городскомъ саду, такъ же ярко освѣщенномъ и иллюминованномъ, играла музыка и гуляющіе густою массою тѣснились въ аллеяхъ. Главныя улицы были буквально заполнены народомъ, для проѣзда не оставалось мѣста и экипажи двигались шагомъ, постоянно останавливаясь. Только къ полночи огни погасли и улицы опустѣли. Замѣчательно, что при такомъ скопленіи народа все обошлось безъ малѣйшаго безпорядка. Видимо было, что всѣ справляли не заурядный праздникъ и веселились, сознавая особенность торжества Говорятъ, не было ни одного пьянаго и извѣстныя, полицейскія помѣщенія въ эту ночь остались безъ квартирантовъ. Въ послѣдствіи, по окончаніи празднествъ, послѣдовалъ приказъ по полиціи отъ полицеймейстера, изъ котораго видно, что Губернаторъ выразилъ благодарность чинамъ городской полиціи и нижнимъ служителямъ, наградивъ послѣднихъ угощеніемъ.

Въ то время, когда народъ справлялъ свои гулянья, въ Дворянскомъ Домѣ шелъ обѣдъ рязанскихъ гражданъ (по подпискѣ). Обѣдъ былъ сервированъ въ большомъ залѣ и частію, за недостаткомъ мѣста, въ столовой благороднаго собранія. Всѣхъ обѣдающихъ было до 200 лицъ. Присутствовали оба епископа: преосвященные Іустинъ и Поліевктъ, всѣ прибывшіе къ юбилею немногіе почетные гости, губернскія власти, почти всѣ гласные думы и многіе граждане; участвовали такъ же въ качествѣ гостей и волостные старшины.—Обѣдъ, какъ и быть слѣдуетъ, прошелъ оживленно и весело. Не останавливаясь на застольныхъ рѣчахъ и

начальника губерніи разыгрывается настоящая оживленная «Народная сцена» мейнингенскаго типа, что городовымъ едва удается сохранить около Н. С. Брянчанинова кусочекъ пустого мѣста. Любопытно, что ни гдѣ не видно ни одного пьянаго!

здравицахъ, на обѣденномъ меню, на которомъ изображенъ былъ видъ Рязанскаго кремля, рязанскій гербъ и княжескіе древніе доспѣхи; скажемъ только о первомъ тостѣ, провозглашенномъ Губернаторомъ о здравіи Государя Императора, встрѣченномъ общимъ восторгомъ. Съ этимъ тостомъ Губернаторъ направился въ другую столовою къ старшинамъ, сказалъ имъ душевное простое слово и тамъ раздалось многократное восторженное «ура». Одинъ изъ старшинъ въ свою очередь отъ лица присутствующихъ высказалъ поздравленіе и благодарность Начальнику Губерніи и поднялъ бокалъ за его здоровье. Тостъ за городскаго голову И. Н. Голубова, членовъ Управы и гласныхъ Думы былъ предложенъ такъ же Н. С. Брянчаниновымъ и сопровождался слѣдующею рѣчью: «Немногимъ городамъ земли русской выпало на долю переживать такіе знаменательные дни, какіе переживаемъ мы, празднуя 800 лѣтіе города Рязани. Рязань въ своемъ далекомъ прошломъ испытала такъ много бѣдствій и опустошеній отъ внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ усобицъ, что представляется чудеснымъ ея настоящее существованіе. Въ то время, какъ многіе изъ другихъ, нѣкогда славныхъ и цвѣтущихъ русскихъ городовъ обратились въ захудалые городки, незначительныя деревушки или пустынныя городища, Рязань сохранила почетное мѣсто среди многочисленныхъ городовъ нашего обширнаго отечества. Долговѣчность вообще есть результатъ присутствія въ организмѣ здоровыхъ жизненныхъ силъ; присутствіемъ такихъ силъ можно объяснить и много-вѣковое существованіе Рязани. Въ сознаніи такихъ благопріятныхъ условій для дальнѣйшаго развитія нашего города, мы съ наступленіемъ новаго девятаго вѣка существованія Рязани, смѣло и бодро можемъ смотрѣть въ будущее. Если послѣ столькихъ разореній и татарскихъ погромовъ Рязань возродилась изъ пепла и развалинъ, то среди мирнаго теченія жизни подъ Державнымъ правленіемъ нашего возлюбленнаго Монарха, родной нашъ городъ можетъ безпрепятственно выполнять свою историческую задачу.

Я счастливъ, что имѣю возможность въ настоящій торжественный день поднять бокалъ за процвѣтаніе города Рязани, одного изъ старыхъ братьевъ городовъ русскихъ и позволю высказать сердечное пожеланіе, чтобы Рязань всегда считалась украшеніемъ въ Державѣ русскихъ Монарховъ [1]).

---

[1]) Симпатичный тостъ былъ провозглашенъ прибывшимъ въ качествѣ гостя А. В. Половцевымъ за Архивную Коммиссію и ея безкорыстныхъ тружениковъ.

Пріятно было видѣть за общимъ торжествомъ представителей крестьянъ пахарей. Старшины прибыли къ юбилею доброй волей и, видимо душевно радовались почетному участію въ празднествахъ; изъ нихъ нѣкоторые, недостаточные въ средствахъ, получили прогоны отъ Городскаго Управленія всего въ размѣрѣ 110 рублей. Обѣдъ окончился къ 11 часамъ ночи.

Умная, мастерски выточенная, рѣчь почтеннаго гостя возбудила общее сочувствіе и присутствовавшіе искренно поздравляли присутствовавшихъ членовъ Архивной Коммиссіи. Къ глубокому сожалѣнію не удалось записать этой рѣчи,

Торжественное засѣданіе Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи 21-го Сентября 1895 года, въ день 800 лѣтняго юбилея города Рязани.

Обширный залъ Дворянскаго Дома къ 2 часамъ дня весь наполнился приглашенной публикой; было болѣе 600 чел. Въ числѣ рѣдкихъ посѣтителей засѣданія видѣли П. И. Бартенева, редактора издателя русскаго Архива, А. В. Половцева и друг. За эстрадой со столомъ, назначеннымъ для должностныхъ лицъ Архивной Коммиссіи и лекторовъ, размѣстились оркестръ Нѣжинскаго полка подъ управленіемъ Ярошевскаго и хоры духовной и учительской семинарій съ своими регентами Н. Е. Вифляевымъ и Д. А. Шумовымъ. Мѣста за колоннами были предоставлены старшимъ воспитанницамъ и воспитанникамъ учебныхъ заведеній. Хоры также были заняты слушателями. Прибыли Преосвященные Іустинъ и Поліевктъ. За столомъ на эстрадѣ заняли мѣста: Непремѣнный Членъ Архивной Коммиссіи—Рязанскій Губернаторъ Н. С. Брянчаниновъ, Предсѣдатель Коммиссіи С. И. Урсати и его Товарищъ А. Д. Повалишинъ, Редакторъ «Трудовъ» С. Д. Яхонтовъ, Дѣлопроизводитель В. А. Шеффердингъ и библіотекарь В. С. Праотцевъ, а такъ же Почетные Члены Коммиссіи, докладчики въ этомъ засѣданіи, В. С. Буймистровъ, [2]) Членъ Протоіерей І. К. Смирновъ и Профессоръ Д. И. Иловайскій. Хранитель Рязанскаго Музея Алексѣй Ивановичъ Черепнинъ, къ сожалѣнію, по болѣзни отсутствовалъ. Здѣсь кстати упомянуть объ отсутствіи бывшаго Правителя дѣлъ Коммиссіи, уважаемаго Алексѣя Васильевича Селиванова, которому Коммиссія съ своимъ Музеемъ, историческимъ Архивомъ и библіотекой обязаны, теперь такъ можно выразиться, своимъ процвѣтаніемъ [1]). (Программу см. прил. № 9).

Соединенный хоръ обѣихъ семинарій исполнилъ тропарь св. Василію, епископу Рязанскому и Непремѣнный Попечитель, Н. С. Брянчаниновъ произнесъ слѣдующую рѣчь: «Всемилостивѣйшимъ соизволеніемъ Государя Императора

---

[1]) Онъ, почти 9 лѣтъ трудившійся надъ упроченіемъ дѣла Архивной Коммиссіи, былъ въ 1895 году назначенъ Управляющимъ Государственными Имуществами въ Западной Сибири и былъ чествованъ Архивною Коммиссіею торжественными проводами, какъ Почетный Членъ, портретъ котораго хранится въ комнатѣ засѣданій Архивной Коммиссіи, Обязанный въ это время по своей должности сопровождать по Сибири Министра Земледѣлія, онъ не могъ прибыть къ юбилею.

разрѣшено празднованіе 800—лѣтія со времени основанія города Рязани, и тѣмъ дарована Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи возможность посвятить настоящее торжественное ея засѣданіе воспоминаніямъ о событіяхъ, связанныхъ съ многовѣковою исторіею Рязанскаго края. Я счастливъ тѣмъ, что на мою долю выпала высокая честь открыть настоящее засѣданіе. 11 лѣтъ тому назадъ, небольшая группа, изъ 15-ти лицъ мѣстной интеллигенціи, любителей родной старины, собравшись въ первое засѣданіе открывавшейся тогда въ Рязани Архивной Коммиссіи, должна была смотрѣть съ тревогою на предстоящую громадную задачу по собиранію, храненію и разработкѣ памятниковъ восьми вѣковой исторіи края, полной кипучей дѣятельности рязанцевъ, нашихъ предковъ, дѣятельно способствовавшихъ росту, славѣ и величію нашего дорогаго Отечества и съ богатырскимъ мужествомъ перенесшихъ тяжкія испытанія въ борьбѣ съ общимъ врагомъ тогдашней Руси—татарами.

Множество городищъ, кургановъ, валовъ и другихъ насыпей, разбросанныхъ по причудливымъ берегамъ р. Оки и другимъ мѣстностямъ требовали раскопокъ и изысканій въ нѣдрахъ земли. Въ мѣстныхъ архивахъ, подъ толстымъ слоемъ пыли и предаваясь тлѣнію, покоились и ждали разработки драгоцѣнные источники для изслѣдованія рязанскаго края въ бытовомъ, административномъ, судебномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Трудна была задача для горсти изслѣдователей и велика должна быть любовь къ родной старинѣ, чтобы не смутиться передъ обширностью этой задачи.

Въ настоящія торжественныя для Архивной Коммиссіи минуты я позволю себѣ остановить ваше вниманіе на результатахъ ея 11 лѣтней дѣятельности. Не смотря на крайне незначительныя и случайныя матеріальныя средства Коммиссія имѣетъ свой спеціальный органъ, въ которомъ напечатано было болѣе 500 статей. Ею собранъ богатый историческій архивъ съ десятками тысячь документовъ. У нея есть библіотека, заключающая въ себѣ около 7.000 томовъ. Наконецъ благодаря стараніямъ ея членовъ, она имѣетъ свой историческій музей, доступъ къ которому широко открытъ всякому желающему наглядно ознакомиться съ бытомъ, культурою и жизнью нашихъ предковъ. Съ каждымъ годомъ привлекала Коммиссія все болѣе и болѣе сочувствующихъ ея задачамъ и въ составѣ ея насчитывается въ настоящее время свыше 200 членовъ. Такіе блестящіе результаты неутомимой дѣятельности почтенныхъ

членовъ Архивной Коммиссіи невольно вызываютъ чувства глубокаго уваженія и признательности къ этимъ добровольнымъ и безкорыстнымъ труженикамъ, которые не щадя своихъ силъ, посвящаютъ свой трудъ и знанія къ открытію передъ нами завѣсы прошлаго роднаго края. Вслѣдствіе этого, Рязанская Архивная Коммиссія, признанная Высочайшею волею охранять памятники мѣстной сѣдой старины и быть истолкователемъ прошлаго Рязанскаго края для современнаго поколѣнія, можетъ испытывать въ настоящемъ торжественномъ засѣданіи чувство нравственнаго удовлетворенія въ сознаніи посильно исполненнаго долга; ея иниціативѣ принадлежитъ и настоящее знаменательное юбилейное празднованіе 800 лѣтія города Рязани.

Какъ бы однако ни осязательны были результаты дѣятельности нашей Архивной Коммиссіи, но если бы они замыкались только въ тѣсномъ кругу любителей старины и не проникали бы за его предѣлы — въ общество, удовлетвореніе было-бы не полное. Настоящее много-людное собраніе свидѣтельствуетъ, что труды Коммиссіи пользуются симпатіями общества, и въ этомъ она видитъ поддержку къ своей дальнѣйшей дѣятельности. Такое вниманіе общества для Коммиссіи тѣмъ болѣе дорого, что служитъ доказательствомъ выполненія задачъ, постановленныхъ ей обществомъ, органомъ котораго она является. Естественное желаніе общества оглянуться на свое прошлое и въ немъ почерпнуть для себя необходимые уроки, что бы не уклониться отъ исторически опредѣлившагося пути и не повторить прежде сдѣланныхъ ошибокъ, удовлетворяется изученіемъ исторіи, которая наглядно можетъ указать разные періоды протекшей жизни народа съ его бытомъ, культурою и идеалами и другими источниками для самопознанія и для достиженія обществомъ въ высшей степени культурнаго развитія—самознанія. По этому всякое проявленіе сочувствія къ дѣятельности Коммиссіи, всякая нравственная и матеріальная поддержка ей будетъ, смѣю думать, служеніемъ общества самому себѣ. Нынѣшнее торжественное засѣданіе въ память 800 лѣтія гор. Рязани, когда Рязань вступаетъ въ новый вѣкъ своего существованія, да будетъ яркою зарею единенія общества съ дѣятельностію Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи, а для Коммиссіи началомъ новой эры ея служенія обществу. Въ заключеніе считаю пріятнымъ долгомъ отъ лица Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи привѣтствовать ея дорогихъ своимъ присутствіемъ настоящее засѣданіе, которое имѣю честь объявить открытымъ».

Послѣдовало исполненіе хоромъ духовной семинаріи юбилейной кантаты, сочиненной учителемъ пѣнія въ духовной семинаріи Н. Е. Вифляевымъ на слова В. Н. Николаева:

„Хвала тебѣ, Царю небесный,
„Нашъ въ жизни вѣрный путеводъ.
„Твоей десницею чудесной
„Рязань хранима отъ невзгодъ.
„Ты для оплота святой вѣры
„Почить Святителю далъ въ ней;
„Съ нимъ вдругъ воспрянули надежды.
„И ожилъ духъ Твоихъ дѣтей.
„Святой Василій царство мира,
„Любви и правды намъ открылъ;
„И сотни лѣтъ отъ зла кумира
„Олега градъ онъ сохранилъ.
„Цвѣти и крѣпни! Прославляйся
„Рязань на долгіе года! Въ бѣдахъ и нуждахъ обращайся
„Къ Творцу съ молитвою всегда“.

Затѣмъ, оркестромъ Нѣжинскаго полка исполнена увертюра изъ оперы «Жизнь за Царя»,—и на каѳедру вошелъ Почетный Членъ Коммиссіи, Дмитрій Ивановичъ Иловайскій. Историкъ Д. И. Иловайскій, рязанецъ, сначала ученикъ, и потомъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ старшій учитель Рязанской Гимназіи, появился въ знакомомъ ему обществѣ [1]).

Спокойный и невозмутимый, какъ бывало во время учительства почти сорокъ лѣтъ тому назадъ, не поддающійся, по виду покрайней мѣрѣ, старости, историкъ обратился съ слѣдующимъ привѣтственнымъ словомъ къ собранію:

«Основаніе города Рязани или Переяславля Рязанскаго, какъ онъ прежде назывался, по времени почти совпадаетъ съ началомъ самаго рязанскаго княжества, какъ одной изъ самостоятельныхъ русскихъ земель. А потому 800 лѣтіе, которое мы собрались здѣсь праздновать, равно относится и къ городу и къ цѣлому краю.

Рязанскій край, въ настоящее время принадлежащій къ

---

[1]) Можетъ быть иные помнили еще красавца гимназиста, извѣстнаго силача, о которомъ долгое время въ Гимназіи хранилось преданіе вмѣстѣ съ памятью о богатырѣ Гимназистѣ Рязанскомъ, бѣдномъ дворянинѣ Кулюбакинѣ; а учениковъ Д. И. Иловайскаго было не мало въ аудиторіи.

центральнымъ мѣстностямъ Европейской Россіи, когда-то составлялъ ея юго-восточную окрайну и долгое время служилъ русскимъ оплотомъ со стороны юго-восточныхъ степей съ ихъ хищными кочевыми ордами. Вообще при суровыхъ и трудныхъ условіяхъ водворялась здѣсь Славянская и христіанская культура, на Финской почвѣ, вдали отъ главныхъ просвѣтительныхъ средоточій древней Руси. Тѣмъ съ большимъ уваженіемъ мы должны вспоминать заслуги важнѣйшихъ историческихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ. Между ними особенно выдвигаются съ одной стороны Ярославъ Святославичъ, родоначальникъ Муромо-Рязанскаго княжаго дома, и знаменитѣйшій изъ его потомковъ Олегъ Ивановичъ, а съ другой Арсеній, первый епископъ Муромо-Рязанской каѳедры, и наиболѣе прославленный изъ его преемниковъ св. Василій II-й [1]). По всѣмъ признакамъ, трудами именно князя Олега и епископа Василія главнымъ политическимъ и культурнымъ центромъ даннаго края окончательно сдѣлался Переяславль-Рязанскій на мѣсто Мурома и такъ называемой старой Рязани. Съ ихъ времени и до конца мѣстной самобытности исторія Рязанская сосредоточивается преимущественно вокругъ этого центра. А когда миновала политическая самобытность, тотъ же городъ продолжалъ служить административнымъ и вмѣстѣ культурнымъ средоточеніемъ края. Слѣдовательно настоящимъ нашимъ празднествомъ, мы по мѣрѣ своихъ средствъ, отдаемъ должное заслугамъ Рязани не только предъ обширною областью, но и предъ общимъ нашимъ отечествомъ Россіей.

Церковной рязанской каѳедрѣ въ послѣдній періодъ политической самобытности, т. е. въ XV вѣкѣ, принадлежитъ одно славное имя, которое связывало Рязань съ Москвою въ духовномъ отношеніи, а эта связь въ свою очередь подготовляла и единеніе политическое. То былъ св. Іона, епископъ Рязанскій и Муромскій, въ послѣдствіи Митрополитъ Московскій, родомъ изъ Сѣверной Руси. Онъ много потрудился надъ обращеніемъ въ христіанство языческихъ инородцевъ этого края.

Въ первой четверти XVI столѣтія рязанская область вошла въ составъ Московскаго государства, и, благодаря искусной подготовительной политикѣ Москвы, довольно скоро сплотилась съ нею въ одинъ цѣльный народный организмъ. Уже тотъ часъ за низложеніемъ его послѣдняго

---

[1]) Названіе св. Василія вторымъ—личное мнѣніе автора рѣчи, далеко невсѣми раздѣляемое. *Ред.*

князя Ивана Ивановича, Переяславль Рязанскій, имѣя во главѣ мужественнаго Московскаго воеводу Хабара Симскаго, не только отбилъ нападеніе Иванова союзника, Крымскаго хана Магметъ-Гирея, но и остался вѣренъ Москвѣ, не смотря на происки того же князя Ивана, который бѣжалъ во время Магметова нашествія изъ Московскаго заключенія и нѣкоторое время скрывался въ окрестностяхъ Переяславля за Окою, въ Шумоши, въ имѣніи мѣстныхъ бояръ Кобяковыхъ (1521 г.). Его попытка воротить себѣ престолъ совсѣмъ не удалась и даже не вызвала ни какого движенія со стороны рязанцевъ [1]). Сплоченность съ Москвою съ особою наглядностію сказалось въ началѣ XVIIвѣка, въ Смутную эпоху, когда рязанцы явились усердными защитниками и Московскаго государственнаго строя, и цѣлой Русской земли. Извѣстны подвиги знаменитаго рязанскаго воеводы Прокопія Ляпунова, ставшаго со своими рязанцами во главѣ перваго всенароднаго ополченія для освобожденія Москвы отъ Поляковъ и сложившаго подъ ней свою буйную голову. Извѣстно такъ же и дѣятельное участіе его современника, рязанскаго архіепископа Ѳеодорита въ великой думѣ, умиротворившей Московское государство избраніемъ на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова. Ѳеодоритъ находился и во главѣ торжественнаго посольства, отправленнаго великою Думою въ Кострому къ Михаилу и его матери, чтобы бить ему челомъ о принятіи на себя царскаго бремени.

Въ послѣдующее время на рязанской каѳедрѣ особую историческую извѣстность пріобрѣли два архипастыря: при Алексѣѣ Михаиловичѣ архіепископъ Мисаилъ, достойный продолжатель трудовъ святителя Іоны, павшій отъ мордовской стрѣлы жертвою своей миссіонерской ревности; а при Петрѣ Великомъ Митрополитъ Стефанъ Яворскій, родомъ изъ юго-западной руси, знаменитый духовный писатель, мѣстоблюститель патріаршаго престола и первый президентъ св. Синода.

Въ Петербургско-императорскій періодъ Русской исторіи, т. е. въ теченіи XVIII и XIX столѣтій, рязанскій край даетъ какъ самому себѣ, такъ и общему отечеству цѣлые ряды болѣе или менѣе выдающихся дѣятелей на разнообразныхъ поприщахъ, каковы церковь, государственная служба, наука, литература, искусства, сельское хозяйство, торговля, промышленность и т. д. Изъ этой эпохи я не буду приводить именъ, по той причинѣ, что она еще не подвергалась сколько нибудь систематической, серьезной обра-

[1]) Подробности этихъ событій въ Ист. Ряз. Княж. Илов.

боткѣ и пока представляется въ видѣ сырого матеріала. Теперь не нужно разыскивать и собирать ихъ имена: этотъ трудъ уже произведенъ и напечатанъ въ изданіяхъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи подъ заглавіемъ «Списокъ именъ замѣчательныхъ дѣятелей и уроженцевъ Рязанскаго края». Признаюсь, такой списокъ возбуждаетъ во мнѣ слѣдующее пожеланіе. Что, если бы какой либо талантливый и достаточно къ тому подготовленный писатель, или нѣсколько писателей вмѣстѣ, выдѣлили изъ массы лицъ даннаго списка наиболѣе замѣчательныхъ уроженцевъ края и оживили бы ихъ имена хотя бы краткими біографіями и возможно безпристрастными характеристиками; тогда можно бы было сдѣлать любопытные выводы и дать отвѣтъ на слѣдующій важный вопросъ: какими отличительными чертами надобно отмѣтить духовный или моральный типъ собственно-рязанскій и какую живую струю внесли рязанцы въ общественный строй и характеръ всего русскаго отечества.

До исполненія же этой задачи мы можемъ, на основаніи болѣе или менѣе извѣстныхъ историческихъ данныхъ, только заключить, что рязанцы принадлежатъ къ Великорусскому типу, составляютъ часть могучаго Великорусскаго племени; но что отъ кореннаго Московскаго населенія они отличаются или отличались если не меньшею даровитостію, то меньшею гибкостію и упругостію, т. е. болѣе жестокими чертами, большею, такъ сказать, прямолинейностію своего духовнаго склада. Во время ихъ самобытности непріязненные имъ Суздальскіе и Московскіе лѣтописцы изображаютъ рязанцевъ людьми буйными, свирѣпыми и гордыми, легко поддающимися самомнѣнію. Безпристрастный иностранецъ Герберштейнъ замѣчаетъ только, что это народъ отважный и воинственный (gens audacissima bellicosissimaque). Почти тоже повторяетъ другой иностранецъ Кампензе. Если мы провѣримъ такіе отзывы по извѣстнѣйшимъ историческимъ личностямъ, то едвали найдемъ большое съ ними противорѣчіе. Можно было бы привести достаточно примѣровъ, прежде всего изъ рязанскаго княжескаго дома, въ особенности укажу на двухъ типичнѣйшихъ его представителей--Глѣба Ростиславича (современника Андрею Боголюбскому) и Олега Ивановича (современника Дмитрію Донскому). Укажу также на боярскую семью Басмановыхъ (временъ Іоанна Грознаго) и на дворянскую Ляпуновыхъ (въ Смутную эпоху). Разумѣется, мы беремъ наиболѣе рѣзкія, основныя черты типа. Въ послѣдующіе вѣка съ успѣхами общественности и образованности эти

черты должны несомнѣнно смягчиться и подвергаться разнообразной обработкѣ, при чемъ дерзость и самомнѣніе обращаются въ энергію и предпріимчивость, упрямство въ устойчивость, грубость въ прямодушіе и тому подобныя болѣе или менѣе хорошія черты.

Возвращаясь къ настоящему празднеству, я долженъ отдать справедливость современному поколѣнію мѣстной интеллигенціи за то, что она наглядно доказываетъ уваженіе къ исторіи своей области и къ памяти своихъ предковъ добросовѣстными историческими трудами и розысканіями. На этомъ поприщѣ главное мѣсто принадлежитъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи, которая, не смотря на свое короткое существованіе, успѣла ознаменовать себя цѣлымъ рядомъ весьма полезныхъ детальныхъ работъ, съ разныхъ сторонъ освѣщающихъ историческое прошлое ея роднаго края. Не только историческая, но и до историческая эпоха въ этихъ трудахъ получаетъ свое право гражданства. Такъ, очень любопытны данныя, которыя были добыты раскопками, не давно произведенными подъ самою Рязанью, около селенія Борки. Масса предметовъ, найденныхъ тамъ и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ, свидѣтельствуетъ, что берега средней Оки уже въ доисторическій періодъ имѣли довольно значительное населеніе, обладавшее степенью культуры далеко не первобытной. Когда наука съ достаточною полнотою разработаетъ эти открытія, тогда и такъ называемый до историческій періодъ сдѣлается почти историческимъ, т. е. исторія края отодвинется въ глубь вѣковъ. Я увѣренъ что и начало здѣсь Славяно-русской колонизаціи и самое начало нашего города юбиляра придется пріурочивать не къ XI вѣку, а къ эпохѣ гораздо болѣе ранней.

Мнѣ остается отъ искренняго сердца привѣтствовать достоуважаемое собраніе, по поводу его настоящаго прекраснаго торжества, и пожелать всему рязанскому краю дальнѣйшаго преуспѣянія на всѣхъ поприщахъ гражданственности. Принадлежа этому краю по своему рожденію, а этому городу по своему воспитанію и начальному общественному служенію, я счастливъ тѣмъ, что на склонѣ моихъ дней Богъ привелъ мнѣ принять участіе въ вашемъ историческомъ праздникѣ, ударить челомъ Рязанскимъ святынямъ и памятникамъ и съ высоты Рязанскаго Кремля еще разъ полюбоваться широкимъ раздольемъ Приокской равнины».

Рѣчь была покрыта шумными аплодисментами.

Послѣ исполненія хоромъ Учительской Семинаріи Бетховенскаго «Прославленіе Бога», Членъ Коммиссіи, Ректоръ

Духовной Семинаріи, протоіерей І. К. Смирновъ прочиталъ свое сообщеніе:

О Святыняхъ гор. Рязани. (См. Прилож. № 1).

Затѣмъ хоръ Духовной Семинаріи исполнилъ концертъ Бортнянскаго: «Пріидите возрадуемся», и на каѳедру вошелъ Правитель Дѣлъ В. А. Шефферлингъ, который за болѣзнію уважаемаго А. И Черепнина прочелъ его сообщеніе:

«Очеркъ до историческаго прошлаго Рязанскаго края». (Прилож. № 2).

Послѣ этого соединенный хоръ Семинаріи съ оркестромъ Нѣжинскаго полка исполнилъ «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ» и В. А. Шефферлингъ приступилъ къ чтенію привѣтственныхъ телеграммъ, присланныхъ ко дню юбилея, на имя епископа Іустина, Губернатора, Городскаго Управленія и Архивной Коммиссіи.

ТЕЛЕГРАММЫ

НА ИМЯ РЯЗАНСКАГО ГУБЕРНАТОРА.

1. ПЕТЕРБУРГЪ. Покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство передать Рязанскому Городскому Общественному Управленію искреннее мое поздравленіе съ торжественнымъ празднованіемъ сегодня восьмисотлѣтняго юбилея города Рязани.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Дурново.

2. ВОРОНЕЖЪ. Шлемъ нашъ привѣтъ и поздравленіе городу Рязани въ день юбилея.

Члены Рязанской Архивной Коммиссіи Генералъ Маринъ и Священникъ Звѣревъ.

3. РОСТОВЪ. Привѣтствую Ваше Превосходительство съ торжествомъ 800 лѣтняго юбилея города Рязани, выражаю искреннее сожалѣніе, что не могу лично участвовать въ засѣданіи Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи.

Членъ Коммиссіи Андрей Титовъ.

4. МОСКВА. Покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство передать Архивной Ученой Коммиссіи мое поздравленіе съ юбилейнымъ торжествомъ, а родной Рязани мое сердечное привѣтствіе и горячія пожеланія, долгоденствія и процвѣтанія.

Кожевниковъ (*Профессоръ Московскаго университета*).

5. МУРОМЪ. Шлю сердечныя пожеланія древней Рязани, ея горожанамъ, Земству, Господину Губернатору, и всѣмъ тѣмъ, которые трудятся надъ разработкой ея древнихъ памятниковъ; душевно сожалѣю, что находилась въ деревнѣ; только вчера узнали о торжествѣ и не могу принять участія въ празднованіи дня основанія одного изъ древнѣйшихъ центровъ русской жизни, который да благословитъ Господь на дальнѣйшее развитіе, на дальнѣйшее преуспѣяніе.

Графиня Уварова (*Предсѣдатель Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества*).

6. ОДЕССА. Привѣтъ, преуспѣяніе старому гнѣзду Русской культуры.

Кочубинскій, Маркевичъ (*Профессора Одесскаго университета*).

7. МИТАВА. Съ Прибалтійской окрайны шлю горячій привѣтъ родному краю; да процвѣтаетъ старая Рязань на благо Россіи.

Лудмеръ (*Секретарь Статист. Комитета и Членъ Ряз. арх. Ком.*).

8. ПРОСНЫШЪ. (*Плоцкой губер.*) Приносимъ поздравленія и лучшія пожеланія дорогой губерніи. Рязанцы: Штабсъ-Ротмистръ Чернышевъ. Корнетъ Фонъ Венклеръ и Бурмакинъ.

9. ПЕТЕРБУРГЪ. Душевно привѣтствую рязанцевъ съ ихъ праздникомъ. Молитвенно присоединяюсь и я къ ихъ торжеству; да ущедряетъ Господь своими милостями градъ и страну Рязанскіе многая, многая лѣта.

Николай Епископъ Алеутскій.

10. РАНЕНБУРГЪ. Въ торжественные дни празднованія 800 лѣтія основанія города Рязани и 600 лѣтія памяти Св. Василія, епископа Рязанскаго, считаю пріятнымъ долгомъ выразить отъ Раненбургской Городской Думы привѣтствіе городу Рязани и желаніе процвѣтанія.

Городской Голова Калашниковъ.

11. КІЕВЪ. Мать градовъ русскихъ сердечно привѣтствуетъ Рязань съ восьмисотлѣтіемъ существованія, желая ей непрерывнаго процвѣтанія на благо ея гражданъ и всего русскаго народа.

Заступающій мѣсто Кіевскаго Городскаго Головы Профессоръ Алексѣй Розовъ.

12. МОСКВА. Сердечно присоединяюсь къ празднованію восьмисотлѣтія Рязани, шлю сыновній привѣтъ городу и родному Рязанскому краю; историческія святыни Рязани и политыя русскою кровью земли

Рязанскія вселяютъ въ сынахъ Рязанскаго края любовь къ родному и къ русскому.

Ректоръ Московскаго Университета Павелъ Некрасовъ *(Питомецъ Рязанской Семинаріи).*

13. СКОПИНЪ. Имѣю честь поздравить Ваше Превосходительство и почетныхъ членовъ Ученой Архивной Коммиссіи съ юбилейнымъ торжествомъ, совмѣщающимъ двойное историческое воспоминаніе о Рязанскомъ княжествѣ. Глубоко сожалѣю, что по особо уважительнымъ причинамъ не могу лично участвовать.

Городской Голова Кичкинъ.

14. НОВОЧЕРКАСКЪ. Съ береговъ тихаго Дона, горячій привѣтъ родственной Донцамъ Рязани въ день ея историческаго юбилея.

Совѣтникъ Областнаго Правленія Поповъ.

15. ОМСКЪ. Къ великому сожалѣнію не могу пріѣхать въ виду необходимости сопровождать Министра; искренно благодарю за приглашеніе. Селивановъ *(Управляющій Государственными Имуществами въ Западной Сибири).*

16. ДАНКОВЕ. Благодаримъ Ваше Превосходительство за приглашеніе на торжество города Рязани, къ сожалѣнію по нездоровью быть на праздникѣ не можемъ.

Муромцовы: (*Рязанскій Губернскій Предводитель Дворянства и Данковскій Уѣздный Предводитель Дворянства*).

17. МИХАЙЛОВЪ. Неотложныя дѣла лишаютъ меня возможности прибыть на юбилейное торжество.

Воейковъ (*Предсѣдатель Уѣздной Земской Управы*).

ТЕЛЕГРАММЫ

НА ИМЯ ЕПИСКОПА ІУСТИНА.

18. ПЕТЕРБУРГЪ. Въ нынѣшній торжественный юбилейный день съ молитвеннымъ благожеланіемъ, какъ бывшій архипастырь, привѣтствую Богохранимую Рязань съ знаменіемъ милости Господней, исполнившимся восьмисотлѣтіемъ основанія ея; да даруетъ Всевышній приснопамятной въ лѣтописяхъ Рязани дальнѣйшаго многовѣковаго

процвѣтанія во благо святой церкви и на пользу возлюбленнаго отечества нашего.

Палладій, Митрополитъ Петербургскій.

19. КІЕВЪ. Въ знаменательный день юбилейнаго торжества почтительнѣйше приношу сыновній привѣтъ землѣ родной и сердечныя пожеланія доблестнымъ труженикамъ историческаго прошлаго неувядаемой славы, Вашему Святительству, всѣмъ нынѣшнимъ достойнымъ дѣятелямъ счастливаго долгоденственнаго служенія въ честь дорогой Рязани.

Скворцовъ. (*Чиновникъ особыхъ порученій при Оберъ-Прокурорѣ Св. Синода по сектантскимъ дѣламъ. Питомецъ Рязанской Семинаріи*).

20. КАЗАНЬ. Студенты—Рязанцы Казанской Духовной Академіи радостно привѣтствуютъ дорогую Рязанскую епархію съ 600 лѣтнимъ юбилеемъ со дня кончины ея покровителя молитвенника Василія епископа Рязанскаго. Процвѣтай Рязанская епархія, богатей силами, твердо держи врученное тебѣ знамя святой вѣры, будь славна на многія лѣта. Богдановъ, Бурговъ, Гагаринъ, Эвергетовъ, Глѣбовъ, Готовицкій, Дмитревскій, Перехвальскій, Бѣляевъ, Митисовъ.

ТЕЛЕГРАММЫ

АДРЕСОВАННЫЯ ВЪ ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНІЕ И ГОРОДСКОМУ ГОЛОВѢ.

21. АЛЕКСАНДРОВСКЪ. Вчера получилъ пересланное мнѣ изъ Петербурга дорогое мнѣ приглашеніе раздѣлить съ Рязанью радость ея юбилейнаго торжества; сердечно благодарю за добрую обо мнѣ память и много цѣню оказанное мнѣ вниманіе; крайне сожалѣю, что въ знаменательный день я не былъ въ Рязани. Прошу принять искреннее поздравленіе и горячія пожеланія полнаго счастья, благополучія и процвѣтанія города, служба моя въ которомъ останется на всегда для меня однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и дорогихъ воспоминаній моей жизни.

Кладищевъ (*Бывшій Рязанскій Губернаторъ*).

22. УКЫРЬ. Забайкальскій артиллерійскій дивизіонъ, на пути въ дальній востокъ, вспоминая юбилей города, теплые проводы котораго и сердечное отношеніе во время пребыванія въ Рязани такъ памятны, пьемъ за здоровье представителей города и горожанъ.

Полковникъ Соболевскій.

23. СКОПИНЪ. Поздравляю Васъ и господъ гласныхъ Рязанской Думы съ юбилейнымъ торжествомъ; уважительныя причины лишили удовольствія лично привѣтствовать Васъ.

Городской Голова Кичкинъ.

24. РАНЕНБУРГЪ. Поздравляю Васъ и горожанъ съ восьмисотлѣтіемъ города Рязани и шестисотлѣтіемъ памяти Св. епископа Василія Рязанскаго, прошу принять пожеланія процвѣтанія городу и всѣмъ его жителямъ.

Городской Голова Калашниковъ.

25. АТКАРСКЪ. Привѣтствую представителей родного города въ день торжества. Рязанецъ.

ТЕЛЕГРАММЫ

въ Архивную Коммиссію.

26. ПЕТЕРБУРГЪ. Шлю почтительнѣйшій и любовный привѣтъ родному городу въ день его празднества.

Профессоръ Павловъ.

27. МОСКВА. Почтительнѣйше прошу засвидѣтельствовать юбилейнымъ коммиссіямъ, по болѣзни заочныя, поздравленія съ великимъ прошедшимъ и пожеланіе счастливаго будущаго.

Филимоновъ *(Извѣстный Археологъ)*.

28. МОСКВА. Поздравляемъ старый русскій городъ Рязань съ 800 лѣтнимъ юбилеемъ.

Самоквасовъ, Холмогоровъ, Голомбіевскій, Сторожевъ, Экземплярскій. *(Директоръ и служащіе въ архивѣ М-ва Ю-ціи)*.

29. КОСТРОМА. Непремѣнный Попечитель и Костромская архивная коммиссія, присоединяясь къ Вашему общему торжеству въ достопамятный историческій для Рязани день, привѣтствуютъ Рязанскую Архивную Коммиссію, а въ лицѣ ея и всѣхъ гражданъ города Рязани съ восьмисотлѣтнимъ юбилеемъ города. Губернаторъ Шидловскій, Почетный Членъ Авдій Шиповъ, Непремѣнный Членъ Н. Миловидовъ, Членъ Дѣлопроизводитель Преображенскій.

30. ПЕТЕРБУРГЪ. Мысленно участвую въ настоящемъ торжествѣ и сердечно желаю Коммиссіи преуспѣянія на славу Рязани.

Помяловскій (*Профессоръ Петербург. университета*).

31. ПЕТЕРБУРГЪ. Жалѣя о невозможности быть на засѣданіи лично, позволяю себѣ привѣтствовать Коммиссію въ знаменательный день юбилея, дорогого всякому русскому сердцу.

Графъ Иванъ Толстой (*Почетный Членъ Коммиссіи*).

32. ПЕТЕРБУРГЪ. Всѣмъ сердцемъ поздравляю многоуважаемыхъ сочленовъ съ юбилеемъ Рязани.

Князь Путятинъ (*тоже*).

33. ПЕТЕРБУРГЪ. Привѣтствую съ восьмисотлѣтнимъ юбилеемъ города Рязани. Своимъ участіемъ въ этомъ торжествѣ Коммиссія прекрасно исполнила свое назначеніе напоминать согражданамъ о прошломъ, въ которомъ много поучительнаго и для настоящаго. Сожалѣю, что не могу присутствовать на ея засѣданіи.

Почетный Членъ Коммиссіи Бычковъ.

34. ПЕТЕРБУРГЪ. Прошу сочленовъ Коммиссіи посвятившихъ свои труды изученію прошлаго Русской земли, принять мой сердечный привѣтъ по случаю празднованія восьмисотлѣтняго юбилея гор. Рязани.

Зинченко.

35. ЯРОСЛАВЛЬ. Честь имѣю привѣтствовать въ день восьмисотлѣтія Рязани Ученую Архивную Коммиссію, желая успѣха въ ея ученыхъ трудахъ.

Членъ Коммиссіи Вахромѣевъ (*Извѣстный любитель старины*).

36. ЯРОСЛАВЛЬ. Съ истиннымъ уваженіемъ къ плодотворной дѣятельности Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи привѣтствую въ день восьмисотлѣтняго юбилея города Рязани, сердечно желая дальнѣйшаго процвѣтанія Коммиссіи въ интересахъ новаго направленія русской исторіи отдѣльныхъ областей русской земли.

Директоръ Демидовскаго Юридическаго Лицея Шпилевскій.

37. КІЕВЪ. Историческое Общество Нестора Лѣтописца считаетъ долгомъ присоединиться къ торжественному чествованію одного изъ древнѣйшихъ городовъ русскихъ и выразить свои наилучшія пожеланія.

Предсѣдатель В. Иконниковъ.

38. КІЕВЪ. Примите мое сердечное привѣтствіе въ день Вашего торжества.

Членъ Профессоръ Иконниковъ.

39. АЛЕКСАНДРОВСКЪ. Вчера полученное мнѣ изъ Петербурга приглашеніе пріѣхать въ засѣданіе Архивной Коммиссіи 21 Сентября въ знаменательный для города восьмисотлѣтній юбилей. Весьма цѣню и сердечно благодарю за оказанное мнѣ дорогое вниманніе, чрезвычайно сожалѣю, что не былъ на этомъ торжественномъ засѣданіи, искренно и горячо желаю полнаго счастія, благополучія и процвѣтанія городу Рязани.

Кладищевъ.

40. ОМСКЪ. Привѣтствую городъ Рязань и Рязанскую Архивную Коммиссію съ 800 лѣтіемъ основанія Переяславля-Рязанскаго, искренно желаю чтобы настоящее торжество возвысило духъ современныхъ дѣятелей Рязанской земли и при дружномъ содѣйствіи мѣстныхъ силъ послужило толчкомъ къ упроченію и процвѣтанію Архивной Коммиссіи и музея, какъ учрежденій основанныхъ съ цѣлію освѣтить ходъ дальнѣйшаго развитія края путемъ изученія его прошлаго.

Селивановъ (*Бывшій Правитель дѣлъ и Членъ Коммиссіи*).

41. ТУЛА. Привѣтствуя Коммиссію съ 800 лѣтіемъ Рязани, желая богатѣйшихъ пріобрѣтеній и всесторонняго изученія историческихъ памятниковъ Рязанской земли.

Членъ Коммиссіи Троицкій (*Преподаватель Семинаріи*).

42. МОСКВА. Усерднѣйше прошу досточтимую Архивную Коммиссію принять мое сердечное привѣтствіе въ торжественный день восьми вѣковаго юбилея славнаго города Рязани.

Иванъ Забѣлинъ (~~Директ~~ *Истор. муз. въ Москвѣ*).

43. ТАМБОВЪ. Тамбовская Архивная Коммиссія просить принести отъ ея имени юбилейное поздравленіе древнему городу Рязани, съ которымъ Тамбовская украйна издревле была связана своею государственною и церковною жизнію.

Предсѣдатель Дубасовъ.

Послѣ прочтенія привѣтствій каѳедру занялъ Почетный членъ Архивной Коммиссіи В. С. Буймистровъ и произнесъ рѣчъ на тему: Олегъ Ивановичъ вел. Князь Рязанскій. (Прилож. № 3).

Рѣчь свою В. С. произнесъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ и произвелъ замѣчательное впечатлѣніе. Аудиторія, уставшая отъ празднествъ дня, видимо оживилась и все

съ большимъ и большимъ вниманіемъ, доведеннымъ въ концѣ до крайняго напряженія, слушала оратора. Когда сообщеніе кончилось, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, встали съ мѣстъ и единодушно и шумно долгое время выражали оратору свое неподдѣльное удовольствіе. Печатаемая рѣчь въ чтеніи во всякомъ случаѣ не произведетъ такого впечатлѣнія, которое испытало собравшееся общество, слушавшее самого оратора. Когда овація, сдѣланная В. С. Буймистрову, затихла, соединенными хорами и оркестромъ былъ исполненъ народный гимнъ, повторенный три раза и выслушанный всѣми стоя. Засѣданіе объявлено закрытымъ въ $5^1/_2$ часовъ вечера. Присутствовавшимъ предложена была для обозрѣнія коллекція бронзовыхъ орудій, не давно добытыхъ въ Кузминскомъ и Пальновскомъ могильникахъ

P: S:

Послѣ праздника, въ слѣдующіе дни получено еще нѣсколько привѣтствій Архивной Коммиссіею телеграммами и письмами.

Тамбовская Ученая Архивная Коммиссія при письмѣ отъ 25 Сентября прислала рѣчь своего Предсѣдателя И. И. Дубасова, сказанную въ Общемъ Собраніи членовъ 22 Сентября по поводу 800 лѣтняго существованія г. Рязани. Прекрасная, задушевная рѣчь достоуважаемаго изслѣдователя Тамбовской старины слѣдующаго содержанія:

«Милостивые Государи»!

Сего 21 Сентября исполнилось 800-лѣтіе съ основанія города Рязани—старинной метрополіи Тамбовской украйны.

Мы,—*молодшій* братъ *старшого* брата—Рязани, сердечно-искренно привѣтствуемъ его сейчасъ, братски уже привѣтствовали былой *княжой* городъ, искренно радуясь его процвѣтанію въ сердцѣ коренной Руси, горячо привѣтствуя его научно-историческія стремленія въ свойственномъ и намъ тамбовцамъ—направленіи,—и отъ всего *щиpаго* русскаго сердца желая ему дальнѣйшаго роста и всѣхъ благъ отъ Господа Бога.....

Въ тоже время исполнился 600-лѣтній юбилей Рязанскаго Святителя Василія. Помолимся Господнему Угоднику, дабы въ своихъ Святительскихъ молитвахъ Онъ, предстоя за Рязань, и насъ бы—Тамбовцевъ—своею благодатною молитвою не оставилъ, ибо и мы—изстари Рязанская паства (до конца 17 вѣка).

Торжеству г. Рязани мы радуемся отъ всего сердца,

Мы, скромные провинціальные представители отечественной исторической науки, крѣпко любимъ родную *славную* Рязань..... и надѣемся, что и древній стольный городъ своей братской ласкою не оставитъ своего *молодшаго* историческаго брата, съ которымъ *водни оны* дѣлились и горе и радость..... Были у насъ изстари общія историческія годины радости и горя. Когда бывалъ миръ, и рязанцы и тамбовцы одинаково *утучнялись* на своихъ *пажитяхъ*, вволю пользуясь всѣми *угодьями* былой раздольной жизни..... Когда наступало *размирье*, а это бывало чуть не *ежегодь*, то и тутъ родные *братья* крѣпко стояли другъ за друга, за Церкви Божіи, за Царя, и мужественно складывали свои честныя головы за родину, утучняя родимыя поля священною Русскою кровью.....

Итакъ, Милостивые Государи, *не мудрствуя лукаво* и не созидая ни какихъ словесныхъ хитросплетеній, по просту, отъ чистаго русскаго сердца пожелаемъ *старой* Рязани *новыхъ* благъ и преуспѣяній».

Всѣ письма адресованы на имя Непремѣннаго Попечителя Архивной Коммиссіи и служатъ отвѣтомъ на приглашеніе г. Попечителя посѣтить Рязанское торжество.

Извѣстный Архивистъ Ф. П. Минюшкій, Московскій Губернаторъ А. Булыгинъ, Предсѣдатели Земскихъ Управъ Пронской М. Галдинскій, Зарайской А. А. Селивановъ, Зарайскій Градскій Голова А. Сосновскій, изъявили благодарность за приглашеніе и выразили сожалѣніе, что по той или другой причинѣ не могутъ прибыть въ юбилейное засѣданіе. Олонецкій Губернаторъ М. Д. Демидовъ, выражая «искреннія пожеланія городу дальнѣйшаго преуспѣянія въ его благоустройствѣ», высказалъ сожалѣніе, что, находясь въ разъѣздахъ по губерніи, въ день торжества не могъ поздравить Архивную Коммиссію.

В. Живаго, принося поздравленіе, пожелалъ «полнаго успѣха просвѣщенной дѣятельности мѣстныхъ любителей отечественной старины». Предсѣдатель Тверской Ученой Архивной Коммиссіи А. К. Жизневскій отъ имени предсѣдательствуемой имъ Коммиссіи и отъ себя лично, какъ членъ Рязанской Коммиссіи (Почетный), выразилъ радостное поздравленіе съ завидною долею, выпавшею Рязанской Архивной Коммиссіи праздновать 800 лѣтній юбилей родного города. Директоръ Московскаго Главнаго Архива М—ва Иностранныхъ Дѣлъ Ѳ. А. Бюлеръ, Почетный членъ нашей Коммиссіи, жалуясь на нездоровье, которое

мѣшаетъ ему предпринять даже кратковременную отлучку изъ Москвы, писалъ Непремѣнному Попечителю: «Покорнѣйше прошу принять выраженіе живѣйшей моей благодарности за столь лестное для меня приглашеніе и передать таковую же моимъ почтеннымъ сочленамъ, вмѣстѣ съ искренними поздравленіями по поводу столь рѣдкаго торжества и наилучшими пожеланіями дальнѣйшаго процвѣтанія Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи, успѣвшей въ теченіи не многихъ лѣтъ своей дѣятельности, такъ высоко поставить свою научную разработку исторіи и Археологіи дорогаго мнѣ, по многимъ воспоминаніямъ, Рязанскаго края». Князь П. А. Путятинъ, Почетный членъ Коммиссіи, выражаетъ поздравленіе и чувства полной преданности «сочленамъ Архивной Коммиссіи, такъ благотворно трудящимся для пользы родной Русской науки». Бывшій Предсѣдатель Рязанскаго Окружнаго Суда, первый Предсѣдатель Рязанской Архивной Коммиссіи, а нынѣ ея Почетный Членъ, Г. В. Кастріото-Скандербекъ-Дрекаловичъ, сѣтуя, что былъ за границей и не получилъ въ свое время приглашенія, благодарилъ и поздравлялъ Архивную Коммиссію. Наконецъ, маститый Русскій поэтъ Яковъ Петровичъ Полонскій, Почетный Членъ Архивной Коммиссіи и въ дни оны ученикъ Рязанской Гимназіи, писалъ отъ 10 Октября, что онъ только что вернулся изъ за границы, русскихъ газетъ не видалъ $2^1/_2$ мѣсяца, а въ иностранныхъ не встрѣтилъ ни слова о предстоящемъ Рязанскомъ торжествѣ. «Остается мнѣ, говоритъ Я. П., только извиниться за мою запоздалую благодарность, и горько пожалѣть, что судьба помѣшала мнѣ быть 21 Сентября въ Рязани—и, такъ сказать, въ стѣнахъ моей родины, по мѣрѣ старостію удрученныхъ силъ моихъ, принять живое участіе въ знаменательный день 800-лѣтняго юбилея, на ея литературно-музыкальномъ вечерѣ..... Очень бы желалъ, чтобы по смерти моей, не Рязанская Гимназія (авторъ объясняетъ почему), а Рязанская Ученая Архивная Коммиссія получила отъ моихъ наслѣдниковъ кое—какіе документы и тотъ серебряный лавровый вѣнокъ, который былъ поднесенъ мнѣ отъ имени всего С.-Петербургскаго Общества въ 50 лѣтній юбилей моей литературной дѣятельности, 10 Апрѣля 1887 года».

22 Сентября, Пятница.

На третій—послѣдній—день праздника городъ оставался убраннымъ флагами, но уже не замѣчалось движенія первыхъ двухъ дней. Присутственныя мѣста приступили къ занятіямъ, купцы открыли торговлю и только ученики были свободны отъ уроковъ. Въ этотъ день въ одной изъ гостинницъ Ремесленное Общество чествовало 800 лѣтіе юбилейнымъ обѣдомъ, на которомъ присутствовали: Губернаторъ, Градскій Голова и другія почетныя лица. Вечеромъ на Почтовой улицѣ, по приглашенію домовладѣльцевъ, игралъ оркестръ военной музыки, зажглась опять иллюминація, но уже на улицахъ не встрѣчалось многолюдства и оживленія, бывшаго на канунѣ. Праздникъ видимо сходилъ со сцены.

Третій и послѣдній день юбилейнаго празднества былъ торжествомъ молодаго поколѣнія г. Рязани. Соединенными силами учебныхъ заведеній въ залѣ Дворянскаго Собранія устроился литературно-музыкальный вечеръ, въ которомъ авторомъ литературныхъ произведеній и исполнителями музыкальныхъ и хоровыхъ нумеровъ были сами ученики и ученицы.

Говоря о литературно-музыкальномъ вечерѣ, необходимо прежде сказать о картинахъ, приготовленныхъ къ юбилею преподавателемъ Рязанской Прогимназіи и членомъ Архивной Коммиссіи Н. Д. Малашкинымъ. Всю зиму и лѣто г. Малашкинъ съ своими дѣтьми работалъ эти 8 картинъ. Картины писаны масляными красками и представляютъ большія полотна ($3^1/_2 \times 2$ ар.) на сюжеты изъ древней исторіи Рязанскаго Княжества. Картины декоративныя, но старательно выписанныя.

Много труда, времени и средствъ потрачено на эту работу. (Мы осматривали картины, когда онѣ были выставлены въ залахъ Прогимназіи, и ожидали, что во время празднества, такъ или иначе, будутъ предметомъ общаго народнаго осмотра и наглядно ознакомятъ населеніе съ бѣдствіями и съ героями Рязанскаго края). Къ сожалѣнію, картины показывались только на ученическомъ вечерѣ, да и тутъ по какому то непростительному упущенію, оставались безъ освѣщенія и едва были видны.

Содержаніе картинъ слѣдующее:

1-я. Картина—1095 г. Основаніе Переяславля-Рязанскаго. Видъ Кремля въ 1095 году.

2-я. 1237 годъ. Евпраксія, ожидающая своего мужа, князя Ѳеодора Зарайскаго, посланнаго отцомъ, Юріемъ Рязанскимъ, къ Батыю для переговоровъ.

3-я. 1237 годъ. Разореніе Рязани. Бояринъ Евпатій Коловратъ былъ посланъ изъ Рязани въ Черниговъ просить помощи. Коловратъ по возвращеніи нашелъ Рязань разрушеннрю татерами.

4-я. 1237 годъ. Евпатій Коловратъ собралъ оставшихся въ живыхъ и разбѣжавшихся рязанцевъ и повелъ отомстить за Рязань, Изъ дружины уцѣлѣло нѣсколько человѣкъ, а самъ Коловратъ убитъ былъ стѣнобитнымъ орудіемъ.

5-я. Прибытіе св. Василія Рязанскаго въ Рязань. Духовенство вышло встрѣчать его съ хоругвями и иконами.

6-я. Битва Олега Рязанскаго съ татарскимъ царевичемъ Арапшею.

7-я. 1385 годъ. Олегъ и Преподобный Сергій во дворцѣ Олега.

8-я. 1521 годъ. Хабаръ Симскій. Московскій князь Василій далъ татарамъ грамоту о дани. Когда татары подошли къ Рязани и стали требовать покорности, выставляя на видъ, что даже Москва покорилась, воевода Хабаръ Симскій велѣлъ показать грамоту Московскаго князя. Получивъ ее, онъ разорвалъ ее въ виду войска татарскаго и велѣлъ пушкарю нѣмцу Іордану выстрѣлить. Татары бѣжали и такимъ образомъ честь Московскаго Государства была спасена».

Въ то время, когда Н. Д. Малашкинъ писалъ свои картины, другой художникъ поэтъ писалъ свою поэму «Изъ былаго», передавая каждую картину г. Малашкина поэтическою рѣчью. Ученикъ VII класса Гимназіи А. Шеффферъ, сынъ рязанскаго уѣзднаго врача, показывая свою работу живописцу, помогалъ его сюжетамъ, а живописецъ своими картинами въ свою очередь вдохновлялъ молодаго стихотворца дополнять его поэму. Эти картины и чтеніе къ нимъ стиховъ г. Шеффера составили главную часть вечера, а другая часть состояла изъ пѣнія и исполненія музыкальныхъ пьесъ. Въ приложеніи мы помѣщаемъ полную программу и стихотвореніе г. Шеффера. (Прилож. №№ 6 и 10).

Вечеръ былъ необыкновенно многолюденъ. Однихъ взрослыхъ посѣтителей, число которыхъ отмѣчается, по обыкновенію, конторою клуба, было болѣе 700 человѣкъ, да

учениковъ и учениць собралось болѣе тысячи. Мы удивляемся, какъ размѣстилась молодежь, чѣмъ она дышала..... Правда, залъ очень обширный, съ хорами кругомъ, но все таки не расчитанъ на такое число публики и никогда не вмѣщалъ въ себѣ такого многолюдства.

Вечеръ ознаменовался особеннымъ торжествомъ. Въ антрактъ между двумя отдѣленіями, Начальникъ Губерніи приблизился къ эстрадѣ и громко прочиталъ полученную вечеромъ телеграмму Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ которой значилось: **«Государь Императоръ, по прочтеніи телеграммы отъ имени населенія, праздновавшаго 800 лѣтіе Рязани, ВЫСОЧАЙШЕ соизволилъ выразить свое удовольствіе и повелѣлъ сердечно благодарить гражданъ и жителей древняго города Рязани за выраженныя ими вѣрноподданническія чувства»**. Депеша эта послѣдовала въ отвѣтъ на телеграмму посланную Губернаторомъ чрезъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ Его Императорскому Величеству, 21 Сентября слѣдующаго содержанія:

«Граждане и жители Рязани, одного изъ старѣйшихъ городовъ Богомъ данной Державы Вашей, Государь, собравшись нынѣ, вмѣстѣ съ представителями всѣхъ сословій губерніи, въ древнихъ храмахъ Рязанскихъ, послучаю высокознаменательнаго торжества исполнившагося 800 лѣтія Рязани, и вознося молитвенное благодареніе Всевышнему за Его великую милость, явленную въ сохраненіи многовѣковаго существованія ихъ роднаго города, горячо молятся за своего возлюбленнаго Монарха и за весь Августѣйшій Домъ. Вспоминая тяжкія невзгоды далекаго прошлаго и свѣтлые дни, озарившіе Россію подъ мудрымъ правленіемъ Государей Дома Романовыхъ, Рязанцы, какъ нѣкогда предки ихъ, одними изъ первыхъ запечатлѣвшіе крестнымъ цѣлованіемъ вѣрность свою Прадѣду Вашему—Царю Михаилу, благоговѣйно повергаютъ къ священнымъ стопамъ Вашимъ, Государь, чувства своей безпредѣльной вѣрноподданнической преданности и беззавѣтную готовность положить животъ свой за своего возлюбленнаго Монарха, за Вѣру и за дорогое Отечество».

Громкое, долго не смолкавшее, «ура» покрыло слова Губернатора и затѣмъ былъ исполненъ народный гимнъ.

Чрезъ три дня послѣ празднества, особымъ объявленіемъ Губернаторъ извѣстилъ жителей г. Рязани, что на всеподданнѣйшую телеграмму, принесенную имъ Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ, Ея Величество удостоила его слѣдующимъ Всемилостивѣйшимъ отвѣтомъ изъ Даніи:

«Глубоко тронута чувствами, выраженными въ Вашей телеграммѣ, прошу Васъ передать жителямъ города Рязани мою искреннюю благодарность».

Самое исполненіе концерта прошло оживленно и весело. Особенно хорошо исполнялся гимнъ «Боже, Царя храни» соединенными хорами Духовной Семинаріи, Учительской Семинаріи, Мужской Гимназіи и Женской Гимназіи и Женскаго Епархіальнаго училища, съ аккомпаниментомъ военной музыки. Гимнъ пѣли четыре раза, въ началѣ и концѣ каждаго отдѣленія. Очень хорошо прошли хоровыя пьесы отдѣльныхъ хоровъ [1]). Молодые исполнители и исполнительницы музыкальныхъ нумеровъ и декламаторы стиховъ Шеффера поощрялись дружными аплодисментами и шумными вызовами. Скромный авторъ самъ стиховъ не читалъ и не показывался на вызовы; уже въ концѣ вечера Директоръ Гимназіи вывелъ его на эстраду..... Наибольшія овація выпали на долю маленькаго гимназиста, ученика II класса Прогимназіи Мочалова, правнука знаменитаго трагика Московской сцены Мочалова. Маленькій Мочаловъ своимъ яснымъ дѣтскимъ голосомъ необыкновенно выразительно и твердо

---

[1]) Корреспондентъ Н.—Времени такъ передаетъ свои впечатлѣнія отъ этого вечера: «Залъ Дворянскаго Собранія биткомъ набитъ публикою. Вездѣ бѣлѣются пелериночки и мундирчики молодежи. Вездѣ молодыя радостныя лица, музыкальные исполнители—солисты—все учащіеся. Хоры всѣ также изъ воспитанниковъ. Обратите вниманіе: вѣдь цѣлыхъ пять хоровъ! Двѣ Гимназіи, двѣ Семинаріи и женское Епархіальное училище, каждое выставили по хору. Да вѣдь какъ поютъ, что за художественное исполненіе, одинъ хоръ лучше другого!

— Да, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ не было ничего подобнаго *). Даже въ Петербургскихъ Гимназіяхъ насъ совсѣмъ не учили пѣть.

— Я въ себя не могу прійдти,—волновался одинъ туристъ.—Это какая то Германія! Тамъ въ любомъ городѣ нѣсколько пѣвческихъ обществъ подъ разными названіями: Liedestafe, banger—Uerein и т. п. Вѣдь тутъ тоже самое! а подростетъ эта молодежъ, будетъ еще больше хоровъ. Она не оставитъ пѣнія, которымъ увлекается такъ теперь.....

---

*) Только не въ Рязани. *Ред.*

продекламировалъ «Св. Василій Рязанскій» и привелъ въ восторъ слушателей [1]).

И увы, милый мальчикъ уже въ могилѣ! Мѣсяцъ спустя умеръ внезапно; говорятъ, отъ порока сердца.

По окончаніи концерта и когда залъ нѣсколько освободился, начались танцы. Молодежь плясала почти до часа ночи, имѣя въ своемъ распоряженіи фрукты, виноградъ и прохладительные напитки [2])....

Такъ кончилось восьми—вѣковое существованіе Рязани и наступилъ IX вѣкъ, который совпадаетъ съ XX вѣкомъ христіанской эры и, одному Богу извѣстно, что сулитъ намъ, что дастъ, чѣмъ обрадуетъ жизнь....

В. Праотцевъ.

---

[1]) Въ Новомъ Времени эту сцену такъ изображаетъ корреспондентъ: «Вотъ выходитъ на эстраду крохотный гимназистикъ

«Ты лжешь отецъ!—Кричалъ народъ,
Ты лжешь, сознайся передъ нами»!

громко, съ энергіей, отчеканиваетъ онъ, такъ что голосокъ его раздается на всю огромную залу.

«Такой поступокъ не идетъ
Къ твоимъ лѣтамъ, Святому сану.

Публика встрепенулась.

— Кто это такой? раздались вопросы.

— Ученикъ II класса Прогимназіи Мочаловъ.

— Потомокъ трагика, пояснилъ кто—то».

Молодежь, отпраздновавшая такъ сознательно 800-лѣтіе роднаго города, будетъ, несомнѣнно, передавать изъ рода въ родъ воспоминаніе объ этихъ незабвенныхъ дняхъ подъема народнаго духа».

[2]) 23-го былъ актъ въ Духовной Семинаріи, 25 утромъ въ мужской гимназіи.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

О святыняхъ города Рязани.

Сообщеніе Члена Комм. Ректора Семин. прот. І. К. Смирнова.

Древняя запись [1]), послужившая основаніемъ къ празднованію въ 1895 г. 800—лѣтія существованія города Рязани, связываетъ заложеніе основъ города съ храмомъ Божіимъ: „Въ лѣто 6603 (1095) заложенъ бысть градъ Переславль Рязанской около церкви Святаго Николы Стараго“ (Ряз. Дост. § 5). Такимъ образомъ храмъ является центральнымъ пунктомъ, около котораго созидается городъ Переславль.

Съ дальнѣйшимъ расширеніемъ размѣровъ города и заложеніемъ новыхъ укрѣпленій его при благословеніи св. церкви, о чемъ упоминается въ запискхъ подъ 1208 г. (Д. § 36) [2]) должно было множиться число и храмовъ Божіихъ, особенно когда Переяславль Рязанскій, по разрушеніи Старой Рязани татарами, избранъ былъ въ концѣ 13-го в. стольнымъ городомъ для князей Рязанскихъ и мѣстопребываніемъ святительской каѳедры. Въ то время, когда святитель Рязанскій Василій переносилъ свою каѳедру въ Переяславль Рязанскій, въ послѣднемъ является уже существующимъ, кромѣ церкви св. Николая Стараго, храмъ въ честь св. мучениковъ страстотерпцевъ князей Бориса и Глѣба, и при этомъ храмѣ утверждается святительская каѳедра.

Церковь св. Николы Стараго расположена была на берегу озера Быстраго; положенныя около церкви основы города, расширенныя и распространенныя затѣмъ новыми укрѣпленіями въ началѣ XIII в. по берегу озера Карасева, образовали собою Кремль.

---

[1]) Въ библіотекѣ Ряз. Сем. находится подъ № 130 Слѣдов. псалтирь, писанная, какъ видно изъ надписи на второй отъ конца тетради, въ 1570 г. Ильинской церкви попомъ Маркомъ, въ ней послѣ канона честному кресту написано полууставомъ: «Въ лѣто 6603 заложенъ бы градъ Переяславль Резанскій около церкви святаго Николы Стараго (Ряз. Дост. § 6). Еще запись о заложеніи Переяславля Рязанскаго найдена была въ 1837 г. въ архивѣ Ряз. Консисторіи и состояла въ слѣдующемъ»: «Въ лѣто 6603 (1095) заложенъ бысть Переславль Рязанскій около церкви Николы Стараго (Ряз. Дост. § 76).

[2]) При великомъ князѣ Рязанскомъ Романѣ Игоревичѣ, внукѣ Глѣбовѣ, былъ на Рязани Еп. Арсеній I-й; онъ городъ Переславль заложилъ у Озера (Карасева); тогда городъ стали осыпать валомъ и заводить болѣе строеній, а ранѣе зданію городскому положено было только малое начало для убѣжища князьямъ отъ набѣговъ непріятельскихъ.

Кремль, занявъ возвышенное путемъ насыпей пространство въ 768 сажень [3]), съ западной стороны окруженъ былъ доселѣ сохраняющимся валомъ, а съ сѣверной и сѣверо-восточной рѣкою Трубежемъ, съ юго-восточной и съ южной рѣкою Лыбедью,—обнесенъ со всѣхъ сторонъ деревянными крѣпкими стѣнами съ 12-ю башнями, изъ коихъ 8 глухихъ и 4-ре проѣздныхъ, съ двумя главными воротами—южными Рязанскими, выходившими на конную площадь (нынѣ Старый Базаръ) и западными—Глѣбовскими (гдѣ нынѣ соборная колокольня), обращенными къ острогу, съ тайникомъ, выводившимъ на Трубежъ чрезъ тайницкую башню. Въ немъ нашли себя мѣсто въ періодъ Рязанскихъ князей въ 14-мъ в. возникшіе храмы: влѣво отъ великокняжескаго терема, обращеннаго фасадомъ на Трубежъ и стоявшаго на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Архіерейскій домъ, храмъ Успенія Богородицы (нынѣ теплый Рождественскій соборъ)—усыпальница князей и княгинь Рязанскихъ; вблизи отъ него храмъ во имя Архистратига Божіихъ силъ Михаила, съ тѣмъ же именемъ и доселѣ существуетъ,—домовая церковь для княжеской фамиліи. Въ XV в., а именно въ 1485 г., по повелѣнію великаго князя Рязанскаго Ивана Васильевича Третнаго, воздвигнутъ храмъ во имя ангела его св. Іоанна Златоуста, съ кладбищемъ, на лѣвомъ берегу озера Карасева [4]) въ юго-восточной части нынѣшняго Архіерейскаго сада за Архіерейскимъ домомъ, недалеко отъ церкви св. Николы Стараго, которая находилась при озерѣ Быстромъ въ сѣверо-западной части тогоже сада. Въ томъ же XV в, мы видимъ въ кремлѣ поддерживаемый благочестивымъ усердіемъ князей (напр., вел. кн. Ряз. Ивана Васильевича въ 1467 г.) Спасскій монастырь съ храмами: Богоявленскимъ и Спасопреображенскимъ, а вправо отъ великокняжескаго терема, внѣ кремлевскихъ стѣнъ, св. Духовъ монастырь гдѣ нынѣ только храмъ св. Духа. Къ кремлѣ же, нѣсколько позднѣе, вблизи великокняжескаго дома, на югъ отъ него возникаетъ Явленскій женскій монастырь, съ храмомъ во имя Казанской Божіей Матери, просуществовавшій на этомъ мѣстѣ до 1786 г., когда былъ перенесенъ на то мѣсто, гдѣ теперь находится.

Рядомъ съ Кремлемъ, вдоль берега, по Трубежу шелъ Острогъ (другая часть города), также окруженный стѣнами и занимавшій площадь въ 598 саж. въ окружности съ храмомъ Спаса Преображенія, что на юру (строеніе свящ. Петра) и церковію св. Анаста-

---

[3]) Гдѣ нынѣ соборъ, Архіерейскій домъ съ усадьбою, архіерейская слободка, Спасскій монастырь и усадьба духовнаго пріюта. (Ист. Обозр. церк. Іерарх. Воздвиж. стр. 161 162).

[4]) Нынѣ отъ озера Карасева, какъ и отъ озера Быстраго слѣдовъ не осталось никакихъ,—съ приблизительностію опредѣляютъ мѣсто для озера Карасева у ю.-восточнаго конца нынѣшняго архіерейскаго сада, а для озера Быстраго сѣверо-западную часть тогоже сада.

сіи (нынѣ Семинарская) на Владычнемъ дворѣ строенія Владыкъ. А за Острогомъ посадъ съ каѳедральнымъ Борисоглѣбскимъ соборомъ и церковью Вознесенія (нынѣ Николовысоковская церковь) на Митрополичьемъ посадѣ, въ подгородной слободѣ. Рядъ храмовъ Божіихъ по берегу Трубежа завершается въ концѣ XVI в. храмомъ Живоначальныя Троицы Троицкаго монастыря.

На югъ отъ Кремля, за Рязанскими Кремлевскими воротами высилась въ XVI в. Симеоновская церковь за конскою площадью, съ больничнымъ при ней домомъ [5]), церковь Вознесенія, Благовѣщенія, церковь Воскресенія, зовомое згонное, и Входо-Іерусалимская. Послѣднія три одновременнаго строенія Кремлевскихъ священниковъ въ полов. XVI в. при епископѣ Михаилѣ.

Но это далеко не всѣ храмы XV и XVI столѣтій. Благочестіе князей и владыкъ, и бояръ и народа проявлялось столь усиленно въ построеніи храмовъ Божіихъ, что и Кремль и Острогъ, и посады наполнены были храмами. Храмы почти исключительно строились деревянные, но частые пожары и нападенія вражескія производили то, что на мѣстѣ храмовъ образовывались пустыри, въ послѣдствіи обращаемыя нерѣдко для другаго назначенія. Въ выписи съ писцовыхъ книгъ Мины Лыкова 7200 г. написано: „1626 г. (7134) въ Переславлѣ Рязанскомъ внутри города (Кремля) церковь Воскресенія Христова, что въ зарядьѣ, деревянна, да мѣсто церковное, была церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы деревянна, да Рождество Христово сгорѣли въ 124 г. (1616 г.). Мѣсто церковное во имя Рождества Пречистыя Богородицы, да Пятница Прасковія, и запустѣло то мѣсто въ городской пожаръ, и попъ служилъ за Рязанскими вороты у Симіона Столпника за конскою площадью. Церковь Алексѣя Божія деревянна. Мѣсто церковное Николы Чудотворца Стараго... Церковь Козьмы и Даміана, да другая Никиты мученика деревянна. Церковь пуста св. Апостолъ Петра и Павла, а запустѣла отъ городскаго пожара, третій годъ въ ней службы нѣтъ. Церковь св. Іоанна Златоустаго деревянна, да другая Зосимы и Савватія, Соловецкихъ Чудотворцевъ, да на дворѣ Солотчинскаго монастыря, что былъ близъ Духова Монастыря, церковь Сергія Преподобнаго за Глѣбовскими вороты. Въ Острогѣ церковь происхожденія Честнаго Креста деревянна (нынѣ здѣсь Ильинская церковь, находившаяся прежде близъ Спасскаго монастыря и перенесенная изъ Кремля въ старый Острогъ въ 1679 г.). Мѣсто церковное Введенія Пресвятыя Богородицы. была деревянна. Мѣсто церковное Георгія Великомученика, Церковь деревянна Богоявленія Господня. Церковь Екатерины мученицы деревянна. Мѣсто церковное Маріи Египетскія, а запустѣло отъ Черкас-

---

[5]) Въ концѣ XVII в. обращенъ въ странноприимный монастырь просуществовавшій до полов. XVII столѣтія.

скаго разоренія. Въ Острогѣ же на яру церковъ Преображенія, да мученицы Параскевы деревянна. За городомъ на посадѣ въ Выползовѣ (при впаденіи Трубежа въ Оку, гдѣ теперь лѣсные склады) церковь Николая Чудотворца деревянна. За Рязанскими вороты церковь Входъ въ Іерусалимъ деревянна, да мѣсто церковное Флора и Лавра, да святыхъ женъ Мироносицъ, а запустѣло отъ Черкасскаго разоренія. Церковь деревянна Димитрія Солунскаго, мѣсто церковное былъ храмъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Въ Новинской слободѣ церковь деревянна Вознесенія Господня... Мѣсто церковное, а былъ храмъ Воскресенія Господня Згонное, да церковь Николы Чудотворца деревянна“ (Воздв. стр. 76—78). По описи же церквей, произведенной въ Январѣ 1638 г. по распоряженію Архіеп. Моисея по вступленіи его на Рязанскую каѳедру, кромѣ означенныхъ церквей, значится: подлѣ Архіепископля двора церковь Успенія Пресвятыя Богородицы соборная каменная, о пяти верхахъ, предѣлъ Ѳеодора Тирона, за правымъ столбомъ, гдѣ архіепископское мѣсто, пять гробницъ каменныхъ, почиваютъ великіе князья Рязанскіе: Ѳеодоръ Олеговичъ (ум. 1427 г.), Иванъ Ѳеодоровичъ (ум. 1456 г.), Василій Ивановичъ (ум. 1483 г.), Иванъ Васильевичъ (ум. 1502 г.), Ѳедоръ Ивановичъ Третной; на лѣвой сторонѣ у сѣверныхъ дверей гробница каменная, въ ней почиваетъ Василій, Еп. Рязанскій. За каменнымъ столбомъ гробницы великихъ княгинь: Анны Димитріевны (жены Ѳеодора Ольговича,—дочери Димитрія Донскаго), Софіи (супруги Ивана Васильевича), Анны. На дворѣ соборъ Архангела Михаила; въ немъ на правой сторонѣ гробницы епископовъ—Михаила и Гурія, да Архіепископовъ: Ѳеодорита, Іосифа и Антонія, на лѣвой сторонѣ—Симеона и Ѳеодосія, да въ алтарѣ, въ предѣлѣ Бориса и Глѣба, подъ южною стѣною—Іоны. На дворѣ же церковь Іоанна Предтечи, да при Антоніи (архіепископъ, предшественникъ Моисея 1619 г.—1637 г.) вновь сдѣланы Троицкая за алтаремъ соборной, предъ крестовою у сѣней Рождества Христова, Покровская подлѣ Архангела, да еще на воротахъ была Благовѣщенская. всѣ кромѣ Предтеченской, деревянныя. Внутри города церковь Николы стараго (возстановленная отъ пожара) подлѣ Явленскаго монастыря, да Иліи Пророка близъ Спасскаго монастыря (Труд. Арх. К. т. V № 7 стр. 121).

Приведенныя выписи даютъ намъ наглядную картину состоянія храмовъ Божіихъ въ Переяславлѣ Рязанскомъ въ XVI в. и первой полов. XVII в. Многихъ изъ нихъ, показанныхъ въ выписяхъ или существующими, или пустырями отъ пожаровъ и нападеній запорожцевъ, мы въ настоящее время не видимъ, а иныя явились на другихъ уже мѣстахъ. Такъ, въ древнемъ Кремлѣ мы не видимъ храмовъ: Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, Рождества Богородицы, да Пятницы Прасковіи, св. Николы стараго, этой старѣйшей изъ церквей, св. Апостолъ Петра и Павла, церкви Воскресенія

Христова, что была въ Зарядьѣ, Алексѣя Божія человѣка, св. Іоанна Златоустаго, Косьмы и Даміана, да церкви Никиты мученика, стоявшихъ близъ церкви св. Николая стараго, Зосимы и Савватія, Соловецкихъ Чудотворцевъ, — стоявшей близъ церкви св. Іоанна Златоустаго, каменной церкви Іоанна Предтечи на Архіерейскомъ дворѣ, поставленной еп. Іоною (1522—1547), по переведеніи его съ посада отъ Бориса и Глѣба, съ прекращеніемъ Рязанскаго княжества въ 1520 г., къ соборной Успенской церкви, деревянныхъ, поставленныхъ архіепископомъ Антоніемъ, Троицкой, Рождественской и Покровской и каменной Смоленской Божіей Матери, близъ соборовъ Успенскаго и Архангельскаго, Преподобнаго Сергія за Глѣбовскими воротами близъ Духовской церкви, Ильинской близъ Спасскаго монастыря въ Кремлѣ, Казанской Божіей Матери въ Явленскомъ женскомъ монастырѣ (перенесена въ другое мѣсто). Въ Острогѣ, гдѣ нынѣ площадь, Присутственныя мѣста и часть соборной и семинарской улицъ.—не видимъ храмовъ Происхожденія Честнаго Креста (нынѣ на этомъ мѣстѣ Ильинская церковь), Введенія Пресвятой Богородицы и Великомученицы Екатерины (въ 18-мъ в. перенесены на другія мѣста), св. Великомученика Георгія, Богоявленія Господня, Преподобной Маріи Египетской, мученицы Параскевы близъ церкви Спаса Преображенія на юру. Близъ Борисоглѣбской церкви,—бывшей соборной, не видимъ малой церкви, что въ Черкасскій приходъ ушла въ землю, церкви Живоначальной Троицы, деревянной (Еп. В. $^{69}/_{70}$ г. № 20 стр. 676). За Рязанскими воротами на старомъ базарѣ нѣтъ церквей Флора и Лавра, св. Женъ Мироносицъ, св. Димитрія Солунскаго, Пречистыя Богородицы Одигитрія въ страннопріимномъ монастырѣ при Симеоновской церкви. За городомъ на посадѣ въ Выползовѣ, на берегу Трубежа при впаденіи въ Оку нѣтъ церкви св. Николая Чудотворца (Мокраго)—и древнѣйшей деревянной—строенія мірскаго, и болѣе новой въ концѣ 17-го в. каменной о пяти главахъ съ колокольнею—строенія рыбака Зиновейки Калмакова. За ветхостью въ 1786 г. церковь была упразднена и разобрана. Годный матеріалъ употребленъ на постройку 1788 г. церкви въ Новоямской слободѣ, сюда же перенесенъ и иконостасъ съ храмовою иконою св. Николая и вся церковная утварь.

Изъ существующихъ нынѣ церквей новѣйшими являются церкви кладбищенскія—Скорбящей Божіей Матери съ 1794 г. деревянная, а съ 1857 г. каменная, построенная надворнымъ совѣтникомъ Петромъ Ал. Мальшинымъ, и Лазаревская, также сначала деревянная съ 1797 г., а съ 1815 г. каменная, построенная титулярнымъ совѣтникомъ Ракшинскимъ. Древнѣйшими же церквами являются церковь Бориса и Глѣба и соборы Христорождественскій и Архангельскій.

Церковь Бориса и Глѣба, по началу происхожденія своего относимая къ 12 ст. съ начала каменная, потомъ съ 1620 по 1686 дере-

вянная, а затѣмъ опять каменная, помимо своей древности, дорога для города тѣмъ, что въ теченіи двухъ съ четвертью вѣковъ во весь періодъ существованія Рязанскаго княжества, со времени перенесенія княжеской столицы изъ Старой Рязани въ Переяславль, была Каѳедральнымъ соборомъ, пользовалась жалованными грамотами отъ князей Рязанскихъ [6]),—и послужила мѣстомъ упокоенія перваго святителя Рязанскаго Св. Еп. Василія,—нетлѣнные останки котораго почивали въ мѣстѣ упокоенія при Соборѣ до 1609 года, когда небесными знаменіями удостовѣренные въ своей нетлѣнности Преосвященнымъ Архіеписк. Ѳеодоритомъ перенесены были въ Соборную Успенія Пресвятыя Богородицы церковь. На томъ мѣстѣ, гдѣ обрѣтены мощи Святителя, изстари была построена деревянная палатка, а въ ней деревянная же гробница. Со временемъ и палатка и гробница отъ ветхости развалились. Тогда стараніемъ подъячаго Никиты Алхутова и по указу митрополита Стефана въ 1712 г. построены были каменная и палатка и гробница, просуществовавшія до 1781 г., когда за ветхостью и они были разобраны, а матеріалъ употребленъ на починку церкви.

Въ 1836 г. съ разрѣшенія Преосвященнаго Евгенія усердіемъ благочестивыхъ ревнителей на мѣстѣ погребенія поставленъ былъ чугунный, до нынѣ существующій пирамидальный памятникъ на возвышеніи. По сторонамъ памятника сдѣланы литыя изображенія съ надписями подъ ними, объясняющими значеніе изображеній. На восточной сторонѣ изображено: какъ Свят. Божій Василій, Еп. Рязанскій, по совершеніи Божественной литургіи и молебнаго пѣнія, въ 3-мъ часу дня оставляетъ жителей г. Мурома и на святительской мантіи по рѣкѣ Окѣ съ Муромскою иконою Богоматери противъ рѣчнаго стремленія того же дня въ 9-мъ часу приплываетъ въ градъ Старую Рязань; на южной сторонѣ,—какъ великій князь Рязанскій [7]) совсѣмъ свящ. Соборомъ встрѣчаетъ и принимаетъ Св. Праведнаго Еп. Василія, радуяся со всѣми православными христіанами; на Западной,—какъ сей великій іерархъ, по извѣщенію народному, изъ града Старой Рязани на мантицѣ по Окѣ приплываетъ въ городъ Переяславль Рязанскій къ Собору Св. Страстотерпцевъ Бориса и Глѣба и при ономъ скончался; наконецъ на сѣверной сторонѣ,—какъ преосв. Ѳеодоритъ, архіеп. Рязанскій переноситъ святыя мощи сего святителя

---

[6]) Жалов Грамота Олега Ив—ча Свят. мученикомъ и отцу Владыкѣ Василію на мѣсто на Кишнѣ на рѣцѣ (Д. § 67) Жалов. Грамата Михаила Ярославича 1303 г., сына его Ал—ра Михайловича 1340, царя Ив. Васпл. 1553. Ист. Церк. Іер. Воздвиж стр. 49—52. Ист. Ряз. княж., стр. 191, изд. 1884 г.

[7]) Во дни святит. правленія Еп. Василія въ Муромѣ княжилъ Ярославъ Юрьевичъ, а въ Рязани—Ярославъ и Ѳеодоръ Романовичи (Тр. Арх. Ком. т. V. № 6, стр. 99).

Божія, нѣсколько столѣтій почивавшаго въ нѣдрахъ земли при означенномъ Соборѣ, въ Соборную церковь Успенія Пресвятой Богородицы, что нынѣ Рождественскій Соборъ.

Христорождественскій храмъ, прежде именуемый Успенскимъ, въ началѣ, въ періодъ княжества, былъ, какъ сказано, усыпальницею великихъ князей и княгинь, сдѣлался Каѳедральнымъ Соборомъ съ перенесеніемъ каѳедры Еп. Іоною (1522—1547) отъ церкви Бориса и Глѣба къ Успенской Соборной церкви, сталъ именоваться Христорождественскимъ съ 1753 г. при архіеп. Димитріѣ Сѣченовѣ; при многократныхъ своихъ перестройкахъ совершенно утратилъ характеръ древности. Надъ прахомъ почившихъ и положенныхъ въ немъ князей и княгинь стояли гробницы на правой и лѣвой сторонѣ сначала каменныя, а при Архіеп. Димитріѣ Сѣченовѣ деревянныя. Въ 1775 г. 16 іюня въ Соборѣ обвалился каменный сводъ, отчего княжескія гробницы переломало и послѣднія, по распоряженію Преосвященнаго Палладія, за тѣснотою церкви совсѣмъ сняты [8]). Въ этомъ Соборѣ пашли себѣ мѣсто упокоенія и іерархи Рязанскіе: Архіеп. Симонъ (ум. 1804 г. и погребенъ на правой сторонѣ противъ алтаря) и Архіеп. Амвросій (ум. 1809 г. и погребенъ на лѣвой сторонѣ противъ алтаря). Въ немъ же почиваютъ подъ спудомъ и нетлѣнные останки Св. Василія, Еп. Рязанскаго, на лѣвомъ клиросѣ предъ иконостасомъ, составляющіе главную святыню храма и всей страны Рязанской. Надъ мѣстомъ, гдѣ покоятся св. мощи, въ 1538 при Архіепископѣ Моисеѣ устроена была каменная гробница, а надъ гробницей поставленъ образъ Пресвятыя Богородицы „Моленіе Василія“, при чемъ Архіепископъ торжественно праздновалъ день перенесенія мощей святителя 10 іюня. Эта гробница въ 1753 г. повелѣніемъ Архіепископа Димитрія Сѣченова замѣнена была новою гробницею на подобіе раки, на верху написана икона святителя, и въ особой надписи означено время перенесенія мощей Архіеп. Ѳеодоритомъ. Святителю же составлена служба и положено празднованіе памяти его въ 10-ю нед. по Пятидесятницѣ. Украшеніе гробницы Святителя совершено было при Архіеп. Симонѣ въ 1782—83 г. Надъ гробницей Святителя еще въ 1738 г. поставленъ былъ образъ Богоматери „Моленіе Василія“ и теперь пребывающій въ Соборѣ. Икона эта прославила себя чудесными знаменіями и должна быть чтима нами, какъ памятникъ благословенія Рязани отъ первопрестольнаго града Кіева, такъ какъ дана была Великимъ княземъ Кіевскимъ Святославомъ въ благословеніе сыну его, родоначальнику князей Муромскихъ и Рязанскихъ, св. князю Константину, когда тотъ съ княгинею Ириною и дѣтьми своими: Михаиломъ и Ѳедоромъ отправлялся на княженіе въ Муромо-Рязанскую страну, христіанскою вѣрою еще непросвѣщенную. Съ Апостоль-

---

[8]) Тр. Арх. К. т. V № 11—12, стр. 187.

скою ревностью стараясь о просвѣщеніи народа христіанствомъ, св. князь возбудилъ противъ себя ярость приверженцевъ язычества. Возбужденный народъ толпою собрался къ княжескому двору, чтобы убить князя или выгнать его изъ Мурома. Укрѣпленный молитвою. ободренный чудесно Самимъ Господомъ, въ полномъ упованіи на всемогущую помощь Божію, съ иконою Богоматери въ рукахъ благочестивый князь спокойно вышелъ къ разъяренной толпѣ. Благодатноспокойный взоръ благочестиваго князя, а наипаче пресвѣтлый ликъ Богоматери, сіявшій „яко солнце“ произвели потрясающее дѣйствіе на толпу. Вмѣсто проявленія необузданнаго ропота и гнѣва, толпа въ страхѣ пала предъ ликомъ Богоматери и изъявила полную готовность креститься въ Христову вѣру.

Предъ этою же иконою совершалъ свое послѣднее молебное пѣніе въ церкви Благовѣщенія въ г. Муромѣ и святитель Василій, когда жители города въ своемъ ослѣпленіи, обвиняя святителя въ нечистой жизни, требовали его смерти и изгнанія изъ города. Божія Матерь, предъ ликомъ которой слезно молился святитель, и на этотъ разъ явила свое чудесное защищеніе и покровъ. Когда святитель, по совершеніи своей молитвы, въ виду возбужденныхъ до озлобленія противъ него жителей г. Мурома, на разосланной мантіи, съ иконою Богоматери на рукахъ, охраняемый ея покровомъ, поплылъ по рѣкѣ Окѣ противъ теченія, тогда пораженные видѣніемъ Муромскіе жители сразу измѣнились въ своихъ чувствахъ къ Праведному и вопіяли вслѣдъ его: „О, Епископе святый, Владыко Василіе! Прости насъ грѣшныхъ рабъ твоихъ! Согрѣшихомъ предъ тобою, отче святый, Владыко, не забудь насъ рабъ твоихъ“!

Архангельскій Соборъ, построенный, какъ полагаютъ, при князѣ Олегѣ Ивановичѣ Рязан. и его стараніемъ, въ періодъ Рязанскаго княжества бывшій домовой церковью для княжеской фамиліи, впослѣдствіи сдѣлался усыпальницею для Рязанскихъ іерарховъ. Въ продолженіи своего существованія Соборъ неоднократно подвергался разрушительному дѣйствію огня, въ особенности много пострадалъ въ пожаръ 1647 г., вслѣдствіе чего неоднократно былъ исправляемъ, за ветхостью долго оставался безъ Богослуженія въ немъ. Возобновленный внутри и снаружи при Преосв. Сергіѣ въ 1819 г. на счетъ боголюбивыхъ гражданъ, онъ остается въ томъ же все видѣ и доселѣ [9]), продолжая быть усыпальницею для Рязанскихъ іерарховъ. Помимо погребенныхъ въ немъ іерарховъ, имена которыхъ значатся въ вышеприведенной описи церквей 1638 г., въ Соборѣ на правой

---

[9]) Ко дню юбилейнаго торжества Соборъ внутри былъ подновленъ стараніемъ ктитора Соборныхъ храмовъ Рязанскаго купца Вас. Ал. Постникова, и распоряженіемъ Преосвященнѣйшаго Іустина назначенъ быть Братскимъ храмомъ при Братствѣ Св. Василія Еп. Рязанскаго.

сторонѣ у южныхъ дверей находится гробница надъ прахомъ Архіеп. Мисаила, убитаго въ 1656 г. мордвою въ Шатцкомъ уѣздѣ близъ села Конобѣева, куда онъ ѣздилъ для проповѣди Христовой вѣры. Надъ гробницею въ футлярѣ хранится съ 1734 года мантія его, въ коей онъ былъ прострѣленъ стрѣлою мордвина и на коей видны пробоины и слѣды крови. Въ томъ же Соборѣ покоятся останки почившихъ митрополитовъ Рязанскихъ: *Иларіона* (ум. 1669 г. и погреб. на правой сторонѣ подлѣ клироса), *Іосифа* (ум. 1682 г. и погреб. на лѣвой сторонѣ), *Павла* (ум. 1687 г.), *Стефана Яворскаго* (ум. 1722 г. и погребенъ сначала въ самой соборной церкви, а потомъ перенесенъ въ Архангельскій Соборъ въ 1799 г., гробница его находится въ предъалтаріи у южной стѣны),—Архіепископовъ Рязанскихъ: *Алексія* (ум. 1799 г.), *Сергія* (ум. 1824 г.) *Смарагда, Θеоктиста* (ум. 1894 г.),

Вѣнецъ всѣхъ церквей г. Рязани составляетъ Успенскій Каоедральный Соборъ, принадлежащій къ числу замѣчательнѣйшихъ храмовъ. Дѣло о постройкѣ Собора началось въ 1677 г. при митрополитѣ Іосифѣ, при царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ, у котораго митрополитъ Іосифъ просилъ дозволенія. построить новую Соборную церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла Зелейная (пороховая) палата. Разрѣшеніе было дано. Но постройка храма за смертію митрополита Іосифа и неудачнымъ подборомъ подрядчиковъ и рабочихъ при митроп. Павлѣ и затѣмъ Авраміѣ затянулось болѣе, чѣмъ на десять лѣтъ. Наконецъ въ 1692 г. зданіе было достроено, своды сведены и шеи, гдѣ быть главамъ, до половины сдѣланы,—и все это въ ночь на 18-е апрѣля рухнуло. Пришлось вновь начинать дѣло. Ровно чрезъ годъ и мѣсяцъ послѣ паденія 18-го мая 1693 г. митроп. Авраамій служилъ молебенъ на основаніе новыя Соборныя церкви. Чрезъ 6 лѣтъ зданіе было воздвигнуто при митроп. Стефанѣ Яворскомъ и въ 1702 г. освящено. Иконописцемъ былъ Николай Соломоновъ. Но и въ этомъ зданіи въ нижнемъ этажѣ подъ церковью и алтаремъ въ сводахъ половыхъ и стѣнахъ появились многія трещины и арки упали, а въ верхнихъ сводахъ и стѣнахъ алтарныхъ образовались разсѣлины, такъ что съ 1796 г. въ Соборѣ прекращено было Богослуженіе и указомъ Св. Синода повелѣно было его сломать. Однако дѣло обошлось безъ сломки. Ветхости были исправлены, Соборъ возобновленъ и 18 авг. 1804 г. освященъ.

Находящаяся близъ Собора четырехъ-ярусная колокольня вышиною вмѣстѣ со шпилемъ въ 122 аршина начата постройкою на счетъ доброхотныхъ дателей въ 1789 г. при Архіеп. Симонѣ, а окончена въ 1840 году [10]).

Главную святыню храма составляетъ чудотворный образъ Θедотьев-

---

[10]) Истор.-Стат. описаніе церквей и монастырей Ряз. Епархіи т. I. свящ. I Добролюбова.

скія Божія Матери, обрѣтенный въ 1487 г. близъ села Ѳедотьева Спасскаго уѣзда. Въ Борисоглѣбской церкви имѣется копія съ образа, снятая въ 1611 г. по повелѣнію Архіеп. Ѳеодорита. На обратной сторонѣ этой копіи имѣется надпись, указующая происхожденіе чудотворнаго образа;—вотъ эта надпись: „Божіею милостію сія икона Пречистыя Богородицы Пречуднаго ея Одигитрія списана бысть съ подобія образа древняго писанія Пречистыя Богородицы Ѳедотьевскія, понеже бо та чудотворная икона обрѣтена бысть въ предѣлѣхъ Рязанскихъ близъ села Ѳедотьева, на пустомъ мѣстѣ, именуется то мѣсто Старое и чудесъ ради многихъ бываемыхъ перенесена бысть чудотворная икона во градъ Переяславль, въ Соборную церковь Успенія Пречистыя Богородицы при Боголюбивыхъ князѣхъ, лѣта 6995 (1487). Икона въ Рязани встрѣчена была Еп. Симеономъ вмѣстѣ съ Рязанскимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ Третнымъ. На мѣстѣ встрѣчи, какъ говоритъ преданіе, построена донынѣ существующая при Симеоновской церкви часовня, въ которой съ 1848 г. пребываетъ мѣстно-чтимая икона Знаменія Божіей Матери.

И въ Рязани икона явила себя Чудотворною. Въ 1771 году въ концѣ сентября появилась въ Рязани моровая язва. Для избавленія отъ нея Преосвящ. Палладіемъ въ Соборѣ и по всѣмъ церквамъ города вечеромъ 29 сентября совершено было всенощное бдѣніе Спасу и Богородицѣ, а на утро 30-го сентября—литургія, послѣ которой совершены были Преосвященнымъ со всѣмъ градскимъ духовенствомъ таинство Елеосвященія, а затѣмъ крестный кругомъ кремля ходъ съ пѣніемъ молебна, съ акаѳистомъ и водосвятіемъ Ѳедотьевской Божіей Матери.

Затѣмъ въ слѣдующіе дни образъ Ѳедотьевской Божіей Матери переносился отъ церкви въ церковь по всему городу. Въ каждой церкви, начиная съ Спасскаго монастыря, предъ иконою совершались всенощныя бдѣнія, а по литургіи—молебныя съ акаѳистомъ пѣнія и водоосвященія. Икона носилась по всѣмъ улицамъ города и по домамъ, такъ что времени не доставало къ удовлетворенію усердствующихъ. 19 окт., изъ Никольской, что была къ востоку на Выползовѣ, церкви съ крестнымъ ходомъ образъ принесенъ въ Соборъ. И ходатайствомъ Божіей Матери зараза вскорѣ прекратилась, и вымерло только два двора въ Рыбачьей Слободѣ и одинъ семинаристъ (Тр. Арх. К. т. V. № 11—12. стр. 186). Сохранились въ записяхъ случаи и одиночныхъ проявленій чудеснаго спасенія отъ иконы.

Въ 1812 г. чрезъ посредство этой иконы получила исцѣленіе отъ слѣпоты нѣкая Ксенія Алексѣева, невидѣвшая ничего въ теченіе 13 недѣль; въ томъ же году получила исцѣленіе и другая благочестивая женщина, которая была больна горячкою съ черными пятнами и докторами приговорена къ смерти. Чудо исцѣленія собственноручно записано спасенною и скрѣплено въ 1856 г. подписью духовнаго

отца. Св. икона, какъ чудотворная, носилась издревле въ крестныхъ ходахъ, устрояемыхъ по поводу какихъ-либо чрезвычайнымъ событій. Въ день нашествія Черкасовъ (Запорожцевъ) на Рязань въ 1618 г. 30 іюля въ городѣ и на посадѣ по всѣмъ церквамъ праздновали Пресвятой Богородицѣ Одигитріи за ея милосердіе о нихъ и избавленіе града, и ходили со кресты и иконы и *Ѳедотьевскою Богоматерью*. Чествуемая предками, какъ чудотворная, икона Одигитрія находилась надъ Глѣбовскими крѣпостными воротами [11]), въ настоящее время пребываетъ въ Ильинской церкви.

Въ Соборѣ есть икона, устроенная благочестивымъ усердіемъ одного богобоязненнаго мужа, купца Мокія Панова (въ 1859 г.) съ надписью на ней, чтобы икона сія обязательно носима была въ крестныхъ ходахъ, совершающихся вокругъ города. Эта икона Св. Благовѣрнаго князя Рязанскаго Романа. Подпись на иконѣ служитъ указателемъ крѣпкой вѣры въ молитвенное невидимое ходатайство предъ Богомъ за градъ Рязань Св. Благовѣрнаго князя-страстотерпца, оставившаго намъ въ себѣ образецъ непоколебимаго исповѣданія вѣры: „христіанинъ есмь азъ и во истину свята есть вѣра христіанская“.

800 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ городъ, заложенный при храмѣ, просуществовалъ, изобилуя и красуясь храмами Божіими. Эти храмы, считающіе за собою сотни лѣтъ своего существованія, съ святынями, древними, въ сребро-позлащенныхъ окладахъ, иконами, крестами и хоругвями—служатъ для насъ живыми свидѣтелями вѣры и благочестія нашихъ предковъ, ихъ любви къ храмамъ Божіимъ, какъ мѣстамъ ихъ духовнаго воспитанія, утѣшенія, радости и христіанскаго воодушевленія.

Намъ остается пожелать, чтобы эта тѣсная, проходящая чрезъ всю жизнь и всѣ проявленія ея, внутренняя связь съ храмомъ Божіимъ, чтобы эта вѣра и благочестіе, которыя составляли всегда достояніе нашихъ предковъ, начиная съ князей ихъ, сохранились и поддерживались и въ потомкахъ ихъ, которые молятся въ тѣхъ же храмахъ и предъ тѣми же святынями, предъ коими молились и ихъ отцы и дѣды. Для насъ,—охранителей старины, укрѣпленныхъ въ сознаніи, насколько она важна и священна, должно быть особенно дорого, чтобы потомки свято сохранили доставшуюся имъ въ наслѣдіе отъ предковъ самую дорогую старину,—ни когда не ветшающую, а напротивъ болѣе и болѣе оживляющую жизнь тѣхъ, которые проникаются ею, старина эта—вѣчно животворная Христова вѣра и отеческое благочестіе, коренящіяся на живомъ общеніи съ храмами Божіими и святынями, въ нихъ пребывающими.

Протоіерей **І. Смирновъ.**

---

[11]) На Глѣбовскихъ воротахъ была каменная часовня, а въ ней для моленія образъ Пресвятыя Богородицы Одигитрія.

№ 2.

ОЧЕРКЪ ДОИСТОРИЧЕСКАГО ПРОШЛАГО РЯЗАНСКАГО КРАЯ.

Сообщеніе Члена Коммиссіи А. И. Черепнина.

Празднованіе 800-лѣтія г. Рязани вызвано событіемъ, совершившимся въ тотъ знаменательный періодъ времени, когда среди разрозненныхъ племенъ, заселявшихъ площадь Окскаго бассейна, зарождался теперешній центръ колоссальнаго Русскаго государства.

Восемь сотъ лѣтъ тому назадъ, южно-русскіе князья строили укрѣпленные городки для упроченія своего господства надъ покоренными племенами, обитавшими въ предѣлахъ нынѣшней средней Россіи, и вводили новые порядки въ занятыхъ областяхъ между туземцами, оставшимися на мѣстахъ своей исконной осѣдлости. Многіе изъ этихъ городковъ давно замерли и слѣды ихъ исчезли съ лица земли, отъ другихъ сохранились остатки земляныхъ укрѣпленій и только нѣкоторые изъ нихъ существуютъ до сихъ поръ, какъ торговые или административные центры.

На основаніи записи XVI—XVII ст. [1]), мѣстные знатоки родной старины предполагаютъ, что въ 1095 году такой стратегическій пунктъ былъ основанъ на крутомъ берегу Трубежа и названъ Переяславлемъ Рязанскимъ. По всему вѣроятію городокъ былъ построенъ ранѣе 1095 г. на мѣстѣ, нынѣ занятомъ кремлемъ, и представлялъ небольшой поселокъ, окруженный земляным валомъ со стороны удобныхъ подступовъ къ нему [2])... Въ теченіи трехъ столѣтій незначительный княжескій городокъ, благодаря удобствамъ своего положенія и другимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, постепенно обстраивался, и при великомъ князѣ Олегѣ Ивановичѣ сталъ стольнымъ городомъ Великаго княжества Рязанскаго.

Если не вполнѣ, то отчасти извѣстны какъ общій характеръ дѣятельности первыхъ рязанскихъ князей, такъ и тѣ цѣли къ достиженію

---

[1]) Въ библіотекѣ Рязанской семинаріи подъ № 130 находится Слѣдованная Псалтирь, писанная въ 1570 году Ильинской церкви попомъ Маркомъ; въ ней послѣ канона честному кресту, на послѣднемъ мѣстѣ, передъ мѣсяцемъ сентябремъ, въ 19 день, написано полууставомъ: „Влѣто 6603 (1095) заложенъ бы градъ Переславль Резанѣскоі окола цркви стго Николы старого“.

[2]) На возвышенномъ берегу Трубежа, занятомъ сѣверною частью г. Рязани, было селеніе, основанное древними обитателями Рязанскаго края за нѣсколько столѣтій до появленія южно-русскихъ князей въ

которыхъ стремились болѣе энергичные изъ нихъ. Но до послѣдняго времени ничего или почти ничего мы не знали о бытѣ и особенностяхъ тѣхъ племенъ, которыя издавна занимали территорію, вошедшую впослѣдствіи въ составъ Великаго княжества Рязанскаго [3]). Между тѣмъ, эти племена вошли въ составъ Великорусскаго народа и представляютъ одинъ изъ крупныхъ составныхъ элементовъ его. Уже одно это обстоятельство должно было вызвать интересъ къ изученію древняго мѣстнаго населенія, съ незапамятныхъ временъ осѣвшаго по берегамъ средней Оки и ея большихъ притоковъ. Ознакомившись съ бытовыми и племенными особенностями этихъ народцевъ, на сколько позволяютъ имѣющіеся археологическіе и антропологическіе матеріалы, можно понять, какія черты они внесли въ обликъ, характеръ и культуру Великорусскаго народа, образовавшагося изъ многихъ и далеко неоднородныхъ элементовъ. Имѣя понятіе о качествахъ составныхъ частей, явится возможность судить и о достоинствахъ цѣлаго.

Краткія и отрывочныя свѣдѣнія о далекомъ прошломъ нашей родины, сохранившіяся въ лѣтописяхъ и отчасти въ легендарныхъ преданіяхъ, слишкомъ недостаточны и смутны даже для приблизительнаго рѣшенія поставленнаго нами вопроса. Пытливости человѣческаго ума,—этому благороднѣйшему качеству нашей души,—пришла на помощь археологія. Благодаря настойчивымъ трудамъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ ученыхъ обществъ, посвятившихъ свои силы и знанія на розысканіе и изученіе древнихъ надземныхъ и подземныхъ памятниковъ,—дѣятельное стремленіе разсѣять густой мракъ, скрывавшій отъ нашихъ взоровъ сѣдую старину,—не осталось безплоднымъ. Археологическія изслѣдованія, произведенныя въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ на окраинахъ Европейской Россіи, въ ея среднихъ губерніяхъ и систематическія археологическія работы Рязанской Ученой Архивной Ком-

---

долинѣ средней Оки. Языческіе могильники, изслѣдованные въ 1892 г. на Борковскомъ островѣ, служили кладбищемъ для древняго поселка. Въ настоящее время трудно указать мѣсто, гдѣ было раскинуто селеніе,—рядъ вѣковъ и позднѣйшія постройки сгладили его слѣды. По нашимъ догадкамъ, поселокъ былъ расположенъ на бугрѣ, гдѣ стоитъ церковь Николы Высокаго или на мѣстѣ нынѣшней Бутырской слободы. Намъ неизвѣстно,—кѣмъ и когда было основано древнее селеніе, неизвѣстно и названіе его. Конечно, не Переяславлемъ Рязанскимъ именовали его. Тѣмъ не менѣе, мы можемъ утверждать съ полною увѣренностію, что селеніе существовало и по тому времени оно было значительное, въ чемъ убѣждаютъ насъ размѣры и содержаніе его кладбищъ. Не будь на берегу Трубежа древняго селенія, не возникъ бы здѣсь и Переяславль Рязанскій. Основаніе послѣдняго было вызвано необходимостью имѣть наблюдательный и опорный пунктъ вблизи крупнаго поселка, населеннаго непокойными туземцами.

[3]) Рѣчная область Оки въ первый разъ является въ исторіи съ обитателями Финскаго или Чудскаго племени. Но, заговоривъ о Финскомъ племени и его подраздѣленіяхъ, мы чувствуемъ подъ собою почву,

миссіи, начатыя со времени открытія этого полезнаго учрежденія, позволяютъ намъ съ достаточною достовѣрностію обозначить въ общихъ чертахъ болѣе выдающіеся признаки трехъ отдѣльныхъ доисторическихъ періодовъ, пережитыхъ древнимъ населеніемъ Рязанскаго края, а именно: 1) *періода каменнаго вѣка*, 2) *періода употребленія металловъ* и 3) *періода торговыхъ сношеній съ арабами*.

Въ основу дѣленія на 3 періода доисторической жизни мѣстнаго населенія, мы полагаемъ преимущественно внѣшнія, этнографическія отличія его быта въ разныя эпохи, обнаруженныя за послѣднія семь лѣтъ цѣлымъ рядомъ раскопокъ въ предѣлахъ Рязанской губерніи, по берегамъ Оки. Иныхъ, вполнѣ надежныхъ, матеріаловъ, имѣется очень мало въ нашемъ распоряженіи. Выводы же антропологіи и лингвистики, по отношенію къ древнимъ обитателямъ Рязанскаго края, находятся въ зачатномъ состояніи,—они слишкомъ сомнительны и шатки, а потому и непригодны для положительныхъ заключеній по разсматриваемому нами вопросу и могутъ служить лишь какъ второстепенный вспомогательный матеріалъ. При такомъ положеніи нашихъ свѣдѣній, названные три періода имѣютъ условное значеніе, соотвѣтствующее качеству и количеству имѣющагося матеріала. Археологическій матеріалъ раскрываетъ передъ нами только отдѣльныя звенья доисторической жизни нашихъ предковъ и далеко не охватываетъ всей цѣпи крупныхъ событій и перемѣнъ, совершившихся въ составѣ и бытѣ населенія долины средней Оки со времени появленія первыхъ насельниковъ и до начала образованія Великаго княжества Рязанскаго. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ неполноты и крупныхъ пробѣловъ въ матеріалахъ является отсутствіе послѣдовательнаго и связнаго изображенія доисторическаго прошлаго Рязанскаго края въ нашемъ очеркѣ. Мы намѣчаемъ общій характеръ и болѣе выпуклыя особенности быта мѣстнаго населенія только тѣхъ эпохъ, изъ которыхъ уже добыты и изучены болѣе или менѣе многочисленные и разнообразные вещественные памятники. Дальнѣйшія изслѣдованія надземной и подземной мѣстной старины, безъ сомнѣнія, дадутъ цѣнные результаты въ видѣ новыхъ матеріаловъ и не только пополнятъ и расширятъ наши знанія о доисторическомъ прошломъ родины, но и далеко отодвинутъ въ глубь начало нашей исторіи.

Между періодомъ каменнаго вѣка и употребленіемъ металловъ не

далеко нетвердую. Этотъ важный элементъ въ составѣ Русскаго государства представляетъ еще задачу для исторіи, и мы пока напрасно ищемъ въ ученой литературѣ авторитета, на который могли бы смѣло опереться въ своихъ выводахъ. Особенно мало сдѣлано для исторіи и этнографіи Финновъ восточной Россіи. Здѣсь на первомъ шагу насъ останавливаетъ затрудненіе отыскать границы между племенами Финскими, Турецкими и Монгольскими; передъ нами мелькаетъ множество названій, которыя никакъ не поддаются строгой классификаціи рода и вида". Такъ говоритъ Д. И. Иловайскій о древнемъ населеніи Рязанскаго края въ Исторіи Рязанскаго княжества.

существуетъ послѣдовательной связи,—до настоящаго времени мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, которыя указывали бы на прямой переходъ одного періода къ другому. Наоборотъ, по нѣкоторымъ признакамъ, эти періоды, какъ кажется, раздѣляетъ большой промежутокъ времени, содержавшій переходныя эпохи, о которыхъ мы пока ничего не знаемъ. При археологическихъ изслѣдованіяхъ Рязанской губерніи, намъ не встрѣчались памятники, которые можно было-бы разсматривать какъ звенья, связующія каменный вѣкъ съ періодомъ широко распространенной металлической культуры. По своей продолжительности оба періоды представляютъ большое различіе,—культура каменнаго вѣка, несомнѣнно, весьма долго держалась въ разныхъ стадіяхъ своего развитія среди первобытнаго населенія, осѣвшаго въ долинѣ Оки; тогда какъ, періодъ металлической культуры, наблюдаемый нами въ языческихъ-могильникахъ, занималъ сравнительно короткое время,—не болѣе 4-хъ или 5-ти столѣтій. Третій періодъ, какъ мы полагаемъ, составляетъ прямое продолженіе второго,—между ними, повидимому, не было даже короткаго промежутка. Начало 3 періода относится къ VIII, а конецъ его къ началу XII ст. по Р. Хр.

Періодъ каменнаго вѣка.

На западѣ, археологи, изучая памятники и слѣды первобытнаго населенія, пришли къ положительному заключенію, что Европа была обитаема человѣкомъ уже въ *ледниковый періодъ*, т. е. тогда, когда нынѣшняя Финляндія, Олонецкая, Петербургская и Новгородская губерніи были покрыты мощными пластами льдовъ; когда въ Европѣ и южной Россіи въ изобиліи водились мамонты, ископаемые носороги, первобытные быки, пещерные медвѣди, львы и гигантскіе олени.

Въ теченіе многихъ тысячалѣтій первобытный человѣкъ, по условіямъ и обстановкѣ своей жизни, мало отличался отъ окружавшихъ его животныхъ. Жилищемъ ему служили естественныя пещеры; онъ не зналъ способовъ добыванія огня, не приручилъ животныхъ, не умѣлъ строить жилища и обработывать металлы. Все необходимое для своей несложной жизни человѣкъ приспособлялъ и выдѣлывалъ изъ дерева, кости и камня. Съѣдобныя части растеній, молюски, рыбы и результаты охоты за звѣрями и птицами составляли его пищу, шкуры убитыхъ животныхъ служили для защиты тѣла во время холодовъ и ненастья. Этимъ весьма продолжительнымъ періодомъ открывается начало культуры человѣка, называемой *каменнымъ вѣкомъ*. Сравнивая бытъ человѣка въ древнѣйшую, или *палеолитическую* эпоху каменнаго вѣка съ бытомъ его въ болѣе позднюю пору того же періода, или *неолитическую*, мы убѣждаемся въ крупныхъ побѣдахъ, одержанныхъ человѣкомъ въ долгой и постоянной борьбѣ съ неблагопріятными условіями, окружавшими зарю его культурной жизни.

Главнымъ средствомъ, доставившимъ человѣку возможность выбиться изъ безотраднаго животнаго состоянія, было проявленіе силы разума въ многочисленныхъ и важныхъ открытіяхъ. Въ неолитическій періодъ каменнаго вѣка человѣкъ сдѣлалъ большой шагъ впередъ,—онъ уже пользуется огнемъ,—этою благотворною силою, много содѣйствовавшею успѣшному росту первобытной культуры; онъ умѣетъ не только дробить и оббивать камень, предназначая его для орудія или оружія, но уже вполнѣ овладѣваетъ искусствомъ оттачивать, шлифовать и сверлить его. Человѣкъ научился строить жилища, выдѣлывать изъ дерева челны, изъ глины—посуду, украшать ее незатѣйливыми узорами и обжигать на огнѣ. Къ концу этого періода относятъ приручение животныхъ и первыя попытки земледѣлія. Всѣ извѣстные народы пережили культуру каменнаго вѣка, съ тою разницею, что у однихъ народовъ состояніе дикаго быта окончилось ранѣе, у другихъ—позднѣе.

Не останавливаясь на вопросѣ,—переживало-ли первобытное населеніе Рязанскаго края палеолитическій періодъ каменнаго вѣка [4]), мы можемъ смѣло утверждать, что оно переживало культуру неолитическаго періода въ теченіе длиннаго ряда столѣтій. Мы не знаемъ, когда и откуда пришли сюда первые насельники, когда человѣкъ впервые нарушилъ покой дѣвственной природы своимъ появленіемъ въ долинѣ Оки. Первыми достовѣрными свидѣтелями о древнѣйшемъ мѣстномъ населеніи служатъ многочисленныя находки каменныхъ и костяныхъ орудій и оружія, грубыя и тонкія издѣлія изъ глины, собранныя на мѣстахъ такъ называемыхъ стоянокъ каменнаго вѣка [5]).

Издѣлія изъ камня, глины и кости своимъ обиліемъ, разнообразіемъ формъ и способовъ обработки, съ одной стороны—наглядно свидѣтельствуютъ о существованіи культуры каменнаго вѣка, пережитой древнѣйшимъ мѣстнымъ населеніемъ,—съ другой стороны—указываютъ на продолжительность и значительное развитіе ея.

---

[4]) До настоящаго времени въ Рязанской губерніи не открыты изолированныя скопленія бытовыхъ предметовъ, которые можно бы съ увѣренностію отнести къ палеолитическому періоду каменнаго вѣка.

[5]) На мѣстахъ, гдѣ обнаружены большія скопленія бытовыхъ предметовъ каменнаго вѣка, нерѣдко встрѣчаются остатки костровъ, очаговъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ булыжниковъ, и отбросы продуктовъ, служившихъ пищею для первобытныхъ людей. При наличности названныхъ остатковъ, такія мѣста принято называть *стоянками каменнаго вѣка*. По отношенію къ Окской долинѣ, установившееся въ нашей археологической литературѣ наименованіе обозначенныхъ мѣстъ „стоянками“, на мой взглядъ, нельзя считать удачнымъ. Съ словомъ „стоянка“ является представленіе о временномъ, случайномъ и, во всякомъ случаѣ, непродолжительномъ пребываніи человѣка на опредѣленномъ мѣстѣ. На самомъ же дѣлѣ, стоянки, извѣстныя намъ на протяженіи Оки въ Рязанской губерніи, если не всѣ, то многіе изъ нихъ,—не представляютъ ясныхъ признаковъ кратковременнаго пребыванія чело-

Во многихъ мѣстахъ Рязанской губерніи, особенно по теченію Оки, на песчаныхъ буграхъ и розсыпяхъ, разбросанныхъ по берегамъ и на островахъ ея, собрано большое количество бытовыхъ предметовъ поздняго періода каменнаго вѣка. На основаніи этихъ находокъ, мы попытаемся дать приблизительное понятіе о бытѣ мѣстнаго первобытнаго населенія.

Для домашнихъ потребностей, охоты, защиты и нападенія нашимъ отдаленнымъ предкамъ служили топоры, молотки, ножи, сверла, долота, отбойники, наконечники стрѣлъ и копій, скребки и шесты, выдѣланные изъ разныхъ породъ камня, преимущественно же изъ кремня. Кромѣ перечисленныхъ орудій и оружія, найдены мелкія подѣлки изъ кремня. Между ними встрѣчаются предметы, назначеніе которыхъ нелегко угадать,—напримѣръ,—небольшія узкія пластинки, похожія на стрѣлки, заостренный конецъ которыхъ имѣетъ болѣе или менѣе крутой загибъ и такія же, но только болѣе узкія пластинки безъ загиба. Между находками каменнаго вѣка довольно часто попадаются кости съ обточеннымъ острымъ концомъ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ на тупомъ концѣ просверлено отверстіе. Нѣсколько костей, съ прекрасно обточеннымъ остріемъ, оказалось немного длиннѣе и толще теперешней крупной швейной иглы. Изрѣдка попадаются тщательно отдѣланные костяные наконечники стрѣлъ и костяныя лопатки. На мѣстахъ стоянокъ каменнаго вѣка въ большомъ количествѣ находятся обломки глиняной посуды, преимущественно горшковъ. Горшки грубой и тонкой ручной работы, темно-сѣраго или красновато-коричневаго цвѣта, выдѣланы изъ обыкновенной и иловатой глины съ примѣсью крупнаго песку или безъ него. На первоначальной ступени культуры уже появляются зачатки искусствъ,—первобытный человѣкъ проявлялъ стремленіе къ

вѣка. На оборотъ, на мѣстахъ стоянокъ случается изрѣдка находить могилы первобытныхъ обитателей и слѣды ихъ поселковъ. То и другое скорѣе указываетъ на прочную осѣдлость, чѣмъ на временное пребываніе человѣка въ долинѣ Оки. Правда, только что названные признаки осѣдлой жизни населенія въ періодъ каменной культуры попадаются чрезвычайно рѣдко, а потому могутъ казаться сомнительными. И мы признаемъ недостаточность ихъ, но имѣются еще другіе соображенія и факты косвенно подкрѣпляющіе основательность нашего мнѣнія объ осѣдлой жизни населенія въ ту эпоху каменнаго вѣка, изъ которой сохранились тысячи разнообразныхъ бытовыхъ предметовъ. Въ предѣлахъ Рязанской губерніи изслѣдованіе культуры каменнаго вѣка только начато, обслѣдована едва-ли сотая часть ихъ, и предстоитъ еще много новыхъ открытій, въ числѣ ихъ безъ сомнѣнія будутъ остатки поселковъ и кладбищъ. Затѣмъ, многочисленность остатковъ первобытной культуры не оставляетъ сомнѣнія въ относительной густотѣ населенія въ ту эпоху. При значительномъ населеніи, конечно, было не малое число жилищъ; современемъ должны оказаться остатки ихъ. Едва ли кто рѣшится утверждать, что все населеніе каменнаго вѣка жило въ долинѣ Оки только въ теплое время года и съ наступленіемъ холодовъ,

красотѣ и изяществу. На обломкахъ горшковъ очень часто встрѣчаются разнообразные узоры изъ черточекъ, ряби и ячеекъ.

Вмѣстѣ съ оружіемъ и черепками гончарныхъ издѣлій, случается находить украшенія въ видѣ небольшихъ округлыхъ пластинокъ изъ мягкихъ породъ камня съ отверстіемъ, просверленнымъ у края, и узкія, нѣсколько изогнутыя пластинки изъ кремня съ двумя зарубками на широкомъ концѣ, то и другое, очевидно, служило ожерельями. Желаніе привлекать на себя вниманіе другихъ и тогда уже побуждало людей изобрѣтать украшенія и, вѣроятно, тщеславиться ими передъ соплеменниками, неимѣвшими подобныхъ бездѣлушекъ. Какъ часто въ настоящемъ мы встрѣчаемъ наслѣдіе отдаленнаго прошлаго, къ которому многіе относятся съ такимъ презрительнымъ высокомѣріемъ.

Описанныя орудія, оружіе и украшенія, само собою разумѣется, не исчерпываютъ всего состава инвентаря мѣстной культуры каменнаго вѣка,—въ него не вошли предметы, выдѣлывавшіеся изъ дерева и другихъ матеріаловъ растительнаго и животнаго происхожденія. Они исчезли безслѣдно, какъ легко разрушаемые тлѣніемъ. Затѣмъ, вѣроятно, не всѣ каменныя и костяныя издѣлія, служившія въ домашнемъ обиходѣ въ теченіе каменнаго вѣка, попали въ число извѣстныхъ намъ находокъ. Вообще, мѣстная культура каменнаго вѣка, судя по общей совокупности памятниковъ ея, собранныхъ въ короткое время въ долинѣ Оки, была довольна сложна. Однородныя издѣлія какъ изъ кости, такъ изъ камня и глины представляютъ большое разнообразіе по своимъ формамъ и способамъ обработки. На однихъ и тѣхъ же мѣстахъ мы находимъ грубо оббитые или просто отколотые отъ ядрища кремневые ножики и наконечники стрѣлъ и тутъ же попа-

---

подобно стаямъ перелетныхъ птицъ, перекочевывало за тысячи верстъ на югъ. Отбрасывая предположеніе о періодическихъ массовыхъ перекочевкахъ населенія, какъ несообразное, мы должны допустить существованія жилищъ, приспособленныхъ для постояннаго жилья, по крайней мѣрѣ, въ теченіе холоднаго времени года. Такими жилищами могли служить естественныя пещеры. Отрицать подобную догадку нельзя. Однако, гдѣ же эти пещеры? До сихъ поръ въ нашей мѣстности не открыто ни одной пещеры съ признаками пребыванія въ ней первобытнаго человѣка. Отсутствіе пещеръ, обитаемыхъ въ отдаленную эпоху, дастъ поводъ заключать, что населеніе того времени умѣло строить жилища, защищавшія человѣка отъ суроваго ненастья и морозовъ. Кромѣ того, богатство и разнообразіе бытовыхъ предметовъ мѣстнаго каменнаго вѣка удостовѣряетъ насъ, что въ долинѣ Оки каменная культура достигла высокаго развитія: человѣкъ уже владѣвъ большимъ искусствомъ, выдѣлывая изъ кости, камня и кремня прекрасныя орудія и оружіе, изящныя какъ по формамъ, такъ и по обработкѣ. Странно было бы думать, что въ тоже время человѣкъ не умѣлъ построить для себя немудрое постоянное жилье. Приведенныя нами соображенія придаютъ значеніе безошибочныхъ фактовъ, тѣмъ не многимъ памятникамъ, которые мы разсматриваемъ какъ остатки постоянныхъ поселковъ каменнаго вѣка.

даются изящной формы старательно обработанные обивкою или даже шлифовкою тѣ же виды орудій и оружія. Эти признаки указываютъ на продолжительность культуры каменнаго вѣка, пережитой мѣстнымъ населеніемъ, и, какъ кажется, на послѣдовательне развитіе и осложненіе ея.

Частыя стоянки и очень немногіе слѣды поселковъ каменнаго вѣка, открытые въ Зарайскомъ, Рязанскомъ, Спасскомъ и Касимовскомъ уѣздахъ, знакомятъ насъ отчасти съ устройствомъ жилищъ первобытнаго населенія. Жилищами служили ямы глубиною отъ $1^1/_2$ до 2 аршинъ и отъ $4^1/_2$ до 6 аршинъ въ діаметрѣ; надъ ямою устраивали шалашъ изъ тонкихъ жердей или вѣтвей, сверху прикрывали его землею [6]) Внутри изслѣдованныхъ мною землянокъ находились остатки небольшихъ костровъ,—угли, зола, мелкіе куски разбитыхъ булыжниковъ (величиною въ кулакъ средней руки) и обломки глиняныхъ горшковъ. Дробленные камни не могли служить для устройства очага; они имѣли другое назначеніе,—быть можетъ, посредствомъ ихъ кипятили воду въ горшкахъ, опуская раскаленные камни въ горшки съ водою. Въ ямахъ и кругомъ ихъ попадались кости животныхъ, рыбъ и птицъ. Крупныя кости, содержавшія мозгъ, были разбиты. Вблизи одной ямы было найдено скопленіе рыбьей чешуи. По остаткамъ отбросовъ можно судить о пищѣ мѣстнаго первобытнаго населенія. Рыба, мясо животныхъ и птицъ составляли существенную часть его пищи. Дикорастущіе плоды, ягоды, грибы и нѣкоторые виды растеній, безъ сомнѣнія, входили въ составъ пищи и разнообразили ее. Если не вся мясная пища, то, повидимому, часть ея приготовлялась на огнѣ,—въ отбросахъ пищевыхъ продуктовъ попадались кости съ ясными слѣдами дѣйствія огня на нихъ. Мясо убитыхъ животныхъ могли печь на огнѣ, на горячихъ угольяхъ, или варить его въ горшкахъ съ водою. По формамъ сохранившихся рыбьихъ костей и отдѣльныхъ чешуекъ, замѣтно, что между ними чаще другихъ видовъ рыбъ попадались лещи

---

[6]) Въ 1892 году, во время раскопокъ Борковскаго могильника, были изслѣдованы бугры, лежащіе возлѣ могильника, на одномъ изъ нихъ была обнаружена землянка. Обслѣдованіемъ ея занимался В. А. Городцовъ; по его мнѣнію, землянка представляетъ остатки жилья каменнаго вѣка.

Мнѣ удалось случайно натолкнуться на слѣды поселковъ каменнаго вѣка въ 2 мѣстахъ,—близъ Рязани, на Борковскомъ островѣ къ югу отъ Сакоръ горы обнаружено 2 ямы, и въ Зарайскомъ уѣздѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ с. Вѣлоомута. въ урочищѣ Большой лѣсъ, на правомъ берегу Оки найдена одна яма. Внимательно разбирая остатки найденныхъ ямъ, мною были замѣчены,—какъ въ верхнемъ слоѣ земли, лежавшемъ непосредственно надъ ямами, такъ и въ землѣ, наполнявшей ямы,—узкіе прожилки земли, окрашенной въ коричневый цвѣтъ. Эти коричневые прожилки я считаю слѣдами истлѣвшихъ жердей или вѣтвей, прикрывавшихъ ямы сверху.

и щуки. Скопленіе чешуи, найденное близъ остатковъ жилища, позволяетъ предполагать, что нѣкоторые виды рыбы предварительно очищали отъ чешуи и затѣмъ употребляли въ пищу. Между костями крупныхъ животныхъ чаще другихъ попадались кости кабана и лося; относительно небольшихъ звѣрковъ и птицъ, первобытное мѣстное населеніе, какъ кажется, недѣлало предпочтенія тѣмъ или другимъ видамъ ихъ, а употребляло пернатыхъ и мелкихъ животныхъ безъ всякаго выбора.

Изъ приведеннаго перечня пищевыхъ продуктовъ мы видимъ, какъ питательна и разнообразна была пища нашихъ отдаленныхъ предковъ. Для добыванія ея населенію приходилось затрачивать немного труда,— дѣвственная природа щедро оплачивала богатою добычею незначительныя усилія человѣка и не требовала отъ него особенной предусмотрительности и заботъ о завтрашнемъ днѣ: во всякое время года неистощимыя средства для пропитанія немногочисленнаго населенія были подъ руками.

Найденные памятники первобытной культуры даютъ довольно опредѣленное понятіе о бытѣ и дѣятельности населенія въ періодъ каменнаго вѣка. Главнымъ занятіемъ населенія была охота и рыбная ловля; изъ другихъ промысловъ—не мало времени и труда брала выдѣлка орудій, оружія и глиняной посуды, а также приготовленіе одежды, украшеній и разныхъ мелочей для домашняго обихода. Объ одеждѣ первобытнаго населенія мы не имѣемъ никакого понятія,— вѣроятно въ составъ ея входили, главнымъ образомъ, шкуры животныхъ. Земледѣліе еще не существовало, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ неизвѣстно ни одного орудія каменнаго вѣка, которое можно было бы пріурочить къ земледѣлію. Да едва-ли въ немъ и представлялась надобность, когда естественныя богатства страны лились черезъ край,—изобиліе животныхъ и птицъ въ лѣсахъ, множество рыбы въ рѣкахъ и озерахъ съ избыткомъ обезпечивали продовольствіе населенія. До настоящаго времени не обнаружены ясные признаки пользованія прирученными животными въ эпоху мѣстнаго каменнаго вѣка. Кости собаки случалось находить на стоянкахъ, но были-ли эти собаки спутниками первобытнаго человѣка или попали случайно на мѣста стоянокъ каменнаго вѣка,—мы не можемъ дать положительнаго отвѣта.

Не смотря на неблагопріятный климатъ, не смотря на примитивное состояніе орудій, оружія и всей обстановки, первобытное населеніе, повидимому, вполнѣ приспособилось къ условіямъ мѣстной природы, легко удовлетворяло свои потребности и незнакомо было съ лишеніями.

Къ сожалѣнію, мы имѣемъ слишкомъ мало данныхъ, которыя раскрывали бы передъ нами основы внутренней и общественной жизни первобытнаго населенія; мы не знаемъ ничего опредѣленнаго ни о вѣрованіяхъ, ни о характерѣ отношеній въ общежитіи его. Въ этой области

наши свѣдѣнія крайне скудны и намъ приходится довольствоваться почти однѣми догадками и аналогіями.

Остатки стоянокъ каменнаго вѣка встрѣчаются довольно часто по берегамъ Оки; онѣ находятся въ недальнемъ разстояніи одна отъ другой. Можно полагать, что и поселки каменнаго вѣка были расположены близко одинъ отъ другого. При этомъ, между населеніемъ сосѣднихъ поселковъ скорѣе должны были быть мирныя отношенія, чѣмъ раздоры: при враждебномъ настроеніи сосѣдей, непремѣнно явилось бы стремленіе селиться на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, воизбѣжаніе частыхъ и неожиданныхъ нападеній близкихъ враговъ. Въ ту отдаленную пору, проявленіе злобы и насилія случалось между людьми, но распри и войны первобытнаго населенія не могли сопровождаться такими бѣдствіями и массовыми избіеніями противниковъ по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, какія намъ передаетъ исторія въ описаніи частыхъ побоищъ, происходившихъ между народами въ болѣе близкія къ намъ времена.

Обстановка погребеній нѣсколько знакомитъ насъ съ идеями первобытнаго человѣка о загробной жизни [7]). На первыхъ ступеняхъ сознательной жизни, человѣкъ уже не могъ помириться съ ограниченнымъ предѣломъ своего земнаго существованія, и тогда уже люди смотрѣли на смерть какъ на простой переходъ къ другой безконечной жизни. Присутствіе въ могилахъ, вмѣстѣ съ останками усопшаго, каменнаго оружія и глиняной посуды не имѣло бы смысла, если-бы не было твердой вѣры въ продолженіе жизни за гробомъ. Помѣщая въ могилу съ тѣломъ умершаго бытовые предметы, живые выражали этимъ обычаемъ увѣренность въ наступленіи послѣ смерти иной жизни, гдѣ снова понадобятся оружіе и другіе предметы земнаго обихода. Вся жизненная дѣятельность первобытныхъ людей вращалась въ предѣлахъ удовлетворенія насущнѣйшихъ потребностей. Такое содержаніе

---

[7]) Въ Рязанской губерніи мною случайно найдены двѣ могилы, относящіяся къ каменному вѣку,—одна въ Зарайскомъ уѣздѣ въ 3 верстахъ отъ с. Бѣлоомута, на правомъ берегу Оки; другая—близъ Рязани, на Борковскомъ островѣ. Первое погребеніе обнаружено при слѣдующихъ условіяхъ: на глубинѣ 6 вершковъ отъ поверхности земли, подъ почвеннымъ слоемъ, состоящимъ изъ суглинка, оказалось 4 обломка отъ глинянаго горшка съ характернымъ украшеніемъ въ видѣ ячеекъ; ниже залегала твердая сѣрая глина такой плотности, что желѣзныя лопаты не брали ее,—затвердѣлую глину приходилось вырубать топорами. На глубинѣ $2^1/_4$ аршинъ найдены обломки кремней, тутъ же обнаружились остатки совершенно истлѣвшаго костяка, расплющеннаго тяжестью земли; отъ костей сохранились одни известковыя отложенія, которыя не было возможности отдѣлить отъ плотной глины. При такомъ состояніи костяка, объ измѣреніяхъ нельзя было и думать. Покойникъ лежалъ, повидимому на спинѣ, головою на востокъ, ногами на западъ. Подъ тазовыми костями лежало три небольшихъ камня (песчаники), два изъ нихъ округлой формы, третій же походилъ на клинъ;

жизни не составляетъ исключительной принадлежности однихъ первобытныхъ людей,—тѣ же самыя потребности и побужденія играютъ первенствующую роль въ жизни огромнаго большинства людей и въ послѣдующія, болѣе культурныя эпохи.

Неприглядна, убога была обстановка первобытнаго человѣка, низменны и ограниченны были интересы его жизни; но непривлекательныя и отталкивающія стороны дикаго существованія выкупались широкимъ просторомъ, полною свободою дѣятельности и отсутствіемъ постояннаго и часто изнурительнаго труда, на который обречено большинство современнаго человѣчества; тогда не было бьющаго въ глаза блеска цивилизаціи съ ея соблазнительною роскошью, мишурою и заманчивыми утѣхами, вмѣстѣ съ тѣмъ, первобытный человѣкъ не зналъ той мучительной розни между понятіями и практикою жизни, тѣхъ сложныхъ, условныхъ обязанностей, которыя отравляютъ жизнь большинства людей въ цивилизованныхъ обществахъ. Первобытный человѣкъ близко стоялъ къ природѣ, жилъ съ нею одною жизнью, и, въ теченіе многихъ тысячелѣтій подъ ея непосредственнымъ воздѣйствіемъ и вліяніемъ унаслѣдованнаго отъ предковъ, выработывалъ свои навыки, характеръ и міровоззрѣнія, вполнѣ гармонировавшія съ его жизненною дѣятельностью. Результаты такой многовѣковой работы глубоко и прочно залегали въ душѣ первобытныхъ людей, такъ сказать, входили въ ихъ плоть и кровь и преемственно передавались въ потомство.

О наружныхъ признакахъ первобытнаго населенія долины средней Оки мы почти ничего не знаемъ. Находки костяковъ мѣстнаго населенія каменнаго вѣка чрезвычайно рѣдко встрѣчаются; кромѣ того, два, три извѣстные намъ костяка такъ плохо сохранились, что на основаніи ихъ нельзя придти къ положительнымъ выводамъ объ антропологическихъ особенностяхъ первобытнаго населенія. Пока можно сказать, что древнѣйшіе обитатели Рязанскаго края были средняго роста, и, какъ кажется, длинноголовые. По характеру своему они были скорѣе мирны, чѣмъ воинственные.

налъ остатками костяка собрано пять обломковъ отъ глиняныхъ горшковъ, гладкихъ и съ ячеистыми украшеніями и обломки кремней, на на 2 изъ нихъ замѣтны слѣды обработки рукою человѣка. Второе, болѣе позднѣе погребеніе, которое, по моему мнѣнію, относится къ концу мѣстнаго періода каменнаго вѣка, найдено на глубинѣ $1^1/_2$ аршинъ отъ поверхности земли. Поврежденный тлѣніемъ костякъ лежалъ головою на ЮЗЗ., ногами на СВВ.; тѣло было склонено на правую сторону, кисть согнутой въ локтѣ лѣвой руки находилась подъ челюстью; значительно истлѣвшій черепъ имѣетъ признаки длинноголовости. Длина костяка приблизительно равнялась $2^1/_4$ аршинамъ. Въ головахъ стоялъ глиняный горшокъ, красновато-коричневаго цвѣта, средней величины ($3^1/_4$ вершка высоты), ручной выдѣлки, съ наклонно-параллельными черточками по краю прямого вѣнчика. Кромѣ горшка при костякѣ ничего не оказалось.

Историческая жизнь Рязанскаго края является краткимъ эпизодомъ, сравнительно съ продолжительностію періода каменнаго вѣка, перижитаго древнѣйшимъ мѣстнымъ населеніемъ. Вотъ почему, до настоящаго времени такъ стойко и упорно держатся въ народномъ сознаніи архаическіе понятія и навыки. То и другое составляетъ наслѣдіе первобытной жизни, не устраненное еще слабымъ культурнымъ вліяніемъ исторической эпохи. Много потребуется времени и честныхъ усилій со стороны просвѣщеннаго меньшинства, чтобы стереть слѣды отдаленнаго наслѣдства съ понятій и навыковъ народныхъ массъ.

Періодъ употребленія металловъ.

Когда и какими путями на берега Оки начали проникать металлическія издѣлія на смѣну каменныхъ орудій, оружія и украшеній,— на этотъ вопросъ археологія не даетъ опредѣленнаго отвѣта.

Принимая въ соображеніе географическое положеніе Рязанскаго края по отношенію къ древнимъ культурнымъ народамъ, гдѣ сосредоточивались главные торговые рынки, снабжавшіе разнообразными произведеніями своей промышленности какъ сосѣднія, менѣе культурныя страны, такъ осѣдлыхъ дикарей и дикарей кочевниковъ, занимавшихъ восточную Европу,—можно намѣтить направленіе внѣшнихъ торговыхъ сношеній мѣстнаго населенія въ глубокой древности.

Рѣки искони служили главными путями сообщенія съ ближайшими и отдаленными народами. Для нашего края Ока открывала свободный путь на СВ., В. и на ЮВ. къ Каспію; верховья Дона, сближенныя съ Окою рѣкою Пронею, соединяли Рязанскій край съ берегами Азовскаго и Чернаго морей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ Кавказомъ. Въ этихъ мѣстахъ, за семь столѣтій до Р. Хр. появились и быстро развились дѣятельныя греческія колоніи, представлявшія передовые посты высокой культуры на территоріи варваровъ. Посредственныя и непосредственныя торговыя сношенія областей, прилегающихъ къ Дону и средней Окѣ, должны были тяготѣть къ ЮВ. и Ю., и оттуда же должно было приходить преобладающее вліяніе на первоначальное развитіе внѣшняго быта обитателей средней Оки.

Руководясь приведенными соображеніями, мы предполагаемъ, что первымъ знакомствомъ съ желѣзнымъ оружіемъ и другими металлическими издѣліями наши предки обязаны скиѳамъ. Появленіе скиѳовъ въ Европѣ относятъ къ VIII ст. до Р. Хр. Вліяніе скиѳовъ на культуру кореннаго населенія сѣверо-восточной Европы охватывало обширное пространство,—отъ Каспійскаго до Балтійскаго моря и отъ сѣвернаго побережья Чернаго моря до Оки и Западной Двины. Скиѳы познакомили племена, обитавшія на обозначенномъ пространствѣ, съ металлическими издѣліями, были посредниками, хотя въ слабой мѣрѣ, въ возникавшихъ торговыхъ сношеніяхъ между греческими колоніями

и племенами, занимавшими нынѣшнюю среднюю Россію, и такимъ образомъ являлись проводниками произведеній греческой промышленности въ среду дикихъ племенъ.

Съ паденіемъ могущества скиѳовъ Паралатовъ, наступила эпоха частыхъ наплывовъ кочевыхъ народовъ, передвигавшихся изъ Азіи въ Европу и послѣдовательно занимавшихъ Поволжскія, Придонскія и Прикаспійскія степи. Близкое сосѣдство кочевниковъ въ большей или меньшей мѣрѣ отражалось на бытовыхъ сторонахъ населенія средней Оки. Смѣны дикихъ кочевниковъ въ Придонскихъ и Прикаспійскихъ степяхъ, кажется, не вносили особыхъ измѣненій въ характеръ отношеній ихъ къ населенію Рязанскаго края,—одни изъ кочевниковъ, болѣе слабые, становясь ближайшими сосѣдями нашихъ предковъ, сближались съ ними на мирной почвѣ торговыхъ сношеній; болѣе сильные и воинственные кочевники, а такихъ было большинство, подчиняли населеніе долины средней Оки и господствовали надъ нимъ. Въ обоихъ случаяхъ мѣстное коренное населеніе не только ничего не выигрывало въ смыслѣ духовнаго и культурнаго развитія отъ сосѣдства дикихъ кочевниковъ и отъ порабощенія ими, а скорѣе задерживало естественное развитіе хорошихъ сторонъ, присущихъ первобытнымъ племенамъ, обитавшимъ въ долинѣ Оки. На Рязанскій край палъ роковой удѣлъ выносить удары кочевыхъ ордъ въ теченіе многихъ столѣтій. Эти дикія орды, какъ крѣпкая стѣна, отдѣляли населеніе нашего края отъ непосредственнаго сближенія съ болѣе просвѣщенными народами, обладавшили развитыми формами общественной жизни и сравнительно высокою культурою. Такое положеніе продолжалось много вѣковъ и оставило глубокіе слѣды на коренномъ мѣстномъ населеніи.

Въ концѣ VII и въ VIII ст., во время наибольшаго развитія могущества Хазарскаго Хаганата, господство хазаръ, повидимому, простиралось на СЗ. до устья Оки, а быть можетъ, и до устья Камы. Въ IX ст., на сѣверѣ распространеніе и упроченіе вліянія хазаръ на дикія племена туземцевъ задержали и ослабили новгородскіе славяне съ ихъ варяжскими дружинами. Движеніе новгородцевъ на востокъ началось издавна; въ IX ст. они проникли въ нынѣшнія Ярославскую и Владимірскую губерніи, подчинили мѣстное населеніе и вошли въ соприкосновеніе съ племенами, бывшими въ зависимости отъ хазаръ. Съ другой стороны,—на западѣ владычество хазаръ оканчивалось за Днѣпромъ [8]). До второй половины X ст. Рязанскій край находился въ зависимости отъ хазаръ. Южно русскія князье, разгромивши во второй половинѣ X ст. Хазарское царство, подчинили себѣ населеніе долины средней Оки, и въ концѣ XI ст. уже прочно водворились въ завоеванной области.

---

[8]) В. Григорьевъ, — «Обзоръ политической исторіи Хазаровъ» Стр. 18 и 19.

Вещественные памятники, относящіеся къ началу появленія металлическихъ издѣлій въ долинѣ Оки до сего времени не открыты, и намъ неизвѣстно, въ какой послѣдовательности шло и распространялось употребленіе металловъ среди древняго мѣстнаго населенія. Несомнѣнно культура каменнаго вѣка на Окѣ исчезла невдругъ, она угасала постепенно и только въ теченіе продолжительнаго времени въ домашнемъ обиходѣ мѣстнаго населенія могла совершиться полная замѣна каменныхъ и костяныхъ издѣлій желѣзными, бронзовыми и серебряными. Между каменнымъ вѣкомъ и періодомъ употребленія металловъ, вѣроятно, былъ промежуточный періодъ совмѣстнаго употребленія каменныхъ, костяныхъ и металлическихъ издѣлій. Въ Рязанской губерніи остатки этой переходной эпохи еще не обнаружены, а также не найдено рѣшительно никакихъ слѣдовъ самостоятельной мѣдной или бронзовой культуръ, которыя у другихъ народовъ составляютъ переходную ступень отъ каменной культуры къ желѣзной. Ограничиваясь только извѣстными памятниками изъ быта древняго мѣстнаго населенія и не предрѣшая характера будущихъ находокъ, мы пока должны признать отсутствіе бронзоваго періода на берегахъ средней Оки.

Самые древніе изъ извѣстныхъ намъ памятниковъ періода употребленія металловъ найдены въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ въ языческихъ могильникахъ, открытыхъ по берегамъ Оки, въ Рязанскомъ, Спасскомъ и Каспмовскомъ уѣздахъ. Три могильника,—Курманскій, Борковской и Кузьминскій,—обстоятельно изслѣдованы; три другіе,—Пальновскій, Старорязанскій и Тырновскій еще ждутъ раскопокъ; кромѣ того, въ нѣсколькихъ мѣстахъ по Окѣ, обнаружены признаки могильниковъ, повидимому, принадлежащихъ къ одной эпохѣ съ открытыми.

Во время образованія названныхъ могильниковъ, въ предѣлахъ Рязанской губерніи по теченію Оки было раскинуто не малое число селеній. По числу жителей селенія были крупныя и малыя. Въ настоящее время можно уже указать мѣстонахожденіе двухъ большихъ селеній. Самое многолюдное селеніе, такъ сказать, столица области находилась на мѣстѣ нынѣшняго села Старая Рязань, Спасскаго уѣзда. О размѣрахъ и значеніи древняго селенія мы судимъ по обширности его кладбища, которое занимаетъ болѣе 4 десятинъ. Впослѣдствіи, южно русскіе князья построили здѣсь укрѣпленный городокъ и назвали его „Рязань“. Быть можетъ, наименованіе новаго городка было одинаковое съ древнимъ селеніемъ, основаннымъ коренными мѣстными жителями въ глубокой древности. Первые рязанскіе князья избрали Рязань своимъ стольнымъ городомъ. Обширныя укрѣпленія Рязани, валы и мѣстами передовые рвы сохранились до сихъ поръ и свидѣтельствуютъ намъ о внушительныхъ размѣрахъ древней столицы Великаго княжества Рязанскаго. Въ время нашествія Батыя, въ 1237 году Рязань потерпѣла разрушительный, ужасный погромъ, послѣ

котораго она не могла возстановить своего бывшаго величія и значенія; городъ захирѣлъ и уступилъ свое первенство Переяславлю-Рязанскому, нынѣшней Рязани.

Невольно обращаетъ на себя вниманіе археолога любопытное совпаденіе: въ доисторическую эпоху и въ началѣ историческаго бытія Великаго княжества Рязанскаго главный населенный пунктъ занималъ одно и тоже мѣсто. Какія причины вызвали развитіе древнѣйшаго селенія и преемственное сохраненіе того же значенія вновь основаннымъ княжескимъ городкомъ, вскорѣ пріобрѣвшимъ преимущества стольнаго города великаго княжества? Географическое положеніе мѣста въ связи съ главнымъ направленіемъ внѣшнихъ торговыхъ сношеній Рязанскаго края даетъ намъ вѣрный отвѣтъ на поставленный вопросъ. Рязань стояла на правомъ крутомъ берегу Оки, въ 6 верстахъ отъ устья Прони, впадающей съ правой стороны въ Оку. Проня соединяла Оку съ верховьями Дона, не большой переволокъ не представлялъ препятствія на этомъ пути. По нашему мнѣнію, существованіе въ глубокой древности, на правомъ берегу Оки, вблизи отъ устья Прони обширнаго селенія указываетъ на важное значеніе воднаго пути на югъ, Пронею къ Дону. Очевидно, Проня искони служила дорогою въ Придонскія и Прикаспійскія степи и къ побережью Азовскаго и Чернаго морей; туда направлялась внѣшняя торговля, оттуда шла угроза нападеній опасныхъ враговъ, и тамъ находились центры временныхъ властителей Рязанскаго края. Этимъ обстоятельствомъ объясняется какъ развитіе и упроченіе значенія достоисторическаго селенія, такъ и выборъ этого пункта для стольнаго города Великаго княжества Рязанскаго, которое въ началѣ своей исторической жизни имѣло важныя политическія и торговыя связи съ югомъ. Въ XIV ст., когда политическія и торговыя связи Рязанскаго княжества съ югомъ утратили свое первенствующее значеніе, стольнымъ городомъ избранъ Переяславль Рязанскій, по своему положенію болѣе соотвѣтствующій новымъ потребностямъ времени.

Второе изъ болѣе многолюдныхъ древнѣйшихъ селеній было расположено на правомъ берегу Трубежа, на мѣстѣ нынѣшней Рязани. Развитію этого селенія способствовала Ока и впадающіе въ нее съ правой стороны притоки,—Павловка и Вожа. Послѣднія двѣ рѣки съ своими мелкими притоками проникали далеко въ глубь края и служили удобными путями для подвоза къ Окѣ мѣстныхъ продуктовъ для продажи или обмѣна на товары, доставляемые сюда по Окѣ изъ сосѣднихъ и отдаленныхъ областей.

Содержаніе изслѣдованныхъ могильниковъ вводитъ насъ въ періодъ разнородной металлической культуры уже достигшей значительнаго развитія. Никакихъ слѣдовъ каменнаго вѣка не имѣется въ бытовыхъ предметахъ населенія, оставившаго цѣлый рядъ рязанско-окскихъ могильниковъ. Мы находимъ оружіе исключительно желѣзное, украшенія

бронзовыя, желѣзныя и серебряныя, бусы стеклянныя или изъ композиціи, остатки одежды изъ шерстяныхъ тканей разнаго качества.

Изученініе бытовыхъ предметовъ, антропологическаго матеріала и особенностей въ обрядности похоронъ даютъ довольно опредѣленное понятіе о степени развитія внѣшней культуры, бытѣ и отчасти о характерѣ населенія занимавшаго долину средней Оки съ VII до второй половины VIII стол. Должно замѣтить, что хотя мы и относимъ образованіе окскихъ могильниковъ къ обозначенному періоду, но не рѣшимся настаивать на точности нашего опредѣленія,—оно и для насъ остается лишь приблизительнымъ, такъ какъ мы не имѣемъ положительныхъ указаній на время, къ которому относятся рязанско-окскіе могильники.

При изученіи могильнаго инвентаря, прежде всего бросается въ глаза относительное богатство населенія и обиліе желѣзнаго оружія при мужскихъ погребеніяхъ. Бытовая обстановка каменнаго вѣка оказывается бѣдною при сравненіи ея съ содержаніемъ могильниковъ.

Въ періодъ употребленія металловъ одежда мужчинъ и женщинъ приготовлялась преимущественно изъ шерстяныхъ тканей, разнообразныхъ по качеству шерсти и способамъ выдѣлки ихъ. Мужчины, кромѣ обычной одежды, имѣвшей, какъ кажется, сходство съ казакиномъ, носили верхнюю одежду изъ болѣе плотней шерстяной ткани или мѣховую, смотря по времени года. У ворота верхняя одежда застегивалась бронзовою пряжкою или крупною красивою бронзовою фибулою; фибулы встрѣчались разной величины и формы [9]). Мужчины щеголяли оружіемъ и ременными поясами, украшенными наборомъ изъ бронзовыхъ или серебряныхъ бляшекъ. Болѣе употребительнымъ оружіемъ служили,—копье, дротикъ, топоръ и ножикъ; желѣзные наконечники копій отличаются большимъ разнообразіемъ, особенно часто встрѣчаются съ листовиднымъ перомъ; топоръ по своей формѣ напоминаетъ массивное долото или кельтъ, съ продольнымъ гнѣздомъ для насадки на кривую рукоятку; рѣже встрѣчались мечи, особенно длинные обоюдо-острые; послѣдними, кажется, обладали только воины—начальники; короткіе одно-сторонніе мечи попадались чаще. Желѣзные наконники стрѣлъ найдены въ немногихъ могилахъ. Повидимому были въ употребленіи и пращи, по крайней мѣрѣ, при остаткахъ мужскихъ погребеній нерѣдко находили округлой формы небольшіе голыши; эти камни могли служить для метанія изъ пращи. Ни разу не было обнаружено остатковъ

---

[9]) Фибулы, употреблявшіяся для застегиванія верхней одежды, найдены 3-хъ видовъ: 1) такъ называемыя „готскія“, съ широкою полукруглою верхнею частью, украшенною по краю круглыми отверстіями, съ выпуклою дужкою по срединѣ и узкимъ нижнимъ концомъ; поверхность фибулы орнаментирована небольшими кружками съ точкою въ центрѣ; 2) разной величины фибулы крестообразныя, съ болѣе или менѣе расширенною внизу ножкою, и 3) самострѣловидныя.

шлемовъ и щитовъ; должно думать, что ни то, ни другое или совсѣмъ не входило въ составъ вооруженія мѣстныхъ воиновъ, или какъ шлемы, такъ и щиты приготовлялись изъ кожи, войлока или дерева и, не имѣя металлическихъ частей, безслѣдно истлѣли. Во многихъ мужскихъ могилахъ оказались желѣзныя удила; вблизи нѣсколькихъ мужскихъ погребеній найдены остатки истлѣвшихъ лошадиныхъ костей. Очевидно, мужское населеніе было привычно къ коню, и конь игралъ важную роль въ жизни тогдашняго воина. Мужчины—воины носили бронзовыя и серебряныя украшенія,—гривну на шеѣ, всегда не болѣе одной; бронзовыя браслеты на запястьѣ, спиральныя кольца на пальцахъ рукъ, на груди большія бронзовыя круглыя бляхи съ привѣсками или съ круглымъ отверстіемъ по срединѣ, прикрытымъ крышкою, и треугольными прорѣзами, звѣздообразно расположенными вокругъ отверстія. Въ одномъ случаѣ оказались на груди двѣ серебряныя фигурныя бляшки, и въ двухъ погребеніяхъ найдено возлѣ уха по одному серебряному колечку съ несведенными концами. Въ большей части мужскихъ могилъ, преимущественно-въ ногахъ, находилось по одному глиняному горшку средней величины, довольно грубой ручной выдѣлки, гладкіе или съ незамысловатымъ орнаментомъ въ видѣ наклонныхъ черточекъ по краю прямого вѣнчика. Попадались небольшіе куски кремня, вѣроятно, для высѣканія огня и оселки изъ мелкозернистаго камня.

Наряды богатыхъ женщинъ отличались пестротою, обиліемъ металлическихъ украшеній и бусъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были покрыты съ головы до ногъ разнообразными бронзовыми украшеніями. Женщины носили рубашку съ рукавами до кисти руки изъ шерстяной ткани и и въ рѣдкихъ случаяхъ — изъ холста; на рубашку надѣвали короткую одежду въ родѣ полукафтанья съ рукавами; юбка полукафтанья спускалась до колѣнъ; эту одежду шили исключительно изъ шерстяной ткани. У богатыхъ женщинъ подолъ полукафтанья украшался бронзовыми коническими или трапецевидными плоскими привѣсками, пришитыми къ краю подола въ видѣ густой бахромы. Поверхъ полукафтанья носили верхнюю одежду изъ болѣе глубокой шерстяной ткани или мѣховую; эта часть женскаго одѣянія застегивалась бронзовою крупною пряжкою или фибулою, которыя обыкновенно лежали на верхней части груди, возлѣ шеи. Голову украшали повязкою изъ цвѣтной шерстяной ткани, сложенной вдвое или втрое; у менѣе богатыхъ женщинъ основу повязки составляла полоса изъ луба, кожи или бересты, обтянутая съ лицевой стороны шерстяною тканью. Богатыя повязки по всей длинѣ украшались бронзовыми спиралями, расположенными по верхнему и нижнему краю горизонтальными рядами, и бронзовыми пряжками, изрѣдка скрѣпляющими ряды спиралей съ повязкою; мѣста соединенія звеньевъ спиралей прикрывались бронзовыми круглыми бляшками и обоймицами съ плоскими колечками, послѣднія всегда идутъ по краю повязки, обращенному къ лицу; иногда тутъ же

находились мелкія коническія или плоскія трапецевидныя бронзовыя привѣски, спускавшіяся въ видѣ бахромы съ нижняго края повязки на лобъ. Форма повязокъ была неодинаковая,—большая часть ихъ имѣла ширину въ одинъ вершокъ или немного болѣе и походила на ленту, охватывающую верхнюю часть лба и скрѣпленную на нижней части затылка въ видѣ банта. На лицевой сторонѣ этихъ повязокъ, во всю ихъ длину, постоянно прикрѣплялся узкій вѣнчикъ, составленный изъ прилегающихъ другъ къ другу трехъ рядовъ бронзовыхъ спиралей, перехваченныхъ въ мѣстахъ соприкосновенія отдѣльныхъ звеньевъ, бронзовыми обоймицами, придерживающими по одному овальному плоскому колечку; къ колечкамъ, всегда расположеннымъ по краю повязки, обращенному къ лицу, прикрѣплялись небольшія кисти изъ шерстяныхъ шнурковъ. Найдена и двойная повязка, обѣ изъ шерстяной ткани; верхняя сторона ея покрыта бронзовыми спиралями, идущими по краямъ повязки двумя рядами по всей длинѣ; между ними, наклонно одна къ другой, пришиты къ повязкѣ отдѣльныя спирали, представляющія зигзагообразную линію. Кромѣ спиралей, повязку украшаютъ круглыя бляшки и бронзовыя пряжки, соединяющія двойной рядъ спиралей, идущій по нижнему краю повязки, съ вѣнчикомъ, составленнымъ изъ трехъ горизонтальныхъ рядовъ спиралей съ плоскими колечками въ обоймицахъ, прикрывающихъ мѣста соединенія отдѣльныхъ звеньевъ вѣнчика. Нижняя шерстяная повязка выступала наружу изъ подъ верхней только на нижней части затылка въ видѣ банта, изъ подъ котораго спускалась на спину узкая полоса шерстяной матеріи, раздѣляющаяся на отдѣльные шнурки, шнурки постепенно распадаются на болѣе тонкіе, такъ что получается бахрома, похожая на распущенную косу, покрывавшую верхнюю часть спины. Кромѣ повязокъ, служившихъ главнымъ образомъ украшеніемъ, а не защитою головы отъ холода, женщины носили головной уборъ, какъ кажется, сходный съ башлыкомъ. Башлыки дѣлали изъ толстой шерстяной ткани или мѣховые. Къ головнымъ повязкамъ прикрѣплялись разной формы височныя бронзовыя подвѣски или разной величины височныя кольца. Какъ височныя подвѣски, такъ и отдѣльныя височныя кольца или короткія цѣпи изъ 4, 5 или 6 соединенныхъ одно съ другимъ колецъ спускались на уши и прикрывали ихъ. Шею украшали бронзовыми, изрѣдка желѣзными, гривнами (обручами). Нѣкоторой формы гривны носили исключительно однѣ женщины, напр. бронзовыя съ круглыми коробками и плоскія, расширяющіяся отъ концовъ къ срединѣ; замѣчательно, что у женщинъ не оказалось ни одной серебряной гривны, тогда какъ у мужчинъ—воиновъ онѣ встрѣчались. Ожерелья были любимымъ украшеніемъ женщинъ. Въ составъ ожерелій входили бронзовыя привѣски разной формы, а иногда и серебряныя, бронзовыя спирали (въ видѣ узкихъ трубочекъ въ вершокъ длиною. плотно свитыхъ изъ тонкой бронзовой проволоки), мелкія стеклянныя изнутри

золоченныя бусы, красныя бусы изъ композиціи, величиною отъ просянаго зерна до лѣсного орѣха, и стеклянный цвѣтной бисеръ. Ожерелья встрѣчались въ одну нитку, чаще въ двѣ и три, но попадались и въ шесть нитокъ. На груди у немногихъ женщинъ находили крупныя круглыя бронзовыя бляхи, совершенно сходныя съ мужскими; а также случалось находить красивыя ажурныя пряжки о пяти, шести и семи лопастяхъ; въ трехъ случаяхъ у женщинъ на груди оказались такія же ажурныя пряжки съ восемью привѣсками. Оба вида ажурныхъ пряжекъ входили въ составъ женскихъ украшеній и никогда не были обнаружены у мужчинъ. Руки украшали бронзовыми браслетами. Большая часть браслетовъ сдѣлана изъ толстой бронзовой проволоки съ несведенными концами; концы такихъ браслетовъ закруглены, иногда они украшены изображеніемъ головки змѣи, рѣдко встрѣчались литые браслеты съ утолщенными расходящимися концами, а также и согнутые изъ плоскихъ бронзовыхъ пластинокъ, и браслеты составленные изъ трехъ или четырехъ рядовъ спиралей, прикрѣпленныхъ къ ремню; этой формы браслеты обыкновенно застегивались небольшою бронзовою пряжечкою, которая помѣщалась на одномъ концѣ браслета, и ремешкомъ, составлявшимъ продолженіе другого конца браслета. Въ одномъ женскомъ погребеніи было найдено два спиральные браслета, каждый изъ нихъ состоялъ изъ узкой бронзовой пластинки, завитой въ 16 оборотовъ. Послѣдніе два вида браслетовъ носили исключительно однѣ женщины. Пальцы рукъ украшали спиральными и ажурными бронзовыми кольцами; послѣдняго вида кольца всегда имѣли по двѣ пластинчатыя или бутылкообразныя привѣски. Число колецъ доходило до шести на обѣихъ рукахъ; въ большинствѣ же случаевъ—находили по два или по три кольца. Въ одномъ, выдѣляющемся по богатству и разнообразію украшеній, женскомъ погребеніи найдены бронзовыя украшенія, покрывавшія колѣни и нижнія части ногъ; на каждомъ колѣнѣ находилось по одной круглой вогнутой бронзовой бляхѣ съ небольшимъ отверстіемъ по срединѣ; ниже колѣна, спереди и сбоку каждой ноги оказались двойныя узкія бронзовыя привѣски, пришитыя къ кожѣ или широкому ремню, спереди по три рядомъ лежащія привѣски, сбоку—по пяти, у щиколотокъ лежало по одной крупной бронзовой пряжкѣ съ длинными обоймицами, украшенными круглыми шишечками; въ обоймицахъ сохранились остатки ремня. На поясѣ, на лѣвой сторонѣ, женщины носили небольшой желѣзный ножикъ. При остаткахъ женскихъ погребеній, возлѣ поясничныхъ позвонковъ часто находили глиняное или каменное пряслице, надѣвавшееся, какъ кажется, на веретено во время пряденія нитокъ. Въ двухъ случаяхъ найдены желѣзныя ножницы, по наружной формѣ и величинѣ, похожія на тѣ, которыя крестьяне употребляютъ для стрижки овецъ. Въ женскихъ могилахъ глиняные горшки встрѣчались рѣдко, при одномъ погребеніи оказался крошечный горшечекъ въ $1^1/_8$ вершка высоты.

Женская одежда, не смотря на пестроту и множество металлическихъ украшеній, видимо гармонировала со вкусомъ полу-дикарей и не лишена была своеобразной красоты. При солнечномъ освѣщеніи, на ходу или во время оживленной пляски она должна была производить пріятное впечатлѣніе на мужчинъ своею яркою пестротою и шумомъ металлическихъ привѣсокъ. Древній женскій нарядъ многимъ напоминаетъ уборъ деревенскихъ женщинъ Рязанской губерніи, бывшій въ употребленіи до 60-хъ годовъ текущаго столѣтія. Въ одеждѣ рязанокъ XIX ст. произошли незначительныя измѣненія въ формѣ и матеріалѣ составныхъ частей женскаго костюма, при сравненіи его съ женскою одеждою, бывшею болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ тому назадъ. Что же касается бронзовыхъ украшеній и привѣсокъ, въ изобиліи входившихъ въ составъ древняго женскаго убора, то въ болѣе близкое къ намъ время, они были замѣнены въ уборѣ мѣстныхъ крестьянокъ низками изъ разно-цвѣтнаго бисера и галуномъ.

Вся обстановка погребеній, открытыхъ въ рязанско-окскихъ могильникахъ, свидѣтельствуетъ о зажиточности мѣстнаго населенія въ ту отдаленную эпоху. Изъ общаго числа изслѣдованныхъ могилъ, по содержанію бытовыхъ предметовъ, оружія и украшеній, 20% должно отнести къ богатымъ, 60%—къ среднимъ и только около 20%—къ бѣднымъ. Въ остаткахъ поминальныхъ обрядовъ, сохранившихся въ землѣ надъ могилами и кругомъ ихъ, мы видимъ новые признаки матеріальнаго довольства современнаго могильникамъ населенія. Оно пользовалось хорошею пищею, питаясь преимущественно мясомъ животныхъ, рыбъ и птицъ. Любимымъ блюдомъ, кажется, было кабанье и свиное мясо,—по крайней мѣрѣ, кости тѣхъ и другихъ животныхъ часто попадаются въ остаткахъ поминальныхъ пиршествъ; въ такихъ отбросахъ найдены и рыбьи кости, между ними случалось находить шипы бѣлугъ и осетровъ. Въ то время Ока была богата и этими видами рыбъ. Вообще въ продуктахъ для питанія недостатка не было.—окружающая природа доставляла ихъ съ избыткомъ.

Разнообразіе женскихъ нарядовъ, богатство украшеній и обиліе пищевыхъ продуктовъ съ выгодной стороны представляютъ экономическое положеніе края въ этомъ періодѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо рекомендуютъ отношенія какъ завоевателей, такъ и вообще господствующаго класса къ остальному населенію; дань и другіе поборы мѣстное населеніе, очевидно, несло безъ ущерба для своего благосостоянія. Въ нашей лѣтописи упоминается о размѣрахъ ежегодной дани, которую Поляне, Сѣверяне и Вятичи платили хазарамъ. Они вносили по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма, т. е. съ каждаго двора. Если лѣтописное извѣстіе и не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, тѣмъ не менѣе, оно цѣнно какъ представленіе, сложившееся въ народѣ о умѣренныхъ требованіяхъ древнихъ завоевателей. По приблизительному вычисленію, переводя тогдашнюю стоимость шкурокъ бѣлки и горностая

(вѣверицы) на нашъ счетъ, получимъ не болѣе 4 копеекъ, что въ X столѣтіи представляло цѣнность въ 45 или 50 копеекъ на наши теперешнія деньги; слѣдовательно, въ то время съ двора или цѣлой семьи взималась дань, соотвѣтствовавшая покупной силѣ нашихъ 45 или 50 к. Едва-ли можно было жаловаться на обременительность подобнаго налога.

Въ содержаніи могильнаго инвентаря мы замѣчаемъ указанія на раздѣленіе мѣстнаго населенія на группы по общественному положенію Что лежало въ основѣ дѣленія населенія на группы въ періодъ образованія могильниковъ,—одно-ли сословное различіе по происхожденію или и размѣры имущества, богатство, также являлись причиною выдѣленія въ господствующій классъ? Дать рѣшительный отвѣтъ на эти вопросы мы не состояніи. Одинаково, мы незнаемъ насколько были обособлены сословныя группы, хотя и не сомнѣваемся въ существованіи ихъ. Должно отмѣтить только то, что сравнивая содержаніе мужскихъ погребеній съ разными формами похоронной обрядности, замѣтно выдѣляются мужскія могилы съ обыкновеннымъ погребеніемъ, богатыя оружіемъ и украшеніями; въ нихъ почти постоянно находились удила и встрѣчались мечи. Ясно, что эта группа могилъ оставлена конными воинами, обладавшими лучшимъ вооруженіемъ и болѣе цѣнными украшеніями,—красивыми фибулами, бронзовыми или серебряными шейными гривнами, поясами съ металлическимъ наборомъ, крупными грудными бляхами и проч. Эта богатая и безъ сомнѣнія вліятельная группа населенія, привычная къ коню и хорошо вооруженная, принадлежала къ господствующему сословію и какъ, мы думаемъ, была тюркскаго происхожденія. Замѣчательно, что при мужскихъ погребеніяхъ съ трупосожженіемъ не оказалось ни одного меча и очень рѣдко, только въ 2-хъ случаяхъ, находились удила. Въ мужскихъ могилахъ съ погребеніемъ въ сидячемъ положеніи совсѣмъ не обнаружено оружія, если не принять за таковое желѣзные ножики; не было цѣнныхъ украшеній и удилъ. Эта особенность мужскихъ могилъ съ двумя послѣдними видами похоронъ позволяетъ заключить, что часть населенія, оставившая эти могилы, не имѣла большого значенія въ общественномъ строѣ.

Матеріальное благосостояніе населенія зависѣло главнымъ образомъ отъ естественныхъ богатствъ края, которыя человѣкъ не успѣлъ еще истощить неразумною эксплоатаціей, и отъ свободнаго пользованія ими, отъ незначительныхъ затратъ на поддержку общественнаго строя и отъ развитія внѣшнихъ торговыхъ сношеній. Мѣстные продукты охоты. скотоводства и, быть можетъ, нѣкоторыя произведенія возникавшей домашней промышленности находили внѣшній сбытъ. Шкурки цѣнныхъ звѣрей (соболь, куница, бобръ, лисица, бѣлка), кожи крупныхъ животныхъ, медъ, рабы и рабыни имѣли постоянный спросъ на рынкахъ юга и юго-востока и шли въ обмѣнъ на произведенія болѣе развитой иноземной

промышленности; между ними первое мѣсто занимали разнообразныя металлическія украшенія, бусы и цвѣтныя ткани.

Обиліе оружія, найденнаго при остаткахъ большей части мужскихъ погребеній, указываетъ на воинственный характеръ населенія. Значительная часть вооруженныхъ мужчинъ была конна. Привычка мужчинъ—воиновъ къ коню удостовѣряется нахожденіемъ желѣзныхъ удилъ въ могилахъ, а иногда и присутствіемъ истлѣвшихъ лошадиныхъ костей возлѣ нихъ. Конь видимо игралъ важную роль въ жизни древняго мѣстнаго населенія. Этому признаку мы придаемъ выдающееся значеніе, усматривая въ немъ характерную особенность кочевниковъ Прикаспійскихъ и Придонскихъ степей.

Война и охота составляли главное занятіе большей части мужскаго населенія. При изслѣдованіи окскихъ могильниковъ оказались признаки скотоводства,—конь, овца и свинья были домашними животными; относительно другихъ видовъ животныхъ, напримѣръ,—коровъ, собакъ, мы не можемъ сказать ничего положительнаго за отсутствіемъ данныхъ. Признаковъ земледѣльческой дѣятельности не было обнаружено. Ни въ одной могилѣ не оказалось земледѣльческихъ орудій, если не считать за таковые боевые топоры съ продольнымъ гнѣздомъ; въ числѣ случайныхъ находокъ на Борковскомъ и Кузьминскомъ могильникахъ было поднято по одному обломку желѣзныхъ серповъ, но эти находки могли относиться къ болѣе позднему времени. Если земледѣліе и существовало въ эпоху образованія окскихъ могильниковъ, то, вѣроятно въ зачаточномъ состояніи. Въ долинѣ средней Оки обработка земли, какъ мы полагаемъ, началась позднѣе, именно—со времени передвиженія славянъ въ нашу мѣстность. Мѣстная выдѣлка грубой глиняной посуды была довольно распространена.

Женщины занимались домашними работами; въ женскихъ могилахъ мы часто находили глиняныя и каменныя пряслица и въ рѣдкихъ случаяхъ—желѣзныя ножницы. Эти находки опредѣляютъ характеръ части женскихъ занятій,—онѣ пряли шерсть, приготовляли ткани, шили одежду и вели домашнее хозяйство; уходъ за нѣкоторыми изъ домашнихъ животныхъ безъ сомнѣнія лежалъ на обязанности женщинъ.

Особенности похоронной обрядности, остатки тризнъ близъ могилъ, бронзовый идольчикъ, найденный во время раскопокъ въ Старой Рязани А. В. Селивановымъ, свидѣтельствуютъ, что религіозныя вѣрованія мѣстнаго населенія постепенно развивались и осложнялись, начиная съ періода каменнаго вѣка. Вѣроятно, вѣрованія населенія не успѣли еще сложиться въ стройную систему и застыть въ опредѣленныхъ догматахъ, что наблюдается въ болѣе выработанныхъ языческихъ культахъ; тѣмъ не менѣе, религіозныя вѣрованія несомнѣнно уже имѣли глубокое значеніе въ жизни древняго населенія. Сила преемственнаго обычая, въ теченіе тысячелѣтій крѣпко укоренившагося въ сознаніи язычниковъ, органическая живая связь религіозныхъ воз-

зрѣній съ природою, всѣмъ строемъ не сложной жизни и дѣятельности древнихъ племенъ дѣйствовали на человѣка глубже и повелительнѣе, чѣмъ предписанія отвлеченныхъ догматовъ болѣе развитыхъ культовъ. Населеніе Рязанскаго края, современное могильникамъ, не могло утратить чувства тѣсной связи съ природою и своимъ прошлымъ, олицетворявшемся въ унаслѣдованныхъ вѣковыхъ обычаяхъ и понятіяхъ. Въ этомъ періодѣ, если не существовало замкнутой жреческой касты, то уже были отдѣльныя личности, избравшія служеніе своимъ богамъ и совершеніе религіозныхъ обрядовъ дѣятельностью своей жизни. Въ лѣтописяхъ сохраняется память о волхвахъ и кудесникахъ, истолковывавшихъ волю боговъ, и творившихъ чудеса. Въ сѣверной Руси эти волхвы упорно противодѣйствовали распространенію христіанства среди язычниковъ—туземцевъ.

Характеръ вѣрованій древнихъ обитателей сѣверо-восточной Европы имѣлъ много общаго. Сходство въ основахъ религіозныхъ воззрѣній, а быть можетъ и большее равнодушіе къ незначительнымъ особенностямъ ихъ, исключали возможность возникновенія и проявленія фанатической ненависти къ иноплеменникамъ, имѣвшимъ отличительныя особенности въ религіозныхъ обрядахъ. Этимъ можно объяснить присутствіе на одномъ и томъ же кладбищѣ одновременныхъ могилъ съ разными обрядами похоронъ.

Населеніе средней долины Оки практиковало преимущественно два вида похоронъ,—обыкновенное погребеніе, когда тѣло умершаго хоронили въ могилѣ, подложивши подъ него или завернувши его въ лубъ, и погребеніе съ трупосожженіемъ, когда трупъ усопшаго предварительно сожигали на кострѣ, затѣмъ собирали остатки сожженныхъ костей и металлическихъ вещей, бывшихъ на умершемъ, и зарывали ихъ въ отдѣльную могилу, вмѣстѣ съ вещами не бывшими на усопшемъ. На Борковскомъ могильникѣ, на Придорожномъ бугрѣ былъ открытъ 3-й видъ похоронъ,—погребеніе въ сидячемъ положеніи. Послѣдній видъ похоронъ, повидимому, былъ мало распространенъ среди населенія средней Оки,—мы не встрѣтили ни одного подобнаго погребенія на Кузьминскомъ могильникѣ, да и на Борковскомъ ихъ оказялась всего пять.

Большая часть мѣстнаго населенія хоронило умершихъ по обряду обыкновенныхъ похоронъ; такія погребенія составляли отъ 85% до 93% общаго числа найденныхъ могилъ; число могилъ съ остатками трупосожженій колебалось отъ 7% до 15%; погребенія въ сидячемъ положеніи, открытыя на Придорожномъ бугрѣ Борковскаго могильника, дали около 5%.

Изъ періода каменнаго вѣка намъ извѣстны одни обыкновенныя погребенія, другихъ формъ похоронъ мы не встрѣчали. Это обстоятельство позволяетъ заключить, что какъ первобытное, такъ и древнее пришлое населеніе Рязанскаго края держались обряда обыкновенныхъ похоронъ. Трупосожженія и погребенія въ сидячемъ положеніи явились

въ нашей мѣстности позднѣе,— ихъ занесли сюда иноплеменные переселенцы, прибывшіе въ долину средней Оки изъ сосѣднихъ или отдаленныхъ областей. Разнообразіе въ похоронной обрядности не оставляетъ сомнѣнія въ разноплеменномъ составѣ мѣстнаго населенія, современнаго образованію окскихъ могильниковъ. Характеръ могильнаго инвентаря, найденнаго при погребеніяхъ всѣхъ трехъ видовъ, и положеніе могилъ съ разными видами похоронъ рѣшительно не допускаютъ другихъ объясненій различія въ похоронной обрядности. одновременно практиковавшейся населеніемъ Рязанскаго края.

Вопросъ о племенномъ составѣ населенія, оставившаго по берегамъ Оки цѣлый рядъ однородныхъ могильниковъ, не поддается положительному рѣшенію, отчасти вслѣдствіе крайней бѣдности историческихъ свѣдѣній по этому предмету и неполнотѣ изслѣдованія Рязанской губерніи въ археологическомъ отношеніи, отчасти по причинѣ плохой сохранности антропологическаго матеріала, добытаго во время раскопокъ. Кромѣ того, мы ничего не знаемъ,—къ какому типу или расѣ принадлежало первобытное населеніе, занимавшее долину Оки въ продолжительный періодъ каменнаго вѣка. Этотъ крупный пробѣлъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ вноситъ полную невозможность установить достовѣрное заключеніе о дѣйствительномъ значеніи болѣе поздняго кореннаго населенія Рязанскаго края, современнаго окскимъ могильникамъ. Представляло-ли оно прямое потомство первобытныхъ обитателей долины средней Оки, переживавшихъ здѣсь періодъ каменнаго вѣка, или являлось какъ результатъ смѣшенія автохтоновъ съ восточно-финскими племенами, прибывшими въ область Окскаго бассейна въ періодъ мѣстнаго каменнаго вѣка или вскорѣ послѣ него? При всей бѣдности и недостаткахъ антропологическаго матеріала, извлеченнаго изъ обслѣдованныхъ окскихъ могильниковъ, на основаніи его, мы не можемъ не признать, что такъ или иначе восточно-финскіе племена входили, какъ существенный элементъ, въ составъ мѣстнаго кореннаго населенія, оставившаго цѣлый рядъ могильниковъ на берегахъ Оки. Не имѣя возможности представить твердо обоснованное заключеніе по вопросу,— въ какомъ отношеніи восточно-финскія племена находились къ первобытнымъ обитателямъ долины Оки, мы оставляемъ его открытымъ, и позволимъ себѣ изложить наше мнѣніе по этому вопросу, какъ простое предположеніе. Примѣсь восточно-финскихъ племенъ къ первобытному населенію долины Оки совершилась ранѣе образованія окскихъ могильниковъ. Пришлыя восточно-финскія племена частію вытѣснили первобытное населеніе, частію смѣшались съ нимъ и образовали древнее коренное населеніе площади Окскаго бассейна. Затѣмъ послѣдовали новые нанлывы въ долину Оки племенъ и народовъ съ востока и юго-востока. Тѣсная связь Оки съ Волгою и верховьями Дона открывала свободный доступъ въ нашу мѣстность кочевникамъ Поволжскихъ, Прикаспійскихъ и Придонскихъ степей. Тюркскія племена, перекоче-

вавшія изъ Азіи въ степную полосу юго-восточной Европы, безъ сомнѣнія, проникали до береговъ средней Оки, и нѣкоторые изъ нихъ, очемъ мы уже говорили ранѣе, подчиняли Рязанскій край, частію селились въ немъ и входили въ составъ господствовавшаго класса мѣстнаго населенія.

Коренное населеніе Рязанскаго края и осадки пришлыхъ тюркскихъ племенъ хоронили умершихъ по обряду обыкновеннаго погребенія. Полное отсутствіе антропологическихъ признаковъ въ могилахъ съ остатками трупосожженія лишаетъ насъ важнаго матеріала для сужденія о народности части населенія, практиковавшей эту форму похоронъ. Затрудненіе при рѣшеніи вопроса о народности погребеній съ трупосожженіемъ осложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что бытовые предметы, найденные въ могилахъ съ остатками трупосожженій имѣютъ, полное сходство съ аналогичными предметами, собранными въ могилахъ съ обыкновенными погребеніями, и не представляютъ никакихъ отличительныхъ особенностей, которыя могли бы служить указаніемъ на народность погребенныхъ. Въ періодъ отъ VI до X ст. по Р. Хр., трупосожженіе умершихъ было въ обычаѣ у многихъ народовъ и племенъ, сосѣдившихъ съ Рязанскимъ краемъ. На сѣверо-западѣ и юго-западѣ къ Рязанскому краю прилегали области Кривичей и Вятичей, къ востоку и юго-востоку обитатели Буртасы. Какъ у славянъ, такъ и между буртасами былъ распространенъ обрядъ похоронъ съ трупосожженіемъ. Въ погребеніяхъ съ остатками трупосожженія, найденныхъ въ окскихъ могильникахъ, позволительно угадывать могилы славянъ переселенцевъ, какъ ближайшихъ сосѣдей, переходившихъ въ небольшомъ числѣ изъ славянскихъ областей въ долину средней Оки. Случайныя переселенія отдѣльныхъ славянскихъ семей въ Рязанскій край могли начаться гораздо ранѣе IX ст. У буртасовъ также существовалъ обычай хоронить умершихъ, предварительно сожигая ихъ трупъ, такъ что и буртасы, переселяясь на берега средней Оки, могли занести похороны съ трупосожженіемъ; но почти полное отсутствіе желѣзныхъ удилъ въ могилахъ съ остатками трупосожженія, открытыхъ на Борковскомъ и Кузьминскомъ могильникахъ, препятствуетъ предполагать происхожденіе этихъ могилъ отъ переселенцевъ—буртасовъ. Извѣстно, что буртасскіе воины были преимущественно конные. Переселяясь въ Рязанскій край, буртасы, если не всѣ, то многіе изъ нихъ, сохранили бы привычку къ коню на мѣстѣ новой осѣдлости, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ могилахъ находились бы предметы конской сбруи.

Народность погребеній въ сидячемъ положеніи для насъ остается темной загадкой,—подобный обрядъ похоронъ практиковался въ древности въ разныхъ мѣстахъ нынѣшней Европейской Россіи. Откуда онъ занесенъ на берега средней Оки,—намъ неизвѣстно. Можно даже думать, что этотъ видъ похоронъ не употреблялся мѣстными жителями

Рязанскаго края,—эти могилы могли оставить временно проживавшія здѣсь лица, прибывшія сюда съ торговыми или другими цѣлями.

О наружныхъ признакахъ населенія, современнаго окскихъ могильникамъ, вслѣдствіе плохой сохранности антропологическаго матеріала, можно сказать немногое: оно было средняго роста, коренастое, черноволосое; по формѣ череповъ одна часть населенія относилась къ длинноголовымъ (dolichocephalae), другая—къ среднеголовымъ (megalicephalae). Вообще населеніе было крѣпкое, мускулистое, здоровое,—намъ очень рѣдко случалось встрѣчать попорченные зубы даже у покойниковъ преклоннаго возраста.

Періодъ торговли съ арабами.

Ранѣе мы упоминали, что благодаря географическому положенію Рязанскаго края, населеніе его издавна вело торговыя и иныя сношенія съ народами, занимавшими степное пространство между Каспійскимъ, Азовскимъ, и Чернымъ морями и побережныя части этихъ морей. Мы не знаемъ, когда начались эти сношенія и какъ они видоизмѣнялись въ разныя эпохи доисторической жизни Рязанскаго края; но мы не можемъ сомнѣваться въ нихъ: нѣкоторые бытовые предметы, какъ напримѣръ,—хорошей выдѣлки и яркихъ цвѣтовъ шерстяныя ткани, изящныя серебряныя и бронзовыя украшенія, нѣкоторые виды бусъ и отчасти гончарныя издѣлія, отличающіяся отчетливою обработкою, представляютъ полное сходство съ аналогичными предметами, открытыми въ древнихъ могильникахъ Кавказа и сѣверо-восточной части побережья Чернаго моря, и служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что эти издѣлія проникали въ долину средней Оки съ юга и юго-востока путемъ торговыхъ сношеній. Торговыя связи населенія Рязанскаго края съ югомъ и юго-востокомъ начались гораздо ранѣе появленія арабовъ на западномъ берегу Каспійскаго моря, и потолько продолжались, но видимо увеличились и окрѣпли послѣ упроченія арабовъ на Кавказѣ и при Каспіи.

Въ VII ст. по Р. Х. арабы, послѣ побѣды, одержанной ими надъ персами въ кровопролитной битвѣ при Нихавендѣ въ 641 г. по Р. Х., проникли во внутреннія и сѣверныя области Персидскаго царства; подвигаясь далѣе на сѣверъ, они вступили во владѣнія хазаръ, простиравшіяся въ то время на югъ до Ширвана, и продолжали свои завоеванія на Кавказѣ и западномъ берегу Каспія. Воинственные хазары оказывали упорное сопротивленіе стремленію арабовъ овладѣть западнымъ берегомъ Каспія. Однако, послѣ продолжительной и упорной борьбы арабамъ удалось сломить упорство сильныхъ противниковъ и утвердиться въ занятыхъ областяхъ.

„Торговые пути Аравитянъ, говоритъ П. С. Савельевъ, прокладывало ихъ оружіе: каждое новое завоеваніе было и новымъ рынкомъ

для нихъ“..... „Хазары первые изъ народовъ Россіи вступили въ непосредственныя сношенія съ арабами, сперва въ битвахъ противъ нихъ на берегахъ Аракса и въ Закавказьѣ, потомъ въ торговлѣ съ ними на берегахъ Итиля (Волги)“ [10]).

Со времени упроченія господства арабовъ на Кавказѣ и западномъ берегу Каспія, арабскія издѣлія и арабская монета (серебряные диргемы) проникаютъ въ сѣверо-восточную Европу. По мѣрѣ развитія торговли, притокъ арабской монеты въ Европу постепенно увеличивается и достигаетъ наибольшихъ размѣровъ въ X ст. Естественныя произведенія сѣверо-восточной Европы, особенно шкурки цѣнныхъ звѣрковъ, рабы и рабыни, шли въ предѣлы мусульманскихъ государствъ въ большомъ количествѣ. Доставляемые арабами товары для племенъ, обитавшихъ въ сѣверо-восточной Европѣ, не покрывали стоимости вывозимаго ими, такъ что ежегодно арабы должны были доплачивать крупныя суммы серебряною монетою и отчасти серебряными слитками для уравненія торговаго баланса.

Въ теченіе многихъ столѣтій, клады съ серебряными арабскими монетами находили и находятъ въ настоящее время на всемъ протяженіи Европейской Россіи, въ Швеціи, Норвегіи, Даніи, Польшѣ, Пруссіи и восточной части Германіи. Эти находки представляютъ вещественные остатки обширныхъ торговыхъ оборотовъ, которые арабы вели съ сѣверо-восточною Европою въ продолженіе болѣе трехъ столѣтій, съ конца VII и до XI ст.

Широкое распространеніе арабской монеты по областямъ сѣверо-восточной Европы нельзя разсматривать какъ результатъ непосредственныхъ и постоянныхъ торговыхъ сношеній съ арабами народовъ и племенъ, занимавшихъ въ VIII, IX и X ст. области отдаленныя отъ Каспія и Кавказа, какъ напримѣръ,—Швецію, Норвегію, Данію, Пруссію и восточную часть Германіи. О характерѣ торговли населенія этихъ странъ съ арабами можно сказать, что она производилась главнымъ образомъ при участіи иноплеменныхъ посредниковъ. Почему и нахожденіе въ сѣверо-восточной Европѣ многочисленныхъ кладовъ съ диргемами объясняется послѣдовательнымъ передвиженіемъ арабской монеты съ юго-востока и востока на сѣверо-западъ и западъ.—Путемъ торговли и другихъ причинъ арабская монета переходила изъ рукъ въ руки, между сосѣдними племенами,—отъ ближайшихъ къ Каспію и Кавказу народовъ она проникала къ народамъ болѣе удаленнымъ отъ главныхъ торговыхъ центровъ. Въ VIII, IX и началѣ X ст. разноплеменное населеніе восточной Европы пользовалось не одною мѣновою торговлею, совмѣстно съ послѣднею начинала входить въ употребленіе и денежная торговля. Между тѣмъ, въ то время народы, заселявшіе сѣверо-восточную Европу, еще не имѣли монеты

---

[10]) П. С. Савельевъ,—„Мухаммеданская Нумизматика“, стр. XLVIII—L.

собственнаго чекана. Съ начала VIII ст. арабскіе диргемы начали проникать въ сѣверо-восточную Европу, распространеніе ихъ шло непрерывно, постепенно увеличиваясь въ количествѣ и расширяясь по району своего распространенія. Знакомясь съ арабскою монетою, полудикое населеніе сѣверо-восточной Европы привыкало къ ней, поняло ея удобства какъ для торговли, такъ и для иного вида сдѣлокъ и уплатъ; вмѣстѣ съ этимъ, мѣстные торговые люди, въ скоромъ времени, сумѣли приравнять арабскую монету къ своимъ собственнымъ мѣновымъ цѣнностямъ, и затѣмъ отчасти замѣнить послѣднія серебряными диргемами и частями ихъ. Съ IX ст. арабскіе диргемы, вмѣстѣ съ серебряными слитками опредѣленнаго вѣса, становятся обще-принятою ходячею монетою среди племенъ, заселявшихъ сѣверо-восточную Европу. Всѣмъ извѣстно, что многіе народы на первыхъ ступеняхъ своего общественнаго строя, до введенія въ обращеніе монеты собственнаго чекана, пользовались монетою сосѣднихъ государствъ, стоявшихъ по своему политическому развитію и экономическому состоянію въ болѣе благопріятномъ положеніи.

Въ настоящее время, изъ общаго состава извѣстныхъ мѣстныхъ вещественныхъ памятниковъ, пригодныхъ для изученія состоянія Рязанскаго края въ теченіе 3-го періода, преобладающее значеніе имѣютъ клады съ арабскими монетами и серебряными украшеніями восточнаго производства, такъ какъ они представляютъ хорошо извѣстный и вполнѣ опредѣленный матеріалъ. Кромѣ кладовъ съ арабскими монетами, Рязанская губернія богата курганными кладбищами, сохранившимися до сихъ поръ въ сѣверныхъ, среднихъ и южныхъ уѣздахъ. Значительная часть кургановъ, лежащихъ по теченію Оки, на ея берегахъ, относится къ 3-му періоду. Къ сожалѣнію, эти важные въ историческомъ отношеніи памятники остаются неизслѣдованными. Правильныя раскопки курганныхъ кладбищъ обѣщаютъ дать новые и важные матеріалы для выясненія особенностей быта и состава мѣстнаго населенія какъ въ началѣ появленія южно-русскихъ князей съ ихъ дружинами въ долинѣ средней Оки, такъ и въ эпоху предшествовавшую покоренію Рязанскаго края южно-русскими князьями. Очень немногіе изъ курганныхъ кладбищъ, находящихся въ Зарайскомъ, Рязанскомъ, Спасскомъ и Касимовскомъ уѣздахъ, тронуты раскопками. Матеріалы, добытые изъ нихъ, отличаются большимъ разнообразіемъ по характеру курганнаго инвентаря, а также и по формамъ погребеній; но такъ какъ найденные въ раскопанныхъ курганахъ бытовые предметы и наблюдаемыя въ нихъ формы погребенія представляютъ принадлежность лишь незначительной части изъ общаго числа уцѣлѣвшихъ памятниковъ этого рода, то ими нельзя воспользоваться какъ матеріаломъ для положительныхъ выводовъ о бытѣ и характерѣ мѣстнаго населенія, оставившаго курганныя кладбища въ теченіе 3-яго періода,

до того времени, пока содержаніе большей части кургановъ этого типа не будетъ изслѣдовано правильными раскопками.

Не останавливаясь на описаніи результатовъ всѣхъ изслѣдованныхъ курганныхъ кладбищъ въ Рязанской губерніи, мы скажемъ нѣсколько словъ о любопытныхъ особенностяхъ извѣстныхъ намъ находокъ изъ трехъ группъ кургановъ 3-яго періода, открытыхъ въ Каширскомъ уѣздѣ, на лѣвомъ берегу р. Смедвы, при впаденіи ея въ Оку, близъ деревни Смедовки [11]); изъ того же вида кургановъ находящихся въ Зарайскомъ уѣздѣ, недалеко отъ погоста Ростиславль, расположенномъ на мѣстѣ древняго города того же названія, упоминаемаго въ лѣтописяхъ подъ 1154 г.; затѣмъ, въ Рязанскомъ уѣздѣ, при селѣ Окаемовѣ, на правомъ берегу Оки случайно было найдено одно женское погребеніе съ украшеніями, совершенно сходными съ добытыми изъ упомянутыхъ кургановъ; и наконецъ той же формы и качествами металлическія украшенія были собраны между другими остатками древняго поселка, обнаруженнаго во время раскопокъ Борковскаго могильника на одномъ изъ занятыхъ могилами бугровъ (Придорожномъ). Названные однородные курганы и отдѣльныя находки относятся къ 3-му періоду. Въ изслѣдованныхъ курганахъ оказались только одни обыкновенныя погребенія; найденные въ нихъ мужскіе и женскіе костяки лежали на спинѣ съ протянутыми вдоль тѣла руками, голова въ большинствѣ случаевъ была обращена на З., ноги на В., иногда голова имѣла направленіе на ЮЗЗ., ноги — на СВВ. При остаткахъ нѣкоторыхъ женскихъ костяковъ находились бронзовыя, мѣдныя посеребренныя и низкопробныя серебряныя украшенія,—плоскія шейныя гривны съ орнаментомъ, витые бронзовые браслеты, ажурныя плоскія и въ видѣ жгутика кольца, изъ горнаго хрусталя круглыя и сердоликовыя продолговатыя бусы, круглыя сплошныя и ажурныя металлическія привѣски и височныя семилопастныя подвѣски московскаго типа. Мужскія погребенія, найденныя въ курганахъ, отличаются бѣднымъ содержаніемъ украшеній, отсутствіемъ оружія и стремянъ.

Однообразіе въ формахъ похороннаго обряда въ названныхъ курганахъ и рѣзкое различіе между инвентаремъ кургановъ и рязанско-окскихъ могильниковъ представляютъ любопытный фактъ. Интересъ кургановъ этого типа возрастаетъ еще отъ самаго мѣсто-нахожденія ихъ. Замѣчательно, что до настоящаго времени эти курганныя кладбища не открыты восточнѣе нынѣшней Рязани; они, переходя изъ Тульской и Московской губерній въ Рязанскую, идутъ по теченію Оки, достигаютъ Рязани и тутъ какъ бы прерываются, не проникая далѣе

---

[11]) Смедовскіе курганы были раскопаны А. В. Селивановымъ и Ф. Н. Китаевымъ въ 1884 и 1885 г.; результаты раскопокъ описаны въ I т. Трудовъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи, въ журналахъ засѣданій за 23 сентября 1884 г. и 7 іюня 1885 г.

на востокъ. Дѣло-ли это простой случайности, объяснимой нашимъ недостаточно полнымъ знакомствомъ съ древностями Рязанской губерніи, или, на самомъ дѣлѣ, подобныя курганныя кладбища не заходили восточнѣе нынѣшней Рязани,—ничего положительнаго мы сказать не можемъ. Дѣйствительныя границы ихъ распространенія въ Рязанской губерніи, а равно и настоящее значеніе ихъ остаются пока невыясненными. Ограничиваясь однѣми догадками. курганы можно разсматривать какъ кладбища, оставленныя новыми насельниками, подвинувшимися съ запада или сѣверо-запада въ долину средней Оки въ IX ст. или, быть можетъ, и ранѣе. Пришлое населеніе принесло съ собою особыя украшенія и свой отличительный похоронный обрядъ. Принимая въ соображеніе мѣсто-нахожденіе этихъ курганныхъ кладбищъ, можно думать, что наплывъ сосѣдняго племени въ долину средней Оки остановился около нынѣшней Рязани и по неизвѣстной намъ причинѣ не пошелъ далѣе на востокъ.

Упоминая о курганахъ мы считаемъ нужнымъ отмѣтить небезынтересное противорѣчіе, наблюдаемое въ нихъ между способомъ погребенія и могильнымъ инвентаремъ. Форма погребеній указываетъ на финскую народность населенія, оставившаго описанные нами курганы; по типу же женскихъ украшеній и особенно по характеру семилопастныхъ височныхъ подвѣсокъ, курганы слѣдовало-бы признать славянскими, если при опредѣленіи ихъ народности руководствоваться мнѣніемъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ археологовъ, которые въ семилопастныхъ височныхъ подвѣскахъ конца X и XI вѣка склонны видѣть признакъ славянства. Изъ этого частнаго случая видно,—какъ трудно опредѣлять народность древнихъ могильниковъ и курганныхъ кладбищъ нетолько по формамъ украшеній и другихъ бытовыхъ предметовъ, но и по общей совокупности всего археологическаго матеріала, добытаго въ предѣлахъ того или другого района, гдѣ не исчерпаны археологическими изслѣдованіями всѣ имѣющіеся памятники доисторической эпохи.

Отличительный характеръ извѣстныхъ мѣстныхъ вещественныхъ памятниковъ IX, X и XI ст. подалъ намъ поводъ принять его какъ характерную особенность цѣлаго періода. Строго говоря, принятое мною названіе третьяго періода не совсѣмъ точно: торговля Рязанскаго края съ арабами, главнымъ образомъ, сосредоточивалась въ рукахъ иноплеменныхъ посредниковъ, между которыми первенствующая роль принадлежала сначала однимъ хазарамъ, а потомъ къ нимъ присоединились булгары. Непосредственныя же сношенія торговыхъ людей Рязанскаго края съ арабами, кажется, ограничивались двумя городами,—Итилемъ, столицею хазаръ при устьѣ Волги, и Булгаромъ, столицею Волжско-Камскихъ булгаръ, расположенномъ въ 125 верстахъ къ югу отъ нынѣшней Казани; въ этихъ двухъ пунктахъ они вступали въ непосредственныя торговыя сношенія съ арабскими купцами, ежегодно пріѣзжавшими въ названные города съ торговыми цѣлями.

Едва-ли наши предки проникали въ предѣлы Восточнаго Халифата въ IX и X ст.; если ради торговли подобныя путешествія и предпринимались ими, то не были обычнымъ явленіемъ, а представляли единичные и рѣдкіе случаи, вызванные какими нибудь исключительными обстоятельствами.

Періодъ возникновенія и развитія торговыхъ сношеній населенія долины средней Оки съ арабами, какъ мы полагаемъ, составляетъ прямое продолженіе предшедствующаго періода (время образованія рязанско-окскихъ могильниковъ богатыхъ металлическими издѣліями) или, быть можетъ, отдѣляется отъ него довольно короткимъ промежуткомъ времени. Извѣстные намъ мѣстные вещественные памятники, относящіеся къ третьему періоду, какъ мы ранѣе упоминали, состоятъ преимущественно изъ кладовъ съ арабскими монетами и серебряными украшеніями восточнаго производства, и отчасти изъ бытовыхъ предметовъ, найденныхъ случайно или при раскопкахъ курганныхъ кладбищъ X и XI ст.

Содержаніе извѣстныхъ кладовъ съ арабскими монетами, открытыхъ въ Рязанской губерніи за послѣднія 56 лѣтъ, раскрываетъ многія стороны быта населенія долины средней Оки. Въ статьѣ—„Значеніе кладовъ съ куфическими монетами, найденныхъ въ Тульской и Рязанской губерніяхъ“ [12]) я говорилъ о важномъ значеніи этихъ памятниковъ для нашей исторіи и потому теперь только кратко повторю ранѣе высказанное мною. Болѣе древніе изъ кладовъ, найденныхъ въ Рязанской губерніи, состоятъ главнымъ образомъ изъ цѣлыхъ серебряныхъ диргемовъ и разной величины рубленныхъ частей ихъ, чеканенныхъ въ IX вѣкѣ при аббасидахъ; въ рѣдкихъ случаяхъ, вмѣстѣ съ диргемами, встрѣчались въ числѣ одного или двухъ экземпляровъ серебряныя сассанидскія (древне-персидскія) монеты VII ст. Въ позднѣйшихъ кладовъ съ арабскими монетами, зарытыхъ въ землю не ранѣе XI ст., большая часть монетъ состоитъ изъ диргемовъ саманидскаго чекана X ст.; между ними попадаются въ небольшомъ количествѣ цѣлыя и рубленныя на части западно-европейскія и византійскія серебряныя монеты X ст. Въ пяти кладахъ, вмѣтѣ съ монетами, оказались серебряныя украшенія,—шейныя гривны, браслеты, серьги, перстни, бляхи и небольшія привѣски; въ трехъ кладахъ находились серебряные прутики разнаго вѣса (монетныя гривны восточной отливки).

Извѣстные намъ клады съ арабскими монетами составляютъ ничтожную часть находокъ этого рода, открытыхъ въ Рязанской губерніи въ теченіе шести или семи столѣтій. Съ конца VIII ст. и до первой половины XI ст. наши предки оставили въ землѣ огромное количество своихъ сбереженій въ монетѣ и серебряныхъ украшеніяхъ. Конечно, не для позднѣйшихъ потомковъ они зарывали въ землю свои деньги и

---

[12]) См. Приложеніе къ VI тому Трудовъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи.

цѣнныя украшенія,—то и другое прятали на время, и только непредвидѣнныя случайности лишали владѣльцевъ возможности вынуть изъ земли свое имущество. Благодаря этимъ остаткамъ старины, мы приблизительно узнаемъ о степени экономическаго благосостоянія Рязанскаго края, о направленіи его внѣшней торговли, о системѣ древнихъ мѣновыхъ цѣнностей и о мѣсто-нахожденіи болѣе многолюдныхъ селеній, бывшихъ въ то время главными торговыми центрами Рязанскаго края. Открытые въ Рязанской губерніи клады IX, X и XI ст. преимущественно находились на берегахъ Оки и ея главныхъ притоковъ:—Осетра, Прони и Пары. Большая часть кладовъ найдена въ Спасскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ села Старая Рязань, близъ нынѣшней Рязани (бывшаго Переславля Рязанскаго) и въ сѣверо-западномъ углу Каширскаго уѣзда, Тульской губерніи. Скученность кладовъ въ обозначенныхъ мѣстахъ свидѣтельствуетъ, что встарину тутъ были значительныя торговыя селенія, по сосѣдству съ которыми ютился промышленный и мелкій торговый людъ, ради удобнаго и выгоднаго сбыта продуктовъ своего промысла или труда.

На самыхъ мѣстахъ, гдѣ были найдены клады или поблизости отъ нихъ, иногда открываются слѣды древнихъ поселковъ, могильниковъ и курганныхъ кладбищъ. Такъ что клады съ арабскими монетами и остатки языческихъ кладбищъ довольно опредѣленно обозначаютъ мѣста древнѣйшихъ селеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ возможность приблизительно судить о густотѣ поселенія Рязанскаго края въ описываемую эпоху. Содержаніе кладовъ, представляя несомнѣнное доказательство существованія внѣшнихъ торговыхъ сношеній, въ то же время объясняетъ намъ размѣры и направленіе внѣшней торговли нашихъ отдаленныхъ предковъ. Въ болѣе древнихъ арабскихъ кладахъ мы встрѣчаемъ почти исключительно одни аббасидскіе диргемы, чеканенные въ Прикаспійскихъ и среднихъ провинціяхъ Восточнаго Халифата, и только въ рѣдкихъ случаяхъ, вмѣстѣ съ диргемами, попадается въ нихъ ничтожное количество сассанидскихъ монетъ VII ст. Въ древнихъ кладахъ количество рубленныхъ монетъ, на части разной величины, обыкновенно не такъ велико, какъ въ болѣе позднихъ. Въ кладахъ второй половины X и начала XI ст. преобладаютъ диргемы саманидскіе, тагиридскіе и другихъ династій, чеканенные какъ въ среднихъ, такъ и восточныхъ правинціяхъ Халифата. Кромѣ арабскихъ монетъ, въ этихъ кладахъ мы находимъ въ небольшомъ количествѣ серебряныя западно-европейскія и византійскія монеты, а также серебряные прутики (монетныя гривны восточной отливки). Составъ кладовъ позволяетъ заключить, что сначала торговыя сношенія арабовъ съ сѣверо-восточною Европою, главнымъ образомъ, сосредоточивались въ рукахъ арабскихъ купцовъ изъ Прикаспійскихъ и среднихъ провинцій Восточнаго Халифата; позднѣе, въ X ст. къ нимъ примкнули торговые люди восточныхъ областей Ха-

лифата, изъ Самаркапда, Бухары и другихъ восточныхъ городовъ. Должно замѣтить, что въ X и XI ст. у Волжско-Камскихъ булгаръ также были развиты дѣятельныя торговыя сношенія съ хазарами, арабами и съ туземнымъ населеніемъ Волжскаго, Камскаго и Окскаго бассейновъ. Широкое развитіе внѣшней торговли благотворно отразилось на экономическомъ состояніи булгаръ и успѣхахъ ихъ промышленности. Въ X, XI и XII ст. булгары снабжали среднюю Русь какъ собственными металлическими издѣліями, такъ и привозными произведеніями востока. Присутствіе западно-европейскихъ и византійскихъ монетъ въ кладахъ показываетъ, что населеніе Рязанскаго края вступило въ болѣе оживленныя торговыя сношенія съ племенами, обитавшими по Днѣпру и западной Двинѣ. Нельзя предполагать, чтобы западныя и византійскія монеты отъ арабовъ проникали въ долину средней Оки; если-бы эти два вида монетъ переходили въ восточную Европу изъ рукъ арабовъ, то число этихъ монетъ въ арабскихъ кладахъ возрастало бы по мѣрѣ близости ихъ къ Каспійскому морю и Кавказу; между тѣмъ въ извѣстныхъ кладахъ съ арабскими монетами, найденныхъ въ Саратовской, Астраханской и Ставропольской губерніяхъ совсѣмъ не встрѣчаются западно-европейскія и византійскія серебряныя монеты.

Появленіе западно-европейскихъ и византійскихъ монетъ въ долинѣ средней Оки, повидимому, было слѣдствіемъ торговыхъ связей съ Черниговомъ и Кіевомъ съ одной стороны и племенами, занимавшими верховья западной Двины, —съ другой. Въ тѣхъ же кладахъ мы находимъ образцы денежныхъ единицъ, бывшихъ въ обращеніи въ теченіе 3 періода и позднѣе среди племенъ, обитавшихъ въ долинѣ Оки. Въ третьемъ періодѣ мѣстная мѣновая торговля товара—на товаръ начинаетъ переходить въ денежную, благодаря большому приливу арабской монеты; населеніе Рязанскаго края и другихъ племенъ, познакомившись съ удобствомъ употребленія монеты въ торговомъ дѣлѣ, сначала приспособило серебряные арабскіе дирхемы, а потомъ византійскія и западно-европейскія монеты къ прежнимъ своимъ мѣновымъ цѣнностямъ, состоявшимъ преимущественно изъ шкурокъ разныхъ звѣрковъ. Основною единицею новой денежной системы былъ принятъ серебряный дирхемъ. На югѣ, въ Приднѣпровской Руси на эту монету было перенесено названіе древней мѣновой единицы—куны. Такъ какъ дирхемъ (куна) представляетъ довольно крупную цѣнность, то его рубили на части,—разной величины и вѣса; такимъ путемъ получалась мелкая размѣнная монета, соотвѣтствовавшая прежнимъ мелкимъ мѣновымъ цѣнностямъ—(вѣверица, бѣлка, вѣкша)... Двѣ съ половиною куны равнялись ногатѣ. Пятьдесятъ купъ (дирхемовъ) составляли монетную гривну серебра, имѣвшую около 38 золотниковъ вѣса. Приведенныя соотношенія денежныхъ единицъ разныхъ наименованій были въ употребленіи въ Кіевской Руси. Ранѣе прибытія южно-русскихъ князей въ долину средней Оки, населеніе Рязанскаго края имѣло свою систему

мѣновыхъ цѣнностей, отличающуюся отъ Кіевской. Въ теченіи 3-го періода эта система также потерпѣла существенное преобразованіе,— прежнія условныя мѣновыя цѣнности вытѣснялись арабскою монетою; наименованіе существовавшихъ цѣнностей перешло на диргемы и части ихъ. До занятія Рязанскаго края южно-русскими князьями, диргемы, какъ я полагаю, носили здѣсь названіе „рѣзанъ". Мѣстное наименованіе долей диргема намъ неизвѣстно. Кромѣ цѣлыхъ серебряныхъ монетъ и опредѣленнаго вѣса частей ихъ, въ долинѣ средней Оки обращались серебряныя монетныя гривны арабской отливки, въ видѣ длинныхъ четыре-гранныхъ прутиковъ,—вѣсомъ въ 27 и $13^1/_2$ золотниковъ. Слѣдуетъ упомянуть, что арабская унція серебра въ VIII ст. равнялась 27 нынѣшнимъ золотникамъ. изъ нея чеканили 40 аббасидскихъ диргемовъ нормальнаго вѣса. Обращеніе въ долинѣ Оки серебряныхъ слитковъ вѣсомъ въ цѣлую арабскую унцію и части ея приводитъ къ предположенію, что соотношеніе между серебряною гривною и диргемомъ (рѣзаною) было иное, чѣмъ въ Кіевской Руси. Здѣсь гривна серебра имѣла, повидимому, только 40 диргемовъ (рѣзанъ). Доли рѣзаны (диргема), какъ кажется, мало разнились отъ южно-русскихъ. Въ рязанскихъ кладахъ съ арабскою монетою постоянно встрѣчаются разной величины рѣзанцы, между послѣдними попадаются обрѣзанные въ видѣ правильныхъ кружковъ; сравнивая вѣсъ частей диргемовъ, мы получили слѣдующія отношенія ихъ тяжести къ среднему вѣсу цѣлаго диргема въ 53 грана: $^1/_2$, $^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_6$, $^1/_8$, $^1/_{12}$, $^1/_{24}$ и $^1/_{40}$; Мельчайшія части въ $^1/_{40}$ цѣлаго диргема могли оказаться въ кладахъ какъ неполновѣсныя доли ровныя $^1/_{24}$ диргема. Со времени занятія Рязанскаго края южно-русскими князьями, мѣстная денежная система на короткое время замѣняется Кіевскою.

Въ концѣ 3 періода населеніе Рязанскаго края пользовалось гирьками опредѣленнаго вѣса, слѣдовательно въ 3-мъ періодѣ уже существовала вѣсовая система. Пять мелкихъ гирекъ было найдено въ 1891 г. на береговой части Старо-рязанскаго городища, и тамъ же были случайно открыты двѣ болѣе крупныя желѣзныя гири, которыя, по нашему мнѣнію, относятся къ XII ст. [13]). Основною единицею вѣса служилъ древній ансырь, заимствованный съ востока. Эта вѣсовая единица, соотвѣтствовавшая нашему фунту, равнялась приблизительно 136 теперешнимъ золотникамъ и дѣлилась на 72 части. Тяжесть крупной вѣсовой единицы, по нашимъ догадкамъ, соотвѣтствовала 40 ансырямъ.

Итакъ, населеніе Рязанскаго края въ 3-мъ періодѣ имѣло опредѣленную денежную и вѣсовую системы. Очень вѣроятно, что были въ употребленіи мѣры объемовъ и длины, но въ числѣ извѣстныхъ ве-

---

[13]) Описаніе древнихъ гирекъ помѣщено въ VII томѣ Трудовъ Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи, вып. 6, 7 и 8.

щественныхъ памятниковъ намъ не встрѣчались представители двухъ послѣднихъ измѣреній.

Большое количество серебряной монеты, серебряныхъ украшеній, несомнѣнное существованіе вѣсовой системы не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что населеніе Рязанскаго края не стояло неподвижно въ дѣлѣ торговаго и экономическаго развитія.

Въ теченіе 3 періода внѣшнія торговыя сношенія видимо возрасли, возникли новыя торговыя связи съ западными и юго-западными областями. Съ увеличеніемъ внѣшнихъ торговыхъ оборотовъ являлось оживленіе и внутренней торговли, какъ естественное слѣдствіе большаго спроса на мѣстные продукты и увеличеніе зажиточности населенія. Почти постоянное присутствіе въ мѣстныхъ кладахъ большаго количества разновѣсныхъ частей диргемовъ позволяетъ разсматривать эти клады какъ сбереженія мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ; послѣдніе составляли большинство кореннаго мѣстнаго населенія. Значительная часть кладовъ съ рѣзанцами принадлежала къ малоцѣннымъ,— они были невелики по вѣсу (1—2 ф.); въ нихъ мы видимъ сбереженія и капиталы небогатаго промысловаго люда, собранные въ теченіе многихъ лѣтъ, такъ сказать, по грошамъ. Иначе трудно объяснить огромное количество рубленной и обрѣзанной мелочи и незначительное число цѣлыхъ монетъ въ большей части кладовъ, найденныхъ въ Рязанской губерніи и въ другихъ мѣстахъ Россіи.

Въ Рязанской губерніи находили клады, въ которыхъ на два, на три десятка цѣлыхъ монетъ приходилось по нѣсколько сотъ рѣзанцевъ разнаго вѣса и величины. Мѣстные богачи того времени едвали откладывали въ свои сбереженія ходячую монетную мелочь. По берегамъ Оки изрѣдка попадаются клады, состоящіе изъ однихъ цѣлыхъ диргемовъ, серебряныхъ украшеній и серебряныхъ прутиковъ, въ этихъ кладахъ или совсѣмъ не оказывалось рубленныхъ диргемовъ или ихъ было очень мало. На основаніи содержанія извѣстныхъ намъ кладовъ, открытыхъ въ текущемъ столѣтіи въ Рязанской и прилегающихъ къ ней частяхъ Тульской, Московской, Владимірской и Тамбовской губерніяхъ, можно предполагать, что въ здѣшней мѣстности въ теченіе 3-яго періода было немного богачей; имущественное состояніе населенія, повидимому, было довольно равномѣрно и не представляло рѣзкихъ противоположностей,—съ одной стороны, въ видѣ крупныхъ богатствъ, сосредоточенныхъ въ рукахъ немногихъ, и хронической нищеты огромнаго большинства населенія,—съ другой стороны. Внѣшній бытъ населенія отличался первобытной простотой; жизнь нашихъ предковъ, по своей обстановкѣ, ничѣмъ почти не разнилась отъ жизни дикихъ племенъ, уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ въ Африкѣ, Австраліи и Америкѣ.

Въ началѣ третьяго періода во внѣшней обстановкѣ населенія Ря-

занскаго края не произошло существенныхъ перемѣнъ. Жилища, одежда, украшенія, вооруженіе и орудія сохранили формы второго періода. То же можно сказать о промысловой дѣятельности населенія,—виды промысловъ оставались прежніе, но получили болѣе широкое развитіе. Вообще строй мѣстной жизни не выходилъ изъ той колеи, которую мы наблюдали во второмъ періодѣ. Замѣтныя отклоненія отъ установившихся порядковъ мѣстной жизни обнаруживаются, какъ мы полагаемъ, въ срединѣ третьяго періода. Съ этого времени Рязанскій край, особенно западная часть его, становится ареною важныхъ событій, имѣвшихъ крупныя послѣдствія для мѣстнаго населенія. Западную часть Рязанскаго края занимаетъ пришлое племя, принесшее съ собою отличительную бытовую обстановку, новые промыслы и обычаи. Новые насельники прибыли съ запада или сѣверо-запада. Мы не знаемъ, явились ли они какъ мирные колонисты для занятія свободныхъ мѣстъ въ западной части нашего края, или движеніе ихъ на востокъ по теченію Оки сопровождалось борьбою съ туземцами и вытѣсненіемъ или порабощеніемъ кореннаго мѣстнаго населенія. Будущія археологическія изслѣдованія, вѣроятно, дадутъ намъ болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ значеніи отмѣчаемаго нами факта и, быть можетъ, выяснятъ самый характеръ и причины напыва западныхъ или сѣверо-западныхъ сосѣдей въ предѣлы Рязанскаго края. Въ настоящее время мы воздерживаемся отъ положительныхъ выводовъ какъ о времени, когда совершилось описываемое нами событіе, такъ и о характерѣ его. По нѣкоторымъ признакамъ, въ этомъ движеніи мы склонны видѣть мирную колонизацію сосѣдняго племени въ долину средней Оки. Пришлые колонисты, повидимому, были знакомы съ земледѣліемъ. На мѣстахъ новой осѣдлости они безъ сомнѣнія продолжали заниматься обработкою земли и познакомили мѣстныхъ коренныхъ жителей съ пріемами хлѣбопашества. Между случайными находками, которыя съ большимъ вѣроятіемъ можно отнести ко времени колонизаціи, нерѣдко попадаются обломки желѣзныхъ серповъ.

Къ третьему же періоду относятся слѣды враждебнаго вторженія въ долину средней Оки одного изъ сосѣднихъ племенъ. Непріятели, какъ видно, побѣдили туземцевъ, сидою заняли часть Рязанскаго края и поселились въ немъ. Болѣе ясные, изъ доселѣ извѣстныхъ признаковъ нашествія враговъ на Рязанскій край сохранились въ окрестностяхъ Рязани и на Придорожномъ бугрѣ Борковскаго могильника; весь бугоръ и прилегающія къ нему мѣста покрыты остатками древняго поселка. Только враги—побѣдители могли селиться на могильникахъ предковъ побѣжденнаго населенія. До 1893 года поблизости отъ остатковъ селенія сохранялись слѣды кладбища, очевидно оставленнаго жителями древняго селенія, раскинутаго на Придорожномъ бугрѣ. Кладбище состояло, насколько можно судить по уцѣлѣвшимъ остаткамъ, изъ могилъ съ трупосожженіями. Обрядность похоронъ наводитъ на догадку,

что завоевателями было одно изъ сосѣднихъ славяно-русскихъ племенъ [14]).

Въ срединѣ и въ концѣ третьяго періода не замѣчается крупныхъ перемѣнъ во внѣшнемъ бытѣ населенія. Между богатыми и бѣдными, высшими и низшими представителями мѣстнаго населенія не было чрезмѣрнаго неравенства въ имущественномъ состояніи и въ образѣ жизни, не было глубокой розни въ понятіяхъ и вѣрованіяхъ. Обстановка жизни была крайне проста и несложна. Жильемъ богатыхъ и знатныхъ была небольшая изба съ глинобитною печью по срединѣ и съ черною топкою. Искусство выдѣлывать и обжигать кирпичъ было еще неизвѣстно. Печи устраивали первобытнымъ способомъ: на землю клали слой глины на немъ укрѣпляли остовъ будущей печи изъ тонкихъ вѣтвей, обмазывали его слоями глины до извѣсной толщины и печь была готова. Такихъ же размѣровъ мазанки-шалаши съ тою же примитивною печью защищали отъ холода и ненастья семьи бѣдняковъ. Тѣ и другія жилища, по нашимъ теперешнимъ понятіямъ, одинаково неприглядны и неудобны для жизни. Впрочемъ, подобныя хижины и теперь еще можно встрѣтить въ бѣдныхъ захолустныхъ деревняхъ; всматриваясь въ эти архаическіе образцы родного строительнаго искусства, мы можемъ, довольно близко къ дѣйствительности, возстановить картину нашихъ доисторическихъ градовъ и вѣсей. Прочая обстановка домашней жизни вполнѣ гармонировала съ жильемъ: ручной роботы грубая глиняная посуда, такой же выдѣлки деревянныя ведра и кадочки, желѣзные топоры и ножики составляли главную и необходимую утварь и вполнѣ удовлетворяли потребностямъ хозяйства. У болѣе зажиточныхъ и ботатыхъ людей съ бытовыми предметами мѣстнаго издѣлія встрѣчались и привозныя. Во время раскопокъ изрѣдка попадались болѣе изящной формы и выдѣлки глиняные горшки, обломки желѣзныхъ сковородокъ и мѣдныхъ чашекъ. Повседневную одежду шили изъ грубой шерстяной ткани домашняго приготовленія; въ хо-

---

[14]) Приводя отрывочныя указанія на слѣды событій, совершившихся въ долинѣ Оки въ теченіи третьяго періода, и позволяя себѣ пояснять ихъ своими догадками, мы далеки съ мысли придавать тому и другому значеніе безспорныхъ фактовъ. Въ этомъ случаѣ, мы не стремимся обогатить археологію новыми и довольно смутными фактами,—нами руководитъ желаніе обратить вниманіе лицъ, заинтересованныхъ отдаленнымъ прошлымъ нашей родины, на богатство и разнообразіе археологическихъ памятниковъ, сохранившихся въ долинѣ Оки. Изслѣдованіе подземныхъ остатковъ глубокой старины и серьезное изученіе скрытыхъ въ нихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ обѣщаетъ дать такіе результаты, о которыхъ и не мечтали наши историки и археологи. Грустно то, что родная старина находится возлѣ насъ, можно сказать, лежитъ подъ нашими ногами, остается только протянуть руку и вынести ее на Божій свѣтъ. Однако этихъ рукъ не является и древнѣйшія правдивыя страницы нашей исторіи остаются непрочитанными. Лучшіе пред-

лодное время года носили шубы и полушубки изъ овчины и шкуръ другихъ мѣстныхъ животныхъ. Зажиточные люди употребляли на одежду болѣе красивыя шерстяныя ткани и холстъ иноземной выдѣлки. Богатыя женщины имѣли большое пристрастіе къ нарядамъ и украшеніямъ. Одежда ихъ била въ глаза пестротою цвѣтовъ, блескомъ бронзовыхъ и серебряныхъ бездѣлушекъ и яркими цвѣтами разнородныхъ бусъ. У бѣдныхъ женщинъ замѣтна та же слабость къ нарядамъ, но составъ украшеній у нихъ бѣднѣе по количеству и качеству металлическихъ вещей и бусъ. Оружіе состояло изъ мечей, копій метательныхъ дротиковъ и боевыхъ топоровъ. Богатымъ вооруженіемъ обладали, какъ кажется, только мужчины—воины, принадлежавшіе къ господствующему классу населенія.

Мы не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ данныхъ, которыя могли бы дать намъ правильное понятіе объ общественномъ строѣ въ описываемый нами періодъ. Перенося наше понятіе о формахъ государственной жизни на далекое прошлое, можно было-бы думать, что жизнь, собственность и самыя элементарныя права человѣка ни чѣмъ не были обезпечены въ доисторическій періодъ. На самомъ же дѣлѣ, надъ жизнью нашихъ предковъ не было постоянной угрозы насилія, произвола и разоренія. Отсутствіе стройной государственной организаціи и ея многочисленныхъ агентовъ въ общественной жизни древняго населенія, хотя не исключало возможности случайныхъ бѣдствій, не всегда успѣшно ограничивало произволъ сильныхъ и богатыхъ людей по отношенію къ бѣднымъ и слабымъ и не сдерживало во время стремленія ихъ къ эксплоатаціи послѣднихъ: но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не мѣшало низшимъ классамъ населенія собственными силами бороться какъ съ случайными бѣдствіями, такъ и ограждать себя отъ несправедливой притязательности представителей господствовавшаго класса. Обездоленные и угнетаемые, если не находили средствъ дать отпоръ притѣснителямъ, пользовались послѣднимъ способомъ защиты слабыхъ:

ставители русской археологіи направляютъ свою дѣятельность на изслѣдованія остатковъ старины, разбросанныхъ на далекихъ окраинахъ нашего обширнаго отечества, затрачиваютъ тамъ время, силы, знанія и крупныя денежныя средства;—свое же близкое, родное остается въ забросѣ. Нѣмой укоръ сѣдой русской старины не трогаетъ ихъ. Между тѣмъ, природа и невѣжество людей не дремлютъ, они неустанно ведутъ свою разрушительную работу, съ каждымъ годомъ тотъ или другой цѣнный памятникъ на нашихъ глазахъ безслѣдно исчезаетъ съ лица земли. Никто и ничто не могутъ замѣнить намъ и нашимъ потомкамъ невозвратимой утраты. Крымъ, Кавказъ и Туркестанъ имѣютъ своихъ любителей старины, въ средѣ послѣднихъ есть люди съ достаточной подготовкой для археологическихъ изслѣдованій. Зачѣмъ же наша коренная Русь высылаетъ на окраины своихъ немногочисленныхъ компетентныхъ археологовъ, тогда какъ имъ на много лѣтъ хватило бы работы въ центрѣ Россіи.

они бѣжали съ мѣстъ своей осѣдлости къ сосѣднимъ родственнымъ племенамъ или въ глухіе трущобы непроходимыхъ лѣсовъ. Пересѣчь подобные побѣги не было возможности. Въ то время писанныхъ законовъ не существовало, блюстителей благоустройства и правосудія было слишкомъ мало; охраною порядка и правъ каждаго, защитою отъ насилія и карою для преступниковъ являлись установленные вѣками обычаи,—право мести за обиду, защита общиною своихъ потерпѣвшихъ членовъ и свобода перемѣщенія. Нетолько въ доисторическія эпохи, но и въ историческія времена населеніе древней Руси было очень подвижно. Эта особенность вытекала изъ условій географическаго положенія Руси, быта и характера племенъ, входившихъ въ составъ населенія ея. Древнее населеніе нашего отечества жило небольшими самостоятельными общинами, связанными между собою племеннымъ родствомъ, одинаковыми вѣрованіями, обычаями, сходствомъ развитія и міровоззрѣній. Эта связь между древними общинами не имѣла крѣпкой устойчивости и постоянной прочности; при мирномъ теченіи жизни она до извѣстной степени обезпечивала порядокъ общежитія и гарантировала безопасность членовъ общинъ. При невзгодахъ же, вызванныхъ или междоусобицами родственныхъ племенъ, или вторженіемъ иноплеменныхъ враговъ, разрозненность самостоятельныхъ племенъ вела къ гибельнымъ послѣдствіямъ. Отдѣльныя группы общинъ одного племени или многихъ близкихъ по происхожденію племенъ, несплсченныя въ организованное цѣлое, представляли легкую добычу для воинственныхъ кочевниковъ, переходившихъ изъ Азіи въ Прикаспійскія и Придонскія степи. Отдѣльное племя не могло отразить нападенія болѣе сильныхъ враговъ; сомкнуться же всѣмъ родственнымъ племенамъ противъ общаго врага,—на это у нихъ не хватало ни умѣнья, ни возможности. Много вѣковъ древнее населеніе Окскаго бассейна подвергалось набѣгамъ дикихъ ордъ кочевниковъ. Не имѣя силъ и средствъ отразить воинственныхъ враговъ, имъ оставалось нести ярмо зависимости или бѣжать въ глубь своихъ безконечныхъ лѣсовъ и тамъ искать новыхъ мѣстъ для осѣдлости. Болѣе энергичные и смѣлые изъ туземцемъ, вѣроятно, избирали послѣднюю мѣру. Оставшимся на мѣстѣ приходилось мириться съ потерею независимости и мало по малу привыкать къ подчиненію.

Выше приведенные нами слѣды массоваго передвиженія одного изъ сосѣднихъ племенъ и признаки непріятельскаго вторженія въ Рязанскій край можно разсматривать какъ признаки ослабленія господства хазаръ надъ населеніемъ долины средней Оки. Видимо Рязанскій край начинаетъ ускользать изъ подъ власти хазаръ; послѣдніе были уже не въ состояніи дать рѣшительный отпоръ нападеніямъ враговъ, стремившихся силою захватить сѣверо-западныя области, подчиненныя хазарамъ. „Съ IX стол., говоритъ В. В. Григорьевъ [15]), могущество хазаръ

[15]) Обзоръ политической исторіи Хазаровъ, стр. 20 и 21.

мало по малу стало ослабѣвать. Съ востока отъ рѣки Урала начали напирать на нихъ дикія поколѣнія Печенѣговъ и другихъ народовъ Турецкихъ, а съ Сѣверо-Запада начали отнимать у нихъ владѣнія Князья Русскіе,—Оскольдъ и Диръ; овладѣвъ Кіевомъ, они лишили ихъ дани, платимой жителями сего города, а Олегъ взялъ себѣ, которую давали имъ Сѣверяне и Радимичи. Набѣги Печенѣговъ, безпрестанно подвигавшихся къ западу, заставили хазаровъ отправить въ 834 г. къ Греческому Императору Ѳеофилу посольство съ просьбою прислать имъ искусныхъ людей для построенія на берегу Дона крѣпости, которая защищала бы восточныя границы ихъ владѣній отъ вторженій этихъ дикарей. Ѳеофилъ, исполняя ихъ просьбу, прислалъ имъ ученаго инженера именемъ Петрону, который и построилъ крѣпость, названную Саркеломъ. Въ нее назначенъ былъ горнизонъ, который ежегодно смѣнялся".

Во второй половинѣ X ст. (965 г.) великій князь Святославъ нанесъ сильный ударъ хазарамъ и расшатанному господству ихъ надъ Рязанскимъ краемъ. Населеніе долины средней Оки вскорѣ освободились отъ хазаръ и подпало подъ власть южно-русскихъ князей. Со времени упроченія послѣднихъ въ долинѣ Оки, судьбы Рязанскаго края неразрывно сливаются съ древней Русью.

„Воинственный духъ Руссовъ, говоритъ В. В. Григорьевъ [16]), заставлялъ ихъ искать причинъ для войны съ сосѣдями, здѣсь же кровь единоземцевъ требовала мщенія, и Святославъ, предпринявъ походъ на Хазаровъ, вѣроятно имѣлъ намѣреніе отмстить имъ за разбитіе своихъ единоплеменниковъ. Несторъ не упоминаетъ о причинахъ, побудившихъ къ сему Святослава, а говоритъ только, что въ 965 году, покоривъ Вятичей, послѣднее изъ поколѣній Славянскихъ, которое платило дань Хазарамъ, онъ устремился потомъ на земли сего народа, въ кровопролитной битвѣ побѣдилъ Кагана, предводительствовавшаго войскомъ и взялъ укрѣпленный городъ Хазарскій Саркелъ или Бѣлую Вѣжу. Въ этотъ же походъ завоевалъ, вѣроятно, Святославъ и земли на перешейкѣ Кавказскомъ и по берегамъ Азовскаго моря, принадлежавшія тогда Хазарамъ, и въ послѣдствіи образовавшія Княжество Тмутараканское. Ибнъ-Хаукалъ, повѣствующій о семъ событіи подъ 358 (969) годомъ Геджры, говоритъ, что русскіе перебили въ то время жителей Итиля, Хазаровъ, Булгаровъ и Буртасовъ, разрушили Семендеръ и опустошили его окрестности. Этотъ ударъ сильно потрясъ могущество уже ослабѣвшей державы Хазарской и приготовилъ совершенное ея паденіе".

Покореніе Рязанскаго края совершилось невдругъ. Мѣстное населеніе относилось враждебно къ новымъ завоевателямъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе религіознаго антагонизма. Южно-русскіе князья принимали

---

[16]) Обзоръ политической исторіи Хазаровъ, стр. 23 и 24.

рѣшительныя мѣры для упроченія своего господства и водворенія спокойствія въ занятомъ краѣ. Слѣды нѣкоторыхъ изъ ихъ мѣропріятій сохранились до настоящаго времени. Князья строили небольшія укрѣпленные городки рядомъ или поблизости съ болѣе многолюдными селеніями туземцевъ. Остатки земляныхъ укрѣпленій древнихъ княжескихъ опорныхъ пунктовъ тянутся непрерывною цѣпью по правому возвышенному берегу Оки. Размѣры и характеръ земляныхъ укрѣпленій этихъ городковъ ясно выражаютъ назначеніе ихъ: они служили опорою княжеской власти и наблюдательными постами за непокойнымъ населеніемъ. Въ случаѣ же волненія или возстанія туземцевъ, небольшіе отряды княжскихъ дружинъ, расположенные въ укрѣпленныхъ городкахъ, могли или подавлять безпорядки въ самомъ зародышѣ ихъ, или укрываться за валами и частоколами укрѣпленій и ждать новыхъ подкрѣпленій для усмиренія бунтовщиковъ. Другою не менѣе разумною мѣрою со стороны южно-русскихъ князей было отобраніе оружія у туземцевъ. Проведеніе подобной мѣры не могло быть выполнено съ успѣхомъ вначалѣ покоренія Рязанскаго края; она была осуществлена позднѣе, вѣроятно, въ XI или въ началѣ XII столѣтія. Мы видѣли какимъ обиліемъ оружія владѣла значительная часть мужскаго населенія Рязанскаго края во второмъ періодѣ; большое количество оружія встрѣчается въ мужскилъ могилахъ и болѣе поздняго времени, курганы же XI и XII ст. крайне бѣдны оружіемъ. Отсутствіе оружія и остатковъ конской сбруи при остаткахъ мужскихъ погребеній, относящихся къ XI и XII ст., можно объяснить двояко: или большая часть мѣстнаго мужскаго населенія, поставлявшая конныхъ и пѣшихъ вопновъ, покинула Рязанскій край, не желая подчиняться тяжелымъ порядкамъ новыхъ завоевателей, или—южно-русскіе князья въ XI в. отобрали оружіе у туземцевъ, съ цѣлью обезопасить себя отъ вооруженнаго возстанія своихъ новыхъ подданныхъ. Я нахожу болѣе вѣроятнымъ послѣднее предположеніе, хотя въ дѣйствительности немаловажное вліяніе на обезоруженіе населенія могло оказать и бѣгство части мужчинъ—воиновъ изъ предѣловъ Рязанскаго края.

Главною цѣлью первыхъ русскихъ князей, при расширеніи своего господства надъ туземными племенами, было увеличеніе даней, собираемыхъ съ населенія покоренныхъ областей. Увеличивая число своихъ данниковъ, князья получали возможность содержать большія дружины. При содѣйствіи и поддержкѣ отважныхъ дружинниковъ, князья достигали громкой извѣстности и могущества. Въ Рязанскомъ краѣ первые опыты княжеской дѣятельности въ этомъ направленіи, повидимому, были небезуспѣшны.

Мы уже говорили, что Рязанская губернія богата кладами IX, X и начала XI вѣка; извѣстно порядочное количество кладовъ XIV и XV ст., открыто большое число денежныхъ кладовъ конца XVI и XVII ст. Но мы положительно не знаемъ ни одного найденнаго въ

Рязанской губерніи клада, который можно было бы отнести къ XII ст. Обращая вниманіе на отсутствіе кладовъ изъ эпохи начала образованія Великаго княжества Рязанскаго, мы не можемъ принять результаты дѣятельности первыхъ Рязанскихъ князей и ближайшихъ дружинниковъ ихъ, какъ единственную причину приведеннаго нами наблюденія: трудно допустить, чтобы князья и дружинники имѣли возможность такъ быстро, широко и успѣшно обобрать капиталы и сбереженія своихъ подданныхъ, что послѣднимъ нечего было прятать въ землю. Вѣроятно были и другія причины, способствовавшія ускользанію денежныхъ капиталовъ и драгоцѣнныхъ украшеній изъ рукъ ихъ владѣльцевъ.

Хазары и болѣе древніе властители Рязанскаго края, какъ мы полагаемъ, относились равнодушно къ вѣрованіямъ покоренныхъ ими племенъ, мало вмѣшивались въ исконный строй ихъ быта и главнымъ образомъ ограничивались лишь собираніемъ дани; у нѣкоторыхъ же властителей могло оказаться полное или близкое сходство въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, слѣдовательно не было и повода къ религіозному антагонизму между побѣдителями и побѣжденными.

Южно-русскіе князья совсѣмъ иначе отнеслись къ вѣрованіямъ мѣстнаго населенія. Они не довольствовались данями и иными выраженіями покорности туземцевъ. Князья даже временно, до полнаго водворенія спокойствія и мирной дѣятельности въ завоеванномъ краѣ, не могли мириться съ язычествомъ своихъ новыхъ подданныхъ. Съ первыхъ же годовъ своего пребыванія въ долинѣ средней Оки, князья начали дѣятельную борьбу съ язычествомъ. Кто или что побудило ихъ такъ скоро и рѣзко приступить къ ломкѣ вѣковыхъ устоевъ общественной жизни мѣстнаго населенія,—рѣшить мудрено. Являлась ли эта борьба съ язычествомъ, какъ слѣдствіе личной и необдуманной заботы князей о спасеніи покореннаго населенія отъ нравственной и духовной гибели, или причиною были совѣты и слишкомъ поспѣшное стремленіе православнаго духовенства, сопровождавшаго князей и вліявшаго на нихъ, имѣть болѣе многолюдную паству для своей просвѣтительной дѣятельности, мы не знаемъ. Несомнѣнно только то, что крутое обращеніе неподготовленныхъ закоренѣлыхъ язычниковъ въ православіе было крупной политической ошибкой со стороны первыхъ Рязанскихъ князей. Князья для скорѣйшаго выполненія своей великой задачи не стѣснялись въ выборѣ средствъ. Туземцы, совершенно неспособные понять превосходство новой религіи и проникнуться Божественными истинами христіанства, вслѣдствіе глубокаго невѣжества, упорно сопротивлялись попыткамъ князей оторвать ихъ отъ вѣры, унаслѣдованной отъ длиннаго ряда предковъ. Введеніе христіанства въ Рязанскомъ краѣ на долгое время вызвало общественную смуту, открытую и глухую борьбу населенія съ князьями. При такихъ условіяхъ, замиреніе края надолго затянулось, жизнь населенія была выбита изъ обычной колеи, и новые

порядки дурно отражались на производительной дѣятельности и экономическомъ состоянiи цѣлаго края. Съ другой стороны, результаты крутой борьбы съ язычествомъ далеко не оправдывали надеждъ князей,—христiанство слишкомъ слабо прививалось къ туземцамъ, просвѣтительная сила высокаго ученiя не могла оказать благотворнаго вліянiя на понятiя и нравы язычниковъ. Обращенные съ православiе туземцы едва усвоивали церковную обрядность, не понимая ея сущности, и продолжали оставаться язычниками по своимъ понятiямъ, вѣрованiямъ и образу жизни.

Въ третьемъ перiодѣ въ составъ народонаселенiя Рязанскаго края входятъ новые элементы. Разноплеменность населенiя увеличилась притокомъ значительной массы славянъ, небольшимъ числомъ руссовъ, составлявшихъ ядро княжескихъ дружинъ, и другихъ разнородныхъ иноземцевъ,—искателей поживы и приключенiй,—служившихъ въ дружинахъ князей. Впрочемъ, въ описываемую нами эпоху, княжескiе дружинники представляли бродячiй элементъ,—изъ своей среды они немногихъ выдѣляли въ осѣдлое населенiе тѣхъ областей, куда заносила ихъ судьба. Основу кореннаго мѣстнаго населенiя составляло какъ въ предшествующiй, такъ и въ теченiе третьяго перiода, племя, происшедшее отъ смѣшенiя первобытнаго населенiя каменнаго вѣка съ восточно-финскимъ племенемъ. На основанiи небольшаго количества извѣстнаго намъ антропологическаго матерiала, относящагося къ 3 перiоду, мы заключаемъ, что характеръ коренныхъ жителей Рязанскаго края не потерпѣлъ существенныхъ измѣненiй въ теченiе третьяго перiода и остался такимъ же, какимъ мы нашли его въ перiодѣ образованiя рязанско-окскихъ могильниковъ; физически крѣпкiе и сильные, хорошо приспособленные къ условiямъ мѣстной природы, они, повидимому, отличались болѣе мирными наклонностями, чѣмъ остальное пришлое населенiе, входившее главнымъ образомъ въ составъ господствовавшаго класса. Эта малочисленная пришлая часть населенiя преимущественно тюркскаго и, какъ кажется, славяно-русскаго происхожденiя имѣла другiе навыки, иной характеръ: своевольные и воинственные по натурѣ, самонадѣянные, энергичные и дѣятельные, они питали отвращенiе къ мирной, трудовой жизни, и только преклонный возрастъ или преждевременная потеря силъ и здоровья вынуждали ихъ покидать тревожную походную жизнь, нападенiя, битвы съ непрiятелемъ и охоту. Война была ихъ ремесломъ, охота и пиры забавою послѣ боевыхъ схватокъ. Характерныя черты высшаго класса долгое время сохранялись въ ихъ потомствѣ.

Бытъ и вѣрованiя кореннаго мѣстнаго населенiя остались тѣ же,—расширенiе внѣшнихъ торговыхъ сношенiй отражалось на экономическомъ благосостоянiи края, не поднимая умственнаго и нравственнаго

уровня населенія. Культъ язычества, безъ сомнѣнія, осложнялся; въ концѣ 3 періода въ средней и сѣверной Руси было значительное число волхвовъ и кудесниковъ; первое появленіе ихъ относится, по нашему мнѣнію, къ предшествующему періоду. Развитіе языческихъ вѣрованій въ самомъ себѣ не могло благотворно вліять на умственный ростъ населенія, Рязанскій край со всѣхъ сторонъ окружали полудикія племена, стоявшія на томъ же низкомъ уровнѣ культурнаго развитія,—притока просвѣтительныхъ началъ извнѣ не существовало. Продолжительное господство разныхъ кочевыхъ народовъ надъ населеніемъ долины средней Оки не вносило зародышей высшей культуры въ жизнь края; смѣна иноплеменныхъ властителей могла только примирить населеніе съ потерею самостоятельности и пріучить его къ тупой покорности.

Въ мѣстной природѣ не произошло перемѣнъ къ худшему; въ концѣ 3 періода страна была также богата какъ и во второмъ. Не смотря на то, что человѣкъ хозяйничалъ здѣсь уже много вѣковъ, природа какъ бы не замѣчала его усилій подорвать неисчерпаемыя естественныя богатства.

Вотъ съ какимъ составомъ населенія и запасами естественныхъ богатствъ Рязанскій край вступалъ въ историческій періодъ своего существованія.

Древнее коренное населеніе нынѣшней средней Россіи представляло хорошій матеріалъ, надежную основу для будущаго государства. Недоставало разумной и послѣдовательной въ своемъ стремленіи силы, которыя сплотила-бы разрозненные племена въ одно цѣлое, въ одну могучую народность. Въ потомствѣ южно-русскихъ князей зародилась великая идея объединенія Русской земли. Возникшая идея не замерла, она проникала въ сознаніе князей и многихъ лучшихъ людей древней Руси. Въ средѣ русскихъ князей нашлись талантливые и энергичные сторонники объединенія отдѣльныхъ княжествъ въ одну Русскую державу. Прошли столѣтія, идея съ изумительнымъ успѣхомъ проведена изъ области завѣтной надежды въ самую жизнь; она осуществлена въ колоссальномъ Русскомъ царствѣ.

А. Черепнинъ.

№ 3.

ОЛЕГЪ ИВАНОВИЧЪ,

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ РЯЗАНСКІЙ.

Наставалъ 1350 годъ и Рязань увидѣла князя Олега Ивановича Великимъ княземъ Рязанскаго княжества; но она, глядя на него, не могла разгадать, что скрывалось въ ея будущемъ правителѣ;—Великій князь былъ 12-лѣтній. Кто былъ отецъ Олега? Одни говорятъ, что Великій князь Иванъ Ивановичъ Каратополъ,—другіе говорятъ и доказываютъ грамотами, что онъ сынъ Великаго князя Ивана Александровича. Кто была мать? Это остается для насъ совершенно не извѣстнымъ. Какія впечатлѣнія изъ дѣтства несъ Олегъ въ себѣ на это тоже нѣтъ отвѣта,—въ лѣтописяхъ нѣтъ ни слова и о жизни и дѣлахъ отца его.

Прошло 2 года княженія Олега и близъ его Рязанскаго княжества пролетѣла та страшная болѣзнь, которая тогда звалася черной смертью,-- она издали какъ бы указывала Олегу на массу будущихъ смертей въ его Рязанскомъ княжествѣ, которыя наступятъ не отъ одной грозной черной смерти, но и отъ татаръ: Тогая, царевича Арапши, Мамая, Тохтамыша, князей Московскихъ и Литовскихъ, которые всѣ были для Рязанцевъ похуже даже самой черной смерти.

Эта черная смерть неслась съ Запада, гдѣ она разрушила массу жизней, и какъ бы вторила тому всеобщему разрушенію средневѣковаго западнаго строя жизни, которое тамъ переживалось.

Всюду на Западѣ тогда чувствовалось, что вотъ кончаются вѣка средніе и явно зарождаются вѣка новые.

Взглядъ среднихъ вѣковъ на жизнь, взглядъ мечтательный, аскетическій и фантастическій быстро изъ жизни тогда исчезалъ.

Въ эти мечтанія и фантазіи настойчиво уже вторгались требованія, чтобъ жизнь частная и общественная были установлены на новыхъ, свѣжихъ, жизненныхъ началахъ.

Тамъ засвѣтились свѣтлыя точки для жизни, возникали Университеты.

Олегъ росъ, кто былъ наставникомъ, кто просвѣщалъ,—былъ ли у него такой талантливый руководитель, какъ былъ у его сосѣда Великаго князя Московскаго Дмитрія, впослѣдствіи Донскаго, Митрополитъ Алексѣй, съ обширнымъ государственнымъ умомъ и сильною любовью къ родинѣ, это неизвѣстно,—извѣстно только, что окружающіе его бояре и совѣтники оберегали правленіе въ дни юные Олега,—какъ оберегали Московскіе бояре своего Дмитрія, когда онъ былъ малолѣтній.

Пока бояре править помогали, Олегъ видѣлъ, что дѣлалось вокругъ

его, онъ чувствовалъ, что княжить будетъ ему очень, очень трудно. Ближайшіе и дальніе сосѣди—все недруги, всѣ зорко только смотрятъ, какъ бы воспользоваться и разорвать на части его княжество. Пронскіе князья—враги, князья Московскіе, сильнѣе Пронскихъ,—тоже. Литовскій князь, сильнѣйшій изъ князей, готовъ у всѣхъ все взять; а тамъ вдали татары, о прошлыхъ ихъ набѣгахъ онъ, безъ сомнѣнія, зналъ; онъ зналъ, что вплоть до его княженія, ужъ болѣе столѣтія, современъ Батыя, княжество Рязанское было подъ татарскимъ игомъ и что это иго было сплошнымъ горемъ для населенія и его князей.

О, многострадальная рязанская земля! Сколько она страдала еще и до появленія Батыя,—сколько мѣшали ея жизни набѣги дикихъ, безпокойныхъ половцовъ, кочевавшихъ на югѣ рязанскихъ земель!

Нѣтъ удѣла въ удѣльномъ періодѣ, который такъ бы страдалъ отъ варварскихъ набѣговъ, какъ удѣлъ рязанскій,—нѣтъ князей удѣльныхъ, которые бы болѣе терпѣли, какъ Великіе князья рязанскіе.

Они являлись княжить какъ бы для того, чтобы или страдать за разоренную землю, или погибать болѣе или менѣе мучительною, насильственною смертью.

Вотъ прошлое цѣлаго столѣтія съ Батыя до Олега. Великій князь рязанскій Юрій Игорьевичъ; при немъ прошелъ Батый не съ войскомъ, а съ народомъ въ нѣсколько сотъ тысячъ сплоченныхъ людей. Онъ распиналъ рязанцевъ, какъ въ цѣль стрѣлялъ въ нихъ, все предавалъ огню и убилъ Юрія. За нимъ Великій князь Романъ: его замучили татары по повелѣнію Темира; сынъ его Ѳеодоръ въ два года своего княженія испыталъ два набѣга; братъ Ѳеодора Константинъ взошелъ—его увели въ плѣнъ въ Москву; вступилъ сынъ Константина Василій, его убили въ Ордѣ; затѣмъ, передъ Олегомъ княжилъ Великій князь Иванъ-Коротополъ, онъ такіе испыталъ набѣги, что многострадальная рязанская земля совершенно опустѣла.

Эта грубая варварская татарская сила, эти дикіе властители, налетавшіе на рязанскія земли, не замѣчали, конечно, что среди тѣхъ рязанцевъ, которыхъ они такъ нещадно грабили, разоряли, безчеловѣчно мучили, появлялись люди, которые ясно имъ показывали будущую русскую духовную силу, которая положитъ конецъ господству ихъ, выброситъ изъ русской жизни то, что внесено въ нее жестокимъ татарскимъ сердцемъ, сердцемъ лютаго звѣря для всѣхъ, кто не подчинялся ихъ силѣ. Они, говорю, не замѣчали этой духовной силы, хотя передъ ними часто сіялъ яркій свѣтъ душевной красоты.

Когда послы Батыя потребовали отъ князей рязанскихъ покорности и дани, въ отвѣтъ услышали: „когда насъ одолѣете, все ваше будетъ, а теперь мы не сдаемся“ Передъ ними былъ Великій князь Романъ. Онъ, воодушевленный ученіемъ Христа, вѣря въ божественную силу этого ученія и блага отъ него для всѣхъ людей, вѣру магометанскую охулилъ и терпѣлъ страшныя страданія: „отрѣзоша

ему языкъ и заткнувши уста и начаша рѣзати его по суставамъ и мѣташа розно“.

Князь Ѳеодоръ не боялся смерти, гибъ, но не позволилъ дикому Батыю его звѣрскими глазами глядѣть свою Великую княгиню — красавицу Евпраксію. Когда княгиня, охваченная горемъ, боясь насплій, не захотѣла жить и въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и красоты, отъ нравственной тоски, бросилась съ своимъ младенцемъ въ Зарайскѣ съ высоты своего терема.

Предъ ними промчался сильнымъ вихремъ бояринъ Евпатій Коловратъ, который не стерпѣлъ страданій родной земли рязанской и одухотворяемый любовью къ ней, съ горстью удальцовъ, любящихъ родину, налетѣлъ на несмѣтную побѣдоносную орду татарскую, низложилъ богатыря ихъ Таврула, заставилъ ихъ дрогнуть смертельнымъ страхомъ и, только подавленный многолюдствомъ татаръ, погибъ за родину.....

Олегъ вышелъ изъ малолѣтства, началась самостоятельная его дѣятельность, какъ Великаго князя Рязанскаго, дѣятельность продолжительная, полная тревогъ, заботъ, съ большимъ горемъ и не особенно большою радостью.

Сѣверные лѣтописцы въ своихъ лѣтописяхъ охулили знаменитаго Олега; они находили его робкимъ, малодушнымъ, слабымъ, приходящимъ ото всего въ трепетъ, плачущимъ, не знающимъ что дѣлать, велерѣчивымъ, преждевременно созрѣвшимъ въ порокахъ, жестокосердымъ, измѣнникомъ и совѣтникомъ діавола. Да, все это наговорили, хула эта лежала на знаменитомъ Олегѣ нѣсколько вѣковъ,—но все, что сказано сѣверными тѣтописцами, сказано ими не вѣрно, сказано пристрастно,--правда вышла, хотя черезъ нѣсколько вѣковъ,—но вышла во всемъ блескѣ, когда факты, освѣтились безпристрастнымъ свѣтомъ. Олегъ оказался энергичнымъ, храбрымъ, умнымъ, умомъ гибкимъ и, скажемъ, хитрымъ, но хитрость въ тѣ времена считалась высшимъ достоинствомъ ума, съ душой возвышенной въ извѣстные серьезные моменты его жизни. Онъ оказался любимцемъ княжества и признанъ знаменитымъ.

Первая проба качествъ Олега потребовалась, когда ему было 27 лѣтъ, когда Тогай изъ Мордвы сдѣлалъ внезапный набѣгъ на Рязань, сжегъ Рязань, ограбилъ ближайшія волости и пошелъ спокойно въ свою степь, гордый своимъ могуществомъ. Олегъ быстро собралъ дружину, призвалъ на помощь князей Пронскихъ и Козельскихъ, не убоялся могущества Тогая и, послѣ жаркой битвы, разбилъ и заставилъ гордеца Тогая спасаться бѣгствомъ. Затѣмъ, споря съ Пронскими князьями, сводя старые съ ними счеты и съ ихъ защитникомъ Московскимъ княземъ Дмитріемъ, Олегъ не убоялся войти въ бой съ силами Москвы. Полный энергіи онъ былъ увѣренъ въ побѣдѣ; вѣру въ эту побѣду, зная Олега, раздѣляли и рязанцы.

„Свирѣпые и гордые люди рязанцы, говоритъ лѣтописецъ, до того

вознеслись умомъ, что въ безуміи своемъ начали говорить другъ другу: „не берите оружія, а возьмите только ремни и веревки, чѣмъ можно было бы вязать робкихъ и слабыхъ Москвичей".

Надежды Олега и рязанцевъ на побѣду не оправдались,—съ Московскимъ войскомъ явился сильный знаніемъ военнаго искусства полководецъ Дмитрій Михайловичъ Волынскій, который какъ бы показалъ Олегу, что безъ знаній энергія и сила, какія бы онѣ ни были, могутъ быть безплодны.

Побѣду Волынскій одержалъ, но побѣда надъ Олегомъ не легко ему досталась, иначе лѣтописецъ не заносилъ бы эту побѣду въ лѣтопись такъ торжественно, какъ было имъ занесено: „Господь Богъ помогъ Великому князю Московскому одолѣть рязанцевъ".

Послѣдствія этой битвы были для Олега крайнія, онъ былъ смѣщенъ со своего рязанскаго стола и на немъ посаженъ Пронскій князь Владиміръ.

Но эта побѣда для Москвы была минутной славой.

Олегъ быстро собрался съ силами, вошелъ въ союзъ съ мурзой татарскимъ и не только смѣстилъ Владиміра, но, какъ говорили тогда, и привелъ его въ свою волю.

Какъ всѣ удѣльные князья, такъ и Олегъ сперва стремился только увеличить свои владѣнія; но, затѣмъ, видя какъ Москва и Литва стремятся образовать крѣпкіе центры, вокругъ которыхъ должны были сосредоточиваться сѣверо-восточные и юго-западные удѣлы, нашелъ нужнымъ организовать новый, 3-й центръ, по берегамъ Оки, юго-восточный, около котораго должны были быть сгруппированы юго-восточные удѣлы,—на осуществленіи этого и были главнымъ образомъ сосредоточены вниманіе и энергія Олега.

Сознанія національнаго единства, которое заставляло бы Олега радоваться и льнуть къ окрѣвшему замѣтно центру—Москвѣ, тогда еще ни у кого не было, всякій думалъ исключительно только о своемъ княжествѣ.

Литва Москву тѣснила; Великій князь Тверской, энергіи полонъ, Михаилъ, любимецъ Твери, боролся съ Москвой постоянно, не отдавалъ себя во власть Москвы. Московскій князь искалъ себѣ союзника и, видя энергію и умъ, съ какимъ дѣйствовалъ его сосѣдъ Олегъ рязанскій, въ защитѣ своего княжества, очень желалъ войти въ союзъ съ Олегомъ. Союзъ былъ заключенъ, длился 8 лѣтъ; но отъ этого союза для Олега не было никакой пользы. 4 раза татары набѣгали на рязанскую землю, четыре раза они нещадно грабили и жгли, въ числѣ этихъ набѣговъ былъ набѣгъ царевича Арапши, этого богатыря великана, о подвигахъ котораго послѣ его набѣга шли по рязанской землѣ страшные разсказы. Это тотъ Арапша, который, при его неожиданномъ набѣгѣ на Рязань, схватилъ было Олега въ плѣнъ, и отъ котораго Олегъ отбился весь израненный татарскими стрѣлами. Союзникъ Олега—

Москва спокойно предавалась мирнымъ занятіямъ, тогда какъ рязанская земля заливалась кровью и гибла отъ огня татарскаго.

Москва была крѣпко увѣрена, что татарскіе набѣги не перейдутъ Оку. Да, Ока, эта въ своемъ теченіи прихотливѣйшая изъ рѣкъ средней Россіи, оказывала большую услугу Москвѣ,—она была для Москвы надежная естественная преграда отъ татаръ, она мѣшала имъ изгономъ налетать на Московское княжество. Тягость татарскихъ набѣговъ приходилось выносить Рязанскому княжеству и быть той первой грудью, на которую обрушивалось звѣрство татарскихъ полчищъ, во все время ихъ татарскаго ига,—звѣрства эти выносило княжество Рязанское и тѣмъ давало возможность болѣе крѣпнуть, сердцу русской земли—княжеству Московскому. Прошелъ годъ послѣ набѣга Арапши и вновь тревога, --Мамай шлетъ на Дмитрія и на него, Олега, какъ союзника, большую рать.

Мамай, пришлецъ съ Донской Орды, хотя онъ ханомъ Золотой Орды тогда еще и не былъ, но хановъ ставилъ онъ,—онъ былъ тогда владыкой Золотой Орды, которая уже десятки лѣтъ была охвачена „великою замятней“, кровавыми убійствами ихъ хановъ. Тамъ, послѣ Узбека, одного изъ семи великихъ царей свѣта, ушли со свѣта, съ отмѣткою: „убитъ“, всѣ ханы Золотой Орды, вплоть до прибытія въ нее Мамая.

Въ 15 верстахъ отъ Рязани, на берегахъ р. Вожи, въ Ходынинѣ, произошла битва,—курганы, на которыхъ разбросано Ходынино, напоминаютъ эту жестокую битву. Битва для Мамая была неудачна. Мамай пришелъ въ ярость, онъ не долго искалъ на комъ обрушить ярость гнѣва своего,—хотя Олегъ въ битвѣ и не участвовалъ, но Мамай за союзъ его съ Москвою бросился на Рязань и другіе города княжества и, по обыкновенію, сжегъ ихъ.

Лѣтописецъ говоритъ: „вся земля бысть пуста и огнемъ сожжена“.

Это нападеніе было предвѣріемъ страшной грозы, которая должна была разразиться въ слѣдующемъ году на Куликовскомъ полѣ.

Мамай, разгромивъ Рязань, не успокоилъ своего азіатскаго гнѣва,—онъ всѣ силы употребилъ, чтобы отомстить Дмитрію за пораженіе на р. Вожѣ и заставить бояться его, какъ боялись прежде Батыя и Узбека.

Мамай усилился въ своемъ могуществѣ, сдѣлался ханомъ Золотой Орды, собиралъ и нанималъ отовсюду огромныя силы, звалъ армянъ, черкесъ, ясовъ, генуэзцовъ; всѣхъ ихъ соединилъ съ своими громадными силами и уговорилъ Великаго князя Ягайло идти съ нимъ противъ Дмитрія.

Вотъ какую страшную силу образовалъ Мамай, чтобы сила эта помѣрилась съ силами Великаго князя Московскаго, его союзныхъ князей и князей подручныхъ и произвела бы такую битву, которая была только во время великаго переселенія народовъ, битву страшную, побоище, по-

добное Каталаунскому, около Шалона на Марнѣ, гдѣ Европа, почти за тысячу лѣтъ до этой битвы, билась съ Азіею, гдѣ побѣждался Атилла, бичъ Божій, Атилла, который по преданію, владѣлъ мечомъ самого бога войны, гдѣ рѣшался вопросъ, кому жить и дѣйствовать и кто замолкнуть въ Западной Европѣ долженъ. Тамъ Азія замолкла, здѣсь Куликовская битва должна была татарамъ показать, что пора владычества ихъ миновала и что среди славянъ они должны затихнуть, стушеваться. Къ предѣламъ Рязанскаго княжества съ трехъ сторонъ надвигались громадныя полчища, которыя молва преувеличивала въ нѣсколько разъ. Положеніе Олега, настрадавшагося отъ набѣговъ и разсчетовъ татарскихъ съ нимъ за союзъ съ Москвою, союзъ, который кромѣ несчастій ничего его Рязанскому княжеству не приносилъ, естественно могъ и дѣйствительно впалъ въ тревожное раздумье.

Прежде всего Олегъ не былъ увѣренъ, что князь Московскій Дмитрій вступитъ въ открытый бой съ несмѣтными силами Мамая, онъ думалъ, что тотъ скорѣе уйдетъ въ Новгородъ, а союзники раздѣлятъ между собою его княжество. Онъ сознавалъ, что отъ него зависѣло или много выиграть или много потерять. Онъ рѣшился составить планъ для спасенія своего княжества, и, если удастся, гибели враговъ. Татаръ онъ всей душой ненавидѣлъ; Ягайло тоже не любилъ. Онъ пообѣщалъ Мамаю большую дань и помощь и постарался не дать этой помощи,—вошелъ въ соглашеніе съ Ягайло, союзникомъ Мамая, а въ сущности стремился помѣшать ему соединиться съ силами татаръ. Олегъ не участвовалъ въ Куликовской битвѣ,—не понималъ, скажутъ, того громаднаго значенія, какое битва могла имѣть для общаго дѣла Россіи, онъ оставался въ предѣлахъ узкаго пониманія совершающихся событій,—но что же дѣлали князья Новгородскіе, Смоленскіе, гдѣ былъ князь Нижегородскій, зять Дмитрія? Никого изъ нихъ въ битвѣ не было. Ихъ не только не было, но они ни чѣмъ не участвовали въ успѣхѣ этой битвы. А Олегъ? Олегъ, полонъ любви къ русскимъ, хитрилъ,—хитрилъ такъ, что безъ его хитрости можетъ быть померкла бы слава Куликовской битвы. Вѣдь былъ моментъ, въ исходѣ битвы, когда погибла масса русскихъ, они ужъ ослабѣли, ихъ стрѣлы дождемъ не лились, какъ было это въ разгарѣ битвы, мечи ихъ грозной молніей не блестѣли, войска Мамая ихъ отрѣзали отъ пути Донскаго, притиснули къ р. Непрядвѣ, отбили знамя черное съ ликомъ Божественнымъ Христа, которое Дмитрій взялъ въ походъ съ собою, какъ главную свою защиту,—еще минуты и силы азіатовъ могли бы силу русскую въ конецъ измять и побѣдить.

Вѣдь, возразятъ, спасъ засадный полкъ, который былъ прибереженъ вдали отъ битвы,—да, это вѣрно, воины засаднаго полка, какъ соколы спустились быстро на татаръ, и ихъ заставили бѣжать съ ужаснымъ страхомъ. Но что могъ сдѣлать засадный полкъ, если бы Ягайло, могучій Литовскій князь, появился съ своими свѣжими полками,—за-

садный полкъ не спасъ бы русскихъ отъ татаръ, и не было быть можетъ ихъ побѣды на Куликовомъ полѣ. Кто же задержалъ его вдали отъ Куликовской битвы, вѣдь онъ былъ на сутки только ходу отъ нея? Кто задержалъ?

Олегъ рязанскій.

Олегъ скрывалъ умно-искусно отъ Ягайло, гдѣ былъ съ свойсками Дмитрій. Не даромъ же Литовскій князь былъ внѣ себя отъ гнѣва, когда онъ догадался, что сдѣлалъ съ нимъ Олегъ,—не даромъ же онъ злобно повторялъ: „никогда же убо бывша Литва отъ Рязани учима, нынѣ почто азъ въ безумье впалъ“. Кончилась Куликовская битва и на горѣ громадной, подобія которой ужъ не будетъ, горѣ изъ русскихъ и азіатскихъ труповъ, возсіяло знамя русское съ крестомъ, а знамя лунное татарское легло ему въ подножье на вѣка. Сотни тысячъ народа русскаго ласкали Дмитрія своими благодарными взглядами, а Олегъ рязанскій осыпался пренебреженіемъ и бранью,—никто, кромѣ своихъ рязанцевъ, не понялъ тѣхъ его тонкихъ гибкихъ дѣйствій, какія помогли ему спасти Рязань, а Дмитрію на вѣки имя дать Донскаго.

Битва эта страшно ослабила Московское княжество, но отъ ига и новыхъ татарскихъ нашествій не избавила,—еще нужно было считаться съ новыми ихъ полчищами и главнымъ образомъ считаться Рязани и ея правителю Олегу.

Еще разъ, и уже послѣдній, Москва съ Рязанью заключили мирный договоръ,—договоръ, гдѣ были соблюдены всѣ формы, гдѣ было много обѣщаній и клятвъ, т. е., такой договоръ, какіе заключались въ то время князьями, когда они желали мира,—но о заключеніи договора истиннаго, невѣроломнаго, душевнаго, который только и могъ считаться цѣннымъ, для общихъ русскихъ интересовъ, о такомъ договорѣ еще не думалось, а потому и послѣдствія и этого договора съ Москвою были тѣже, т. е., договорились объ одномъ, а дѣйствовали сообразно обстоятельствамъ, а не договору.

Татары послѣ Куликовской битвы поняли, что ихъ главный и вѣрный успѣхъ—это быстрота и неожиданность; и съ этою то быстротою и неожиданностью, черезъ два года послѣ Куликовской битвы, появился въ самомъ сердцѣ русскихъ земель Тохтамышъ, этотъ 3-й знаменитѣйшій послѣ Батыя и Узбека властитель Золотой Орды, успѣвшій возстановить единство и могущество Кипчакскаго царства и сдѣлавшій еще разъ и уже въ послѣдній разъ ее страшной для сосѣдей, разбившій въ прахъ Мамая и захотѣвшій все взять подъ власть свою, чтобы дань ему платили, какъ при грозныхъ его предкахъ. И тѣ, князья, которымъ даже не грозила близкая опасность отъ Тохтамыша, были такъ испуганы этимъ неожиданнымъ нашествіемъ, что немедленно послали сыновей съ изъявленіемъ покорности. Олегъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, хотяше бо добра не намъ, но своему княжеству, встрѣтилъ Тохтамыша съ покорностью за предѣлами княжества, изъ-

явивъ даже готовность помогать противъ Дмитрія, думая исключительно о своемъ княжествѣ и желая отвратить разоръ своихъ земель. Но кто будетъ такъ суровъ, что обвинитъ правителя, который, видя невозможность вынести безпрестанные набѣги и разореніе своихъ земель, не получая никогда быстрой помощи отъ своего союзника, дѣлается неустойчивымъ въ своемъ договорномъ словѣ, совершаетъ такое дѣло, которое, въ глазахъ современныхъ дѣятелей, и правителей считалось дѣломъ весьма обыкновеннымъ! Но пусть это ляжетъ, на время, на совѣсть Олега, болѣе будетъ ему славы и уваженія, когда будетъ имъ заключенъ душевный договоръ съ Дмитріемъ, дѣйствительно договоръ для вѣчнаго мира и любви, мира изъ рода въ родъ.—Такой договоръ, какой не заключалъ ни одинъ изъ удѣльныхъ князей съ Москвою.

Тохтамышъ не пощадилъ Рязани, возвращаясь изъ Московскаго княжества, онъ разорилъ Рязанское. Прошло немного времени и Московскій князь воспользовался силами, собранными противъ татаръ, вошелъ въ Рязанское княжество „пусто это княжество сотворише и пуще ему быть и татарской рати“.

Олегъ не могъ снести это равнодушно, не могъ считать, что такъ слѣдовало поступить Дмитрію, слишкомъ много жестокости было обрушено на Рязанское княжество; онъ затаилъ злобу, ждалъ три года благопріятныхъ обстоятельствъ и, дождавшись ихъ, бросился на Коломну, одинъ изъ самыхъ зажиточныхъ городовъ тогда въ Россіи, взялъ ее, разорилъ и возвратился въ Рязань.

Отвѣтъ на этотъ набѣгъ былъ отъ Дмитрія,—онъ собралъ многочисленную рать, поручилъ ее Владиміру Храброму, изъ подручниковъ послалъ внука Ольгерда, князя Полоцкаго, князей Тарусскихъ. Олегъ отъ рѣшительной битвы не уклонялся, но въ этой битвѣ ясно показалъ Димитрію, что Олегъ Рязанскій есть сила, съ которой нужно сильно считаться, чтобы привесть его въ свою волю, и что, считаясь съ нимъ, можно потерять и свою волю.

Олегъ чувствовалъ, что сила нынѣ перешла на его сторону, онъ задумалъ быстро повести лелѣянное имъ дѣло, образованіе юго-восточнаго центра, отобрать отъ Москвы многія рязанскія земли, проявить сильнѣе свою энергію и сдѣлать свое княжество могучимъ.

Татары притихли съ набѣгами, у нихъ пошли свои страшные раздоры; Дмитрій значительно пооослабъ послѣ послѣдней битвы съ нимъ, гдѣ онъ потерялъ много бояръ и лучшихъ людей, Олегу было всего 47 лѣтъ, онъ могъ надѣяться успѣть сдѣлать еще многое. А Великій князь Московскій Дмитрій Донской мечталъ только объ одномъ, какъ бы достигнуть мира съ Олегомъ, мира настоящаго крѣпкаго,—но Олегъ, чувствуя свою силу, если и соглашался на миръ, то только при большихъ ему уступкахъ земель, которыми владѣла Москва.

Какія бы послѣдствія были для будущихъ судебъ Россіи, если бы

между Олегомъ и Дмитріемъ шли споры и борьба, кто бы воспользовался ихъ взаимнымъ ослабленіемъ, это, конечно, трудно увѣренно сказать, но сосѣдъ Литва—былъ не изъ хорошихъ. Литва мечтала о подчиненіи себѣ Москвы, она изъ мыслей своихъ этого не опускала. Она была могущественна и много благопріятныхъ обстоятельствъ помогало ей все болѣе и болѣе расти въ этомъ могуществѣ.

Димитрій, видя, что онъ не въ состояніи достигнутъ мира съ Олегомъ, рѣшилъ посѣтить Троице Сергіевскій монастырь и его знаменитаго, по своей святости. основателя игумена Сергія, и просить его помочь ему уговорить Олега покончить распри и жить съ нимъ по душѣ.

Прибывъ въ монастырь, Дмитрій, исполнилъ обычай, прежде начала дѣла, т. е., переговоровъ съ игуменомъ, отслужилъ молебенъ, накормилъ братію, роздалъ милостыню и затѣмъ сталъ просить Сергія помирить его съ Олегомъ.

Сергій согласился и съ старыми московскими боярами прибылъ въ Рязань и остановился около въ Троицкомъ монастырѣ. Онъ былъ у Олега на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ живутъ наши рязанскіе архипастыри. Чудный старецъ Сергій бесѣдовалъ съ Олегомъ о пользѣ душевной, о мирѣ и любви. Сергій своими рѣчами какъ бы вливалъ въ Олега потокъ новыхъ чувствъ, новыхъ взглядовъ и понятій и перерождалъ его духовно.

Душа Олега никогда еще не была тронута прикосновеніемъ такой чистой, безкорыстной души, предъ ними еще не звучали тѣ сердечныя струны, которыя такъ захватываютъ въ свою власть сердце человѣка, пробуждаютъ высшія стороны духовной жизни, творятъ чудо. Все, что было суроваго, мстительнаго, злобнаго по отношенію къ Москвѣ, все исчезло и подъ вліяніемъ преподобнаго Сергія создавался не только новый Олегъ Рязанскій, но вмѣстѣ Олегъ Россійскій.

Невольно вспомнишь и добрымъ словомъ помянешь наше духовенство: какъ многія изъ духовныхъ лицъ были полны любовью къ людямъ, какъ они всѣ силы отдавали, проповѣдуя о пользѣ душевной, о мирѣ и любви между людьми.

Олегъ заключилъ съ Дмитріемъ вѣчный миръ и любовь изъ рода въ родъ, онъ пошелъ рука объ руку съ Москвою, не силою заставленный достигать обще русскихъ интересовъ, а полнымъ душевнымъ согласіемъ. Олегъ этимъ вѣчнымъ миромъ положилъ громадный, крѣпкій камень въ фундаментъ создававшейся тогда Россіи.

Съ этихъ поръ, въ теченіи 15 лѣтняго еще княженія Олега, между Олегомъ и Дмитріемъ была великая любовь. Олегъ скрѣпилъ дружбу бракомъ сына своего Ѳеодора съ дочерью Дмитрія.

Послѣ вѣчнаго мира съ Москвою установились и болѣе спокойныя отношенія съ Тохтамышемъ,—набѣги же кочевниковъ Олегъ обуздывалъ и своею еще спльною рукою бралъ ордынскихъ князей въ плѣнъ.

Усобицы между татарскими ханами все болѣе и болѣе ослабляли монгольское иго.

Если и между нашими удѣльными князьями существовали жестокія распри, то въ этихъ распряхъ какъ бы вырабатывались отдѣльныя части, изъ которыхъ, въ концѣ концовъ, образовалось одно могущественное цѣлое, мощная Россія; усобицы же между татарскими ханами, усобицы болѣе жестокія, гдѣ всѣ почти ханы, за небольшимъ исключеніемъ, погибли насильственною смертью, при отсутствіи идей о необходимости формированія крѣпкихъ центровъ, не смотря на ихъ энергію, доказанную набѣгами и стойкостью въ битвахъ, привели татаръ къ ослабленію и растворили ихъ между другими народностями

Олегъ чувствовалъ, что имъ еще не все сдѣлано для своего княжества, что есть врагъ, и врагъ, серьезный—это Великій князь Литовскій Витовтъ, это 3-й сильнѣйшій князь послѣ Гедимина и Ольгерда, создавшихъ могущество Литвы. Это тотъ Витовтъ, который желалъ расти въ своемъ могуществѣ; не задумываясь, желалъ пріобрѣтать рязанскія и московскія земли, какъ, не задумываясь, перемѣнялъ онъ язычество на католичество, изъ католичества шелъ въ православіе, изъ православія вновь ушелъ въ католицизмъ. Это тотъ могущественнѣйшій государь среди государей Европы, который, не смотря на свою сравнительную образованность, воспользовавшись отсутствіемъ Олега, напалъ на рязанскія земли, пролилъ въ нихъ кровь какъ воду и, ставя рязанцевъ улицами, разсѣкалъ ихъ своими мечами. Онъ былъ ненасытенъ въ славѣ, онъ завидовалъ Димитрію Донскому за его Куликовскую побѣду, хотѣлъ затмить Донскаго, перенести славу побѣды надъ татарами на себя; но есть, вѣроятно, всему предѣлы и этотъ предѣлъ Витовтъ увидѣлъ у рѣки Ворсклы; не смотря на свои громаднѣйшія силы,—славы Куликовской битвы не затмилъ, а былъ жестоко разбитъ татарами и бѣжалъ безславно.

Въ это время Олегъ пошелъ возстановить на смоленскомъ княжествѣ смѣщеннаго Литвою своего зятя Юрія, возстановилъ, забралъ богатую добычу и ушелъ въ Рязань,—но это былъ послѣдній блескъ его боевой славы. Это было въ 1401 году.

Въ 1402 году Олегъ не мнилъ, что конецъ его близокъ, у него еще вспыхнула боева́я энергія, но уже безъ счастья, оно покинуло его, какъ бы находя, что нечего служить тому, кому ужъ скоро будетъ все не нужно.

Былъ іюнь 1402 года, года самаго сумрачнаго для Рязани.

Возлѣ Любутска (около Калуги) Родославъ, сынъ Олега, исполняя волю отца своего, упорно боролся съ Литовскимъ княземъ Витовтомъ, чтобы отвоевать у него Брянскъ, но битва кончилась страшнымъ бѣдствіемъ рязанскихъ войскъ и плѣномъ Родослава.

Еще прошло, можно сказать, лишь нѣсколько мгновеній и 5 іюня

1402 года палъ гнетущій мракъ на всю рязанскую землю. Зашло рязанское солнце на вѣки.—Олегъ простился съ жизнью.

Подавляющее чувство грусти охватило землю рязанскую, когда уныло шелъ церковный перезвонъ, напоминая, что нѣтъ уже Олега, нѣтъ того, кого такъ чтили, такъ искренно любили.....

На высокомъ берегу рѣки Оки, гдѣ впадаетъ въ нее рѣка Солотча, въ 15 верстахъ отъ Рязани, стояла и стоитъ въ серьезной и красивой мѣстности Солотчинская обитель, основанная Олегомъ за 12 лѣтъ до его кончины.—Туда въ каменномъ гробу унесенъ прахъ 65 лѣтняго схимника Іоны, бывшаго въ житейскомъ мірѣ Великаго князя Рязанскаго, знаменитаго Олега.—Въ храмѣ Покровскомъ онъ былъ погребенъ. Прошло три года и около него упокоенъ прахъ монахини Евпраксіи, его жены, Великой княгини Евфросиніи.

Когда рязанцы сошлись, по русскому обычаю, помянуть Олега, конечно, все припомнили объ немъ, какой онъ былъ, чѣмъ дорогъ онъ былъ для рязанцевъ и почему они его такъ искренно любили. Припомнили, какъ величавъ былъ Олегъ въ своей червленной епанчѣ, въ зеленомъ платьѣ, обшитомъ соболями, какъ крѣпко мечь въ своей рукѣ держалъ; какою мощною рукою онъ правилъ княжествомъ; какъ всѣхъ въ своей землѣ сплотилъ; какъ гналъ вражду и ссору путемъ спокойнымъ, не свирѣпымъ; какъ много городовъ построилъ, Рязань строеніями украсилъ, какъ честь рязанцевъ онъ поднялъ во мнѣніи враговъ, какъ не далъ своего княжества въ полонъ Москвѣ, Литвѣ; какъ былъ религіозенъ, духовныхъ чтилъ, имъ помогалъ, обители имъ любимыя народомъ, строилъ; какой былъ семьянинъ; какъ онъ умѣло величаво гостей заѣзжихъ принималъ; какъ онъ любилъ попировать въ дни свѣтлые княженья и какъ пиры его дѣламъ серьезнымъ не мѣшали и его жесткій и упрямый нравъ рязанца въ немъ напоминали.

Олега поминая, народъ его прославилъ,—себя же народъ за прошлое не возвышалъ; онъ, какъ и нынѣ, славу отдавалъ другимъ, себя же забывалъ.

Да, нашъ народъ, какъ тогда, такъ и понынѣ, усиленнымъ трудомъ Россію создаетъ, въ Царѣ онъ Бога видитъ, воюетъ, когда его на бой зовутъ, своею стойкостью и храбростью врага смиряетъ, перекрестясь, спокойно умираетъ съ великой вѣрою въ душѣ.

Рязанцамъ было что вспомянуть: княженіе Олега было самымъ славнымъ и сравнительно самымъ счастливымъ со всѣми предшествующими княженіями;—болѣе 50 лѣтъ Олегъ княжилъ, было горе, но за то были для Рязанцевъ и свѣтлые, душу возвышающіе, дни.

Кончая слово объ Олегѣ, хочется спросить и дать отвѣтъ, что

сдѣлалъ именно Олегъ такого для Рязанцевъ, что ихъ сердца были охвачены такою искреннею къ нему любовью.

Что сдѣлалъ?

Онъ поднялъ уваженіе къ рязанцамъ со стороны татаръ, Москвы Литвы и всѣхъ враговъ рязанскихъ. Татары смотрѣли на рязанцевъ до него, какъ на своихъ рабовъ. Олегъ, говорю, возвысилъ уваженіе къ нимъ, далъ имъ то, что есть самаго цѣннаго въ жизни отдѣльнаго человѣка, группахъ людскихъ и цѣлыхъ народовъ.

Богатство, успѣхи въ жизни, довольство, счастье—все ноль и ноль, если нѣтъ въ основѣ уваженія.

Не успѣли рязанцы помянуть Олега въ сороковой день его кончины, какъ уже вновь неслись къ нимъ съ далекаго юга недобрыя вѣсти: тамъ далеко, въ малой Азіи, въ Галаціи при Ангорѣ, двѣ азіатскія злобы мѣрились, два властелина бились, милліонъ людей гремѣлъ оружіемъ. Тамерланъ бился съ Баязетомъ, Тамерланъ великій ханъ племенъ монгольскихъ, Тамерланъ—Тимуръ—хромецъ желѣзный, который увѣнчавалъ свои побѣды пирамидами изъ череповъ убитыхъ имъ людей, и Баязетъ, передъ которымъ склонялись властители отъ стѣнъ китайскихъ до моря средиземнаго. Да, не принципъ жизни, какъ теперь, былъ тогда въ чести, а принципъ безпощадной смерти.

Какимъ трепетомъ ужаса должны были биться сердца рязанцевъ, когда они, потерявъ Олега, думали о возможности набѣга Тамерлана, который показалъ уже рязанцамъ свою дикость въ набѣгѣ на Елецъ, за нѣсколько лѣтъ до Олеговой кончины. Къ счастью новаго набѣга Тамерлана не случилось, судьба какъ бы ужаснулась надъ массою страданій, какія она насылала на рязанцевъ и сказала: довольно, затихни жестокость!

Исчезъ Олегъ—исчезло, можно сказать, и княжество Рязанское; хотя оно и жило болѣе чѣмъ вѣкъ, но эта жизнь была уже не для величія Рязани,—а Москвы; Рязань, какъ княжество, сливалось съ ней, слилось исчезло, чтобы затѣмъ съ Москвою вмѣстѣ слиться въ могучую Россію. Хотя оно, какъ княжество, исчезло,—но оно Россіей не забыто, оно звучитъ среди тѣхъ царствъ и княжествъ, земель и областей, которыя титулъ державнаго Царя Россіи составляютъ.

Кто знаетъ прошлое, кто безпристрасно судитъ, тотъ, слыша о княжествѣ Рязанскомъ, всегда скажетъ, что Рязань, какъ княжество, въ титулѣ царскомъ есть звѣзда со свѣтомъ, очень яркимъ для Россіи.

А отъ Олега что осталось?—Остались: черепъ, нѣсколько костей и подлѣ нихъ кольчуга. Но эти черепъ, кости и кольчуга цѣлые вѣка

значенья не теряютъ, рязанцы чтутъ ихъ, а многіе изъ нихъ святымъ Олега называютъ. Державная-жъ Россія повелѣла въ гербѣ Рязанскомъ имѣть изображеніе Олега и тѣмъ сказала, что Олега имя знаменито, и что Россія должна нести его съ почетомъ въ грядущіе вѣка.

Въ 5 верстахъ отъ Олеговой могилы есть пустынь, гдѣ схоронена послѣдняя Рязанская Великая княгиня Агриппина. Тамъ, въ Аграфениной Пустыни, природа создала огромный холмъ изъ чистаго песка, но какъ бы хотѣла создать могилу на память княжества и показать на вѣкъ. что прошлое рязанской жизни и ея князей чисто предъ Россіей, какъ чистъ тотъ холмъ, который созданъ ею.

Олега нѣтъ, ушелъ онъ въ невѣдомую даль, но брошенныя имъ отъ сердца сѣмена, при вѣчномъ мирѣ и любви изъ рода въ родъ, взошли могучимъ пышнымъ цвѣтомъ, когда понадобился этотъ цвѣтъ Россіи.

Москва, съ которой Олегъ такъ родственно сошелся, съ которой миръ и любовь изъ рода въ родъ установилъ, когда она страдала, лежала въ пеплѣ отъ враговъ, она изъ первыхъ увидала рязанца, который быстрѣе всѣхъ спѣшилъ спасать отъ гибели ее, то былъ рязанскій думный дворянинъ. начальный русскій человѣкъ—Прокопій Ляпуновъ, тотъ Ляпуновъ, къ которому лишь одному тогда съ довѣріемъ стекались русскіе въ Москвѣ, спасать Россію.

Зарайскій воевода, князь Пожарскій, во время бѣдствія Москвы, не разъ слыхалъ, въ минуты трудныя раздумья,—бодрящія слова рязанца: „князь не страшися смерти за отечество и вѣру". Рязанецъ этотъ былъ священникъ Дмитрій.

Когда избранникъ всей земли Россійской Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ и мать его инокиня Марфа заколебались, не хотѣли дать свое согласіе принять избраніе, думая, что избраніе неустойчиво, шатко, и шесть часовъ колѣнопреклоненной мольбы народной были безуспѣшны. рѣчь сильная раздалась, Михаилъ свое согласіе далъ, и эта рѣчь шла отъ рязанскаго Архіепископа Ѳеодорита: онъ, живя среди Рязанцевъ, воплотилъ въ себѣ все, что думала Рязань во время смутное Россіи.

Еще скажу я про Рязань и больше ужъ не буду, не потому, чтобы не было о чемъ сказать, сказать есть много, но это много ужъ малымъ выйдетъ, когда въ своихъ воспоминаньяхъ я имя Петра Великаго произнесу, Петра, который обновилъ и освѣжилъ Россію, среди народовъ имя ея возвеличилъ и щедрою своею рукою разбросалъ на всемъ ея пространствѣ необъятномъ тѣ зерна, изъ которыхъ росло, ростетъ и рости будетъ могущество и слава нашей родины. Тотъ Великій Петръ, который о себѣ сказалъ: „А о Петрѣ же вѣдайте, что ему жизнь—не дорога, только бы жила Россія".

Библіотека Просвѣщенія

Петръ былъ сынъ рязанской боярыни Натальи Кириловны Нарышкиной. Царица своему Петру много отдала душевныхъ качествъ, которыя помогли ему свершить его великія дѣла; свои же качества Царица, хотя не всѣ, но многія, въ землѣ рязанской воспитала. Когда она скончалась, въ письмѣ Великаго Петра къ сподвижнику его звучало горе и тоска души; тоска такая, что могучій Петръ въ строкахъ письма не въ силахъ былъ изобразить, какая это мать была.

Бѣду свою и печаль, писалъ Великій Петръ, я глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не можетъ, пусто же и сердце".

Рязанецъ! кто-бъ твой предокъ ни былъ—бояринъ, духовное лицо, торговый человѣкъ, или, слуга, какъ прежде называли, христіанинъ, ты можешь, радостно и смѣло въ прошлое своей рязанской родины глядѣть; тамъ, въ прошломъ, предки всѣхъ равнялись въ усердной службѣ родинѣ своей,—тамъ предки всѣхъ сливались въ горячей любви къ ней.

Живи же въ памяти народной изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, Олегъ, Великій князь Рязанскій, знаменитый, и съ нимъ все, что было славнаго и дорогого изъ прошлаго земли рязанской, на благо и славу нашей общей родины—Россіи!

В. Буймистровъ.

№ 4.

ВЗГЛЯДЪ

НА ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ

РЯЗАНСКАГО КРАЯ.

Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Рязанской мужской Гимназіи (25-го Сентября 1895 г.)

Рязань только-что справила свой юбилейный праздникъ, справила его торжественно, радостно, при общемъ сочувствіи всего населенія. Мы всѣ были свидѣтелями и участниками этого празднества и знаемъ, что оно началось, какъ и всякое доброе дѣло, народными молитвами, моленіями пастырей нашихъ, обращеніемъ къ Всевышнему, а также къ патрону нашему св. Василію Рязанскому, сопровождалось грохотомъ пушекъ, блескомъ иллюминаціи, ликованіями народа, тысячами наполнявшаго улицы, и закончилось ВЫСОЧАЙШИМЪ привѣтомъ, вызвавшимъ бурю восторговъ.

Теперь послѣ всей этой суеты, послѣ праздничнаго шума торжества, теперь, когда мы, отдохнувши, можемъ спокойнѣе вглядѣться и вдуматься въ смыслъ его, умѣстно будетъ дать себѣ отчетъ во всемъ этомъ, во всемъ пережитомъ нашимъ городомъ за истекшіе 800-лѣтъ. Поэтому позвольте мнѣ, господа, предложить вашему благосклонному вниманію рѣчь, спокойную и свободную отъ праздничнаго восторга и пафоса, объ историческомъ прошломъ Рязанскаго края. Это празднество наше имѣло понятное историческое значеніе, ибо восьмисотлѣтнее существованіе города, указывая само по себѣ на древность происхожденія, невольно переноситъ насъ въ тѣ давнія времена, когда русская государственная жизнь только что складывалась, когда она переживала свою раннюю молодость.

Въ наше время Рязань есть административный центръ губерніи и только; прежде, какъ говоритъ намъ исторія, она была стольнымъ городомъ отдѣльнаго политическаго цѣлаго, именно Рязанскаго княжества, долгое время существовавшаго независимо и самостоятельно. Княжество это подобно другимъ, испытывало измѣнчивыя судьбы—разрасталось и сокращалось, унижалось и добивалось славы, переживало невзгоды вмѣстѣ съ другими частями Руси и вмѣстѣ съ ними же участвовало въ общихъ радостяхъ отечества.

Прослѣдить, хотя бы въ краткомъ обзорѣ, эти судьбы, возобновить въ памяти выдающіеся моменты историческаго существованія нашего города, а вмѣстѣ съ нимъ и цѣлаго края, за эти 800 лѣтъ, напомнить о той ролп, которую Рязань играла въ общихъ судьбахъ Русской земли—вотъ что будетъ нашей задачей, вотъ чѣмъ съ своей стороны мы можемъ почтить отпразднованный нами 800-лѣтній юбилей.

Археологическія изысканія относятъ основаніе нашего города къ 1095 году, но историческое существованіе края, гдѣ возникъ нашъ городъ, началось гораздо ранѣе и можетъ быть связано съ первыми событіями Русской исторіи.

Мѣстность, занимаемая нынѣ Рязанской губерніей, а прежде послужившая для образованія самостоятельнаго Рязанскаго княжества, расположено, какъ извѣстно, по среднему теченію Оки, по той его части, которая имѣетъ дугообразный, наиболѣе выдающійся къ юго-востоку выступъ. Здѣсь издревле жилъ финскій народецъ Мещера, по имени котораго и донынѣ вся сѣверная половина Рязанской губерніи называется Мещерской стороной. Сосѣдями его были—выше по Окѣ славянское племя Вятичи, а ниже—финскій же народецъ Мурома, городъ котораго, того же названія, вошелъ въ составъ Русскаго государства еще во времена Рюрика. Такимъ образомъ первоначальными властителями этого края, аборигенами его, были финскія племена, грубыя и дикія, пребывавшія въ язычествѣ и невѣжествѣ. Памятникомъ ихъ владычества остались многія мѣстныя географическія названія, напр. Рязань, Ока, Вожа, Киструсъ и др.

Славянское вліяніе, какъ это видно изъ занятія Рюрикомъ города Мурома, стало проникать въ область Оки еще въ первые годы существованія Русскаго государства. Очевидно, Рюрикъ, поселившійся въ Новгородѣ, дѣйствовалъ путемъ, уже ранѣе намѣченнымъ новгородцами, которые, ради торговыхъ интересовъ и движимые своей предпріимчивостью, издавна хаживали по Волгѣ и заходили также въ ея важнѣйшіе притоки. Въ числѣ другихъ и Ока не избѣгла ихъ вліянія. Когда послѣ Рюрика центръ исторической русской жизни перемѣстился на югъ, это могло только способствовать славянской колонизаціи этого края, ибо, какъ извѣстно, первые кіевскіе князья: Олегъ, Игорь, Ольга, Святославъ, Владиміръ, не ограничились обладаніемъ Кіева, а распространили свое владычество и на ближнія, и на дальнія славянскія племена. Такъ племя Вятичи, обитавшее по верхнему теченію Оки, въ сосѣдствѣ съ Мещерою Рязанскаго края, покорено было Святославомъ. А такъ какъ нижнее теченіе Оки съ г. Муромомъ еще ранѣе вошло въ составъ Русскаго государства, то и среднее теченіе этой рѣки, гдѣ образовалось потомъ Рязанское княжество, не могло остаться внѣ вліянія русской княжеской власти. Изъ того, что русскіе князья Владиміръ и его преемники, въ XI столѣтіи, спокойно двигаются съ своими дружинами по мещерскимъ землямъ и ведутъ здѣсь междоусобныя войны, не обращая вниманія на обитателей края, слѣдуетъ заключить, что эти обитатели, т. е. племя Мещера, и не вступали ни въ какую борьбу съ князьями—пришельцами, а подчинились имъ добровольно. Вотъ тогда-то съ покореніемъ, или, правильнѣе сказать, съ завладѣніемъ этого края, славянская колонизація могла мощной струей направиться съ юго-запада, т. е. изъ—при—Днѣпровской Руси.

Вотъ еще съ какихъ поръ возникла здѣсь историческая жизнь!

Движенію этой колонизаціи конечно способствовалъ великій водный путь по Окѣ, являющійся связующимъ звеномъ между Волжской и Днѣпровской системами. Этимъ именно путемъ болгарскіе купцы ѣзжали съ товарами до Кіева; этимъ путемъ магометанскіе проповѣдники изъ земли Болгаръ приходили къ князю Владиміру; этимъ же путемъ славянскіе колонисты изъ земель Кіевской, Черниговской двигались къ Волгѣ, навстрѣчу другой колонизаціи, направлявшейся съ сѣверо запада, изъ

Новгорода. Быть можетъ, на это указываютъ такія географическія названія, какъ напр. Переяславль, Трубежъ, Лыбедь, Вышгородъ и многія другія, которыя, безъ сомнѣнія, давались выходцами новымъ мѣстамъ въ воспоминаніе объ ихъ далекой родинѣ. Пришельцы славяне смѣшивались здѣсь, какъ и въ сосѣдней—Суздальской землѣ, съ первобытными жителями—финнами,—и изъ этого смѣшенія мало-по малу сталъ возникать тотъ мощный великорусскій типъ, которому судьбою суждена первенствующая роль въ Русской исторіи и къ которому и мы съ вами, господа. имѣемъ счастье и гордость принадлежать: этотъ-то типъ и явился истиннымъ создателемъ могучаго и почти необъятнаго Русскаго государства. Онъ возникъ на обширномъ пространствѣ между верхней Волгой съ одной стороны, среднимъ и нижнимъ теченіемъ Оки съ другой стороны; слѣдов. и Рязанская земля внесла свою лепту для образованія этого мощнаго Великорусскаго племени.

Со временъ Святослава, покорившаго Вятичей, и Владиміра св., ходившаго черезъ землю Мещеры на камскихъ Болгаръ, среднее теченіе Оки вошло въ сферу вліянія кіевскихъ князей. Перваго отдѣльнаго князя сторона эта получила при Владимірѣ Святомъ, который отправилъ княжить въ Муромъ сына своего Глѣба. Безъ сомнѣнія, онъ владѣлъ и сосѣдней землей по среднему теченію Оки, т. е. нынѣшней Рязанской землей. При дѣлежѣ русскихъ земель между сыновьями Ярослава Мудраго, Муромо-Рязанскія земли вмѣстѣ съ Черниговомъ достались Святославу Ярославичу, а по смерти его—младшему его сыну Ярославу, который и былъ настоящимъ родоначальникомъ муромо-рязанскихъ князей. Онъ—то и основалъ нашъ городъ подъ именемъ Переяславля, быть можетъ въ воспоминаніе о томъ Переяславлѣ южномъ, въ которомъ онъ провелъ не одинъ годъ своей жизни,—основалъ въ 1095 г., какъ это видно изъ археологическихъ данныхъ.

И хотя въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ встрѣчается упоминаніе о вторичномъ заложеніи Переяславля въ 1208 году при Великомъ князѣ рязанскомъ Романѣ Игоревичѣ и по благословенію перваго епископа рязанскаго Арсенія, но это указаніе относится собственно къ той части Переяславля, которая, въ отличіе отъ кремля, носила названіе острога и гдѣ помѣщались соборъ Борисо-Глѣбскій, архіерейскій домъ и владычняя слобода.

И такъ первое извѣстіе объ основаніи нашего города въ 1095 году остается во всей своей силѣ, и, слѣдовательно, нынѣ исполнилось ровно 800 лѣтъ его существованія.

Любопытно прослѣдить его судьбы за этотъ огромный періодъ времени, и мы вкратцѣ постараемся это сдѣлать теперь, не вдаваясь въ излишнія подробности.

Долгое время Переяславль рязанскій былъ ничтожнымъ городкомъ въ Рязанской землѣ, уступая первое мѣсто другому городу, собственно Рязани, что нынѣ село Старая Рязань близъ г. Спасска. Она—то и была вначалѣ стольнымъ городомъ рязанскихъ князей. Возникла она ранѣе Переяславля, быть можетъ еще въ шестидесятыхъ годахъ XI столѣтія, когда явилась потребность оберечь наиболѣе выдающійся къ юго-востоку выступъ Оки отъ варваровъ—степняковъ—Половцевъ, только что передъ тѣмъ вторгшихся изъ Азіи и быстро раскинувшихъ свои вежи по всему степному пространству нынѣшней юго-восточной Россіи,

Съ тѣхъ-то поръ этому краю, со стороны Оки, равно какъ Кіеву, со стороны Днѣпра, и суждено было вести долгую и упорную борьбу съ варварами—кочевниками, стоять на стражѣ русской народности и оберегать ея цѣлость и свободу. Быть можетъ и самое слово „Рязань", или, по первоначальной орфографіи „Рѣзань", произошло отъ этой нескончаемой рѣзни, которая выпала на долю этого края. Впрочемъ спѣшу оговориться: наши историки, а въ томъ числѣ и почтенный г. Иловайскій, трудамъ котораго мы слѣдуемъ, не согласны принять такое образованіе слова „Рязань", они видятъ его происхожденіе въ финскомъ нарѣчіи.

Кромѣ Рязани и Переяславля въ этомъ краю возникаютъ скоро и другіе городки: Пронскъ, Глѣбовъ, Ростиславль. Очевидно, цѣль ихъ возникновенія одна и таже: они служили оплотомъ отъ вторженія варваровъ; они служили также административными пунктами и очагами для распространенія христіанства. Возникаетъ городъ т. е. укрѣпленіе, и внутри его Божій храмъ. „Заложенъ былъ градъ Переяславль рязанскій у церкви Св. Николы Стараго" говоритъ, напримѣръ, древнее извѣстіе. Мечъ духовный и мечъ свѣтскій дѣйствуютъ заодно; это не есть исключительная особенность только этой страны; такъ было и во многихъ другихъ мѣстахъ. На зарѣ образованія государствъ въ глухихъ и языческихъ странахъ свѣтской и духовной власти приходилось дѣйствовать совокупно. Быть можетъ, еще Глѣбъ Муромскій распространялъ здѣсь христіанство, которое еще долго, цѣлое столѣтіе, не могло здѣсь утвердиться. Такимъ же образомъ дѣйствуетъ и Ярославъ Рязанскій. Онъ стремится утвердить въ этихъ языческихъ странахъ христіанство; когда же его сынъ Михаилъ былъ убитъ язычниками въ Муромѣ, Ярославъ взялъ силой бунтующій городъ и, по преданію, „укротилъ язычниковъ однимъ своимъ появленіемъ передъ ними съ иконою Богородицы. Борьба окончилась побѣдою христіанства, и, по словамъ преданія, даже совершилось торжественное крещеніе муромскихъ язычниковъ на рѣкѣ Окѣ, подобно крещенію кіевлянъ при Св Владимірѣ" (Иловайскій). Почти въ тоже время утвердилось христіанство и по верхнему теченію Оки, среди Вятичей, гдѣ Слово Божіе проповѣдывалъ вначалѣ св. Кукша, который хотя и погибъ здѣсь смертью мученика, но дѣло, имъ посѣянное, не пропало втунѣ: Вятичи скоро присоединились къ христіанству.

Что касается Рязанской земли, то хотя и не сохранилось извѣстій о распространеніи въ ней проповѣди христіанской, но можно предположить, что она шла туда съ двухъ концевъ: изъ земли Вятичей, и изъ земли Муромской, и что христіанство утвердилось въ ней въ тоже время, т. е. въ XII вѣкѣ, и утвердилось безъ борьбы, такъ какъ въ противномъ случаѣ отголосокъ этой борьбы дошелъ бы до насъ въ какихъ нибудь преданіяхъ. Надо думать, что племя Мещера, населявшее Рязанскую землю, не обладало достаточной энергіей для сопротивленія и при встрѣчѣ своей съ славянскимъ элементомъ вездѣ ему уступало и во всемъ подчинялось его вліянію.

Такова была дѣятельность Ярослава Святославича, перваго князя рязанскаго, или, правильнѣе, муромо-рязанскаго. Построеніе городовъ въ новомъ краю и насажденіе тамъ христіанства—вотъ самыя яркія стороны этой дѣятельности.

Въ послѣдніе годы своей жизни, когда онъ остается старшимъ между всѣми князьями Рюриковичами, онъ стремится на югъ для занятія

главнаго стола--Кіевскаго. Но, происходя изъ рода Святославичей, нелюбимаго кіевскимъ населеніемъ, онъ не могъ успѣть въ своемъ намѣреніи: кіевляне пригласили къ себѣ Мономахова сына Мстислава, а Ярославъ долженъ былъ удовольствоваться своимъ родовымъ удѣломъ— Черниговомъ. Но сородичи выгнали его и оттуда, и онъ съ грустью долженъ былъ вернуться въ свой сѣверный удѣлъ, не мечтая уже болѣе о поддержаніи своихъ правъ старшинства. Тамъ, на сѣверѣ въ Муромѣ, онъ и умеръ въ 1129 году.

Со смертью Ярослава прекращается связь между княжествами Муромо-Рязанскимъ и Чернигово-Сѣверскимъ.

Ярославъ еще думаетъ о правахъ старѣйшинства; онъ еще пытается утвердиться на югѣ, но дѣти его не заявляютъ уже никакихъ притязаній ни на старшинство въ родѣ Святославичей, ни на родовыя приднѣпровскія земли. Они остаются въ своемъ глухомъ сѣверо-восточномъ краю, и съ тѣхъ поръ этотъ край совершенно обособляется: княжество Рязанское выдѣляется изъ общей системы удѣловъ и начинаетъ жить своей особой, самостоятельной жизнью, подобно княжествамъ Полоцкому, Галицкому и другимъ.

Впрочемъ, въ церковномъ отношеніи долго еще сохранялась связь между Рязанью и Черниговомъ; только лѣтъ черезъ 70 приблизительно образовалась самостоятельная Рязанская епархія. Первые рязанскіе іерархи назывались „рязанскими и муромскими“, потомъ рязанскими и штатскими“ и наконецъ „рязанскими и зарайскими“. Сперва были епископы, потомъ архіепископы и затѣмъ митрополиты; съ 1723 года разнаго достоинства. Первымъ епископомъ рязанскимъ былъ **Арсеній**, къ болѣе выдающимся, стяжавшимъ себѣ славу, небесную или земную, принадлежали: **Василій**, святитель рязанскій; **Іона**, святитель московскій; **Θеодоритъ**, призывавшій на царство Михаила Θеодоровича Романова; **Мисаилъ**, убитый Мордвою за проповѣдываніе вѣры Христовой; знаменитый сподвижникъ Петра Великаго **Степанъ, Яворскій**, митрополитъ рязанскій погребенный въ здѣшнемъ Архангельскомъ соборѣ; наконецъ **Гавріилъ Бужинскій, Дмитрій Сѣченовъ.**

По смерти перваго князя рязанскаго Ярослава Святославича, приходившагося роднымъ братомъ извѣстному по своей печальной памяти Олегу Горіславичу, всѣ муромо-рязанскія земли достаются его сыновьямъ: Юрію, Святославу и Ростиславу, которые и занимаютъ города: Муромъ, Рязань, Пронскъ. Изъ нихъ Муромъ былъ старшимъ городомъ; Рязань, занимала второе мѣсто; но уже вскорѣ Муромскій удѣлъ обособляется, вслѣдствіе слабости своихъ князей подчиняется вліянію суздальцевъ, блѣднѣетъ событіями, и лѣтописцы почти совсѣмъ теряютъ его изъ вида. Тогда на первое мѣсто выдвигается Рязань. Князья ея трудятся для ея независимости, ведутъ упорную, отчаянную борьбу и съ своими, и чужими: съ одной стороны отбиваются отъ своихъ ближайшихъ сосѣдей--суздальцевъ, стремившихся къ централизаціи сѣверныхъ русскихъ земель, а съ другой стороны они отстаиваютъ существованіе своего удѣла отъ напиравшихъ на него варваровъ—Половцевъ, а потомъ Татаръ. Долго борьба ихъ идетъ неуспѣшно, много зла они терпятъ отъ поганыхъ, немало горя выносятъ и отъ своихъ соплеменниковъ, но все же и на ихъ долю выпадаютъ красные дни, дни радости и славы.

Отъ Ростислава Ярославича идетъ непрерывный рядъ собственно рязанскихъ князей, владѣвшихъ своимъ княжествомъ до самыхъ послѣднихъ временъ существованія удѣловъ на Руси, т. е. почти до конца первой четверти XVI стол.

Быть можетъ, ни одна отрасль Рюрикова дома не отличалась такой воинственностью, такой неукротимой отвагой и въ тоже время такимъ безпокойнымъ характеромъ, какъ отрасль рязанскихъ князей. Живя на русской украйнѣ, среди массы недруговъ, стоя вѣчно на-сторожѣ, они и не могли выработать въ себѣ спокойнаго характера, а жизнь среди грубаго населенія, происходившяго отъ дикарей Вятичей и не менѣе, если не болѣе, дикой Мещеры, неблагопріятно отразилась на ихъ нравахъ и политикѣ, отличавшихся грубостью, жестокостью и вѣроломствомъ. „Нигдѣ не были такъ часты нарушенія крестнаго цѣлованія, измѣны и злодѣйства между родственниками, какъ среди рязанскихъ князей", говоритъ историкъ этого края. Особенно поразительна въ этомъ отношеніи кровавая драма, разыгравшаяся въ 1217 году: рязанскій князь Глѣбъ Владиміровичъ задумалъ повторить злодѣяніе Святополка Окаяннаго; онъ зазвалъ къ себѣ на пиръ своихъ родственниковъ и въ самомъ разгарѣ веселья бросился на нихъ съ своими слугами и всѣхъ ихъ перерезалъ—шестеро князей было убито, а съ ними ихъ бояре и слуги.

Впрочемъ, такія злодѣянія, кажущіяся намъ ужасными, не особенно поражали современниковъ: они не были рѣдкостью въ то время! Достаточно вспомнить преступленіе Святополка, ослѣпленіе Василько, умерщвленіе Игоря Ольговича, Андрея Боголюбскаго.....

Да это и понятно: нравы были еще слишкомъ грубы, просвѣщеніе прививалось еще слишкомъ туго, христіанство не пустило еще глубоко своихъ корней, а обстоятельства складывались неблагопріятно: Азія не переставала выпускать дикія орды кочевниковъ, которые не давали ему возможности заняться на покоѣ домашнимъ дѣломъ—развитіемъ благоустройства и просвѣщенія. Вспомнимъ, что было время удѣловъ, которое вездѣ на Руси отличалось кровавыми междоусобіями. Тѣмъ же отмѣченъ и первый періодъ Рязанской исторіи—періодъ отъ смерти перваго муроме-рязанскаго князя Ярослава Святославича въ 1129 году до вторженія Татаръ въ 1237 году, т. е. въ первое столѣтіе независимаго Рязанскаго княжества.

Я не думаю васъ вести, господа, послѣдовательно за ходомъ событій, совершавшихся въ это время въ Рязанскомъ удѣлѣ: это и утомительно, и мало-интересно. Я укажу только на общій характеръ этихъ событій.

Первые рязанскіе князья этого періода: Ростиславъ, Глѣбъ, Романъ—ведутъ нескончаемые споры и ссоры съ своими родичами—князьями пронскими, и въ эти распри вмѣшиваютъ князей суздальскихъ. Когда же тѣ налагаютъ свою властную руку, рязанцы стараются отъ нея освободиться, ополчаются, заводятъ войны, но каждый разъ ихъ проигрываютъ. Да и какъ же имъ было сладить съ такими могучими князьями, какъ Юрій Долгорукій, Андрей Боголюбскій и Всеволодъ III?

Ростислава Юрій дважды изгоняетъ изъ Рязани; Глѣбъ не больше, какъ подручникъ князя Андрея: онъ участвуетъ въ его походахъ и подъ Новгородъ и подъ Кіевъ противъ Мстислава Храбраго. Всеволодъ наноситъ Глѣбу страшное пораженіе при р. Колакшѣ, берстъ его въ плѣнъ вмѣстѣ съ его сыномъ Романомъ и многими знатными боярами. Въ плѣну Глѣбъ и умираетъ, а Рязань управляется намѣстниками Всеволода цѣлыхъ два года, и только черезъ два года Всеволодъ, по

настоятельнымъ просьбамъ и заступничеству другихъ князей, рѣшается отпустить Романа изъ плѣна, укрѣпивши его крестнымъ цѣлованіемъ и „зѣло его смирише“ говоритъ лѣтопись. Очевидно рѣчь идетъ о совершенной покорности князя рязанскаго Всеволоду III.

Но опытъ и несчастія не образумили рязанскихъ князей: они не смирились, повидимому еще болѣе озлобились и снова взялись за оружіе—очевидно зависимость отъ чужаго князя была имъ черезъ—чуръ тягостна. Въ новой войнѣ успѣхъ былъ опять на сторонѣ суздальцевъ; рязанскіе князья опять были взяты въ плѣнъ. Въ Рязань Всеволодъ послалъ княжить своего сына Ярослава, а по другимъ рязанскимъ городамъ разослалъ своихъ посадниковъ.

Но недолго рязанцы смирялись: они опять подняли возмущеніе, перебили посадниковъ и угрожали Ярославу. Тотъ призвалъ отца. Круто расправился Всеволодъ; очевидно, терпѣніе его истощилось. Онъ приказалъ жителямъ Рязани выйти изъ города съ женами, дѣтьми и съ имуществомъ и затѣмъ городъ сжечь. Жителей увелъ въ плѣнъ и разослалъ ихъ по суздальскимъ городамъ. Такъ закончилась эта продолжительная и трагическая борьба Рязани съ Владиміро-Суздальскимъ княжествомъ: Рязань должна была совершенно ему подчиниться.

Въ такомъ видѣ дѣло находилось до самой смерти Всеволода III послѣдовавшей въ 1212 г. Преемникъ его Юрій, зная злобный, мстительный и безпокойный характеръ рязанцевъ, не захотѣлъ ихъ раздражать, освободилъ князей изъ плѣна, отпустилъ ихъ на родину, причемъ даже щедро ихъ одарилъ, и старался поддерживать съ ними миръ. Наступило спокойствіе, котораго давно не видала Рязанская земля. Но то было затишье передъ бурей—на Рязань обрушилось вскорѣ татарское нашествіе.

Помимо взаимныхъ усобицъ и трагической борьбы съ суздальцами, рязанскіе князья все это время почти не покладали оружія противъ варваровъ азіатовъ—камскихъ Болгаръ и особенно Половцевъ, и то сами совершали противъ нихъ походы, то видѣли ихъ вторженіе на свои земли—вражда была непримиримая и нескончаемая! Ужасное это время было, господа! Но время, наступившее затѣмъ, было еще ужаснѣе: какъ нежданная гроза, разразился татарскій погромъ!

Вторженіе Татаръ, опустошеніе ими не одного Рязанскаго княжества, но и всей Русской земли, и въ концѣ концовъ подчиненіе ея—событія слишкомъ извѣстныя, чтобы долго на нихъ останавливаться. Но мы все же не обойдемъ молчаніемъ выдающихся моментовъ этой грустной исторіи, поскольку она касается Рязанскаго края.

Сказаніе повѣствуетъ, что въ концѣ 1237 года Татары, послѣ разоренія ими Болгарской земли, направились черезъ мордовскія дебри на Русь. Первая русская земля, которой суждено было встрѣтить этихъ новыхъ выходцевъ азіатскихъ, была Рязанская. Ставъ на границѣ ея, татарскій предводитель Батый отправилъ къ рязанскимъ князьямъ пословъ съ требованіемъ выдачи десятой части имущества. Княжившій тогда въ Рязани Юрій Игоревичъ, услышавъ отъ болгарскихъ бѣглецовъ о несмѣтной силѣ татарской, поспѣшилъ собрать на совѣтъ своихъ родичей—князей: брата Олега Краснаго, сына Ѳеодора и пятерыхъ племянниковъ Ингваревичей: Ингваря, Давида, Глѣба, Романа и Олега, а также князей: пронскаго и муромскаго. На совѣтѣ князья рѣшили защищаться и дали посламъ татарскимъ извѣстный отвѣтъ, дышавшій мужествомъ и благородствомъ: „когда насъ не будетъ въ живыхъ, тогда

все будетъ ваше.“ Между тѣмъ рѣшено было послать за помощью во Владиміръ и Черниговъ, а къ Батыю отправлено было посольство съ дарами и просьбой не воевать Рязанской земли. Во главѣ посольства стоялъ сынъ рязанскаго князя Ѳеодоръ. Говорятъ, онъ ласково былъ принятъ Батыемъ; но когда тотъ узналъ, что у него есть жена красавица, и онъ потребовалъ ее къ себѣ, тогда Ѳеодоръ, въ пылу негодованія, отвѣчалъ рѣзкимъ отказомъ, за что и былъ убитъ по приказанію Батыя. Преданіе сообщаетъ, что когда вѣсть объ этомъ дошла до жены Ѳеодора, княгини Евпраксіи, то она въ отчаяніи бросилась съ своимъ сыномъ съ высокаго терема на землю и „заразилась“, т. е. убилась до смерти, отчего будто бы и произошло названіе города Зарайска.

Извѣстное сказаніе передаетъ, что „князь Юрій выступилъ съ братьей противъ Татаръ, и произошла сѣча злая и ужасная: одинъ бился съ тысячами, двое съ тьмами Первымъ палъ князь Давидъ Ингваревичъ. Тогда князь Юрій вскричалъ въ горести души своей: „братія моя милая, дружина ласковая, узорочье и воспитаніе рязаское! мужайтесь и крѣпитесь!“ Удальцы и рѣзвецы рязанскіе бились крѣпко и нещадно, такъ что земля стонала; наконецъ полки татарскіе одолѣли, князья были всѣ перебиты, кромѣ Олега Ингваревича, попавшаго въ плѣнъ.“

Однако-жъ въ достовѣрности этого сказанія можно сомнѣваться: едва-ли происходила битва въ полѣ. Вѣрнѣе всего, рязанскіе князья, не получая ни откуда помощи, затворились въ своихъ городахъ. 16-го декабря Татары осадили Рязань (надо помнить, что это нынѣшнее село старая Рязань). Пять сутокъ граждане, ободряемые великимъ княземъ, отбивались отчаянно, но наконецъ изнемогли, и на шестыя сутки, 21 декабря, Рязань была взята. Татары ворвались въ городъ, и тогда послѣдовало общее избіеніе жителей. Великій князь Юрій Игоревичъ былъ убитъ; супруга его, ея родственницы и многія боярыни, искавшія спасенія въ соборномъ храмѣ, также были убиты или сожжены вмѣстѣ съ храмомъ. По разореніи Рязани Татары опустошительнымъ потокомъ разлились по всей Рязанской землѣ, предавая все грабежу, мечу и пламени. Переяславль, Пронскъ и другіе города были разорены и сожжены; нѣкоторые города никогда потомъ и не были возстановлены изъ пепла, наприм. Бѣлгородъ, Ижеславецъ, Борисовъ-Глѣбовъ. Никогда и ни отъ кого Рязанская земля не подвергалась такому страшному опустошенію, какъ отъ Татаръ. Казалось, все было уничтожено: сожжено или перебито. Татары оставляли за собой одни трупы, и тѣмъ поразительнѣе было для нихъ нападеніе съ тыла нѣкоего богатыря рязанскаго Евпатія Коловрата, смявшаго задніе полки татарскіе и побившаго немало враговъ,—словомъ, какъ говоритъ преданіе, „съ честью проводившаго“ нехристей басурманъ.

По уходѣ Татаръ въ Суздальскую землю, оставшіеся въ живыхъ жители злосчастнаго Рязанскаго княжества повыходили изъ лѣсовъ, изъ дебрей Мещерской стороны, гдѣ они искали спасенія отъ врага, и принялись за погребеніе мертвыхъ и за возстановленіе своихъ пепелищъ. Явился и князь—Ингварь Ингваревичъ, единственный уцѣлѣвшій изъ всѣхъ рязанскихъ князей: во время погрома онъ находился въ Черниговѣ, куда посланъ былъ великимъ княземъ рязанскимъ Юріемъ Игоревичемъ просить помощи. Все 15-лѣтнее княженіе его посвящено было заботамъ объ устройствѣ разореннаго княжества. Ни о какомъ сопротивленіи Татарамъ не могло быть и рѣчи, и Ингварь, наравнѣ съ

другими русскими князьями, долженъ былъ являться въ Орду для выраженія покорности и принесенія дани.

Ингварю наслѣдовалъ братъ его Олегъ, отпущенный Татарами изъ плѣна, затѣмъ сынъ Олега—Романъ, а потомъ сыновья и внуки Романа. При нихъ началась для рязанцевъ новая эпоха—эпоха борьбы съ Москвою.

Маленькое княжество Московское едва успѣло образоваться, какъ ужъ открыло наступательную политику Московскіе князья, преемники князей суздальскихъ, преемники ихъ дѣятельной, осторожной, разсчетливой, дальновидной и вѣрно направленной политики, вступили въ борьбу со всѣми сосѣдними княжествами, имѣя въ виду конечную цѣль—прибрать ихъ къ своимъ рукамъ. Этой участи не избѣгло и Рязанское княжество. Но дорого оно продало свою свободу: цѣлыхъ два столѣтія отбивалось оно отъ сильной Москвы и только ужъ подъ конецъ, изнемогши, должно было признать надъ собою ея власть. Эта эпопея борьбы полна не меньшаго, если не большаго драматизма, какъ и предшествовавшая борьба Рязани съ Суздалемъ. Но мы не будемъ передавать ее въ подробностяхъ; наша задача—отмѣтить только этотъ фактъ и при случаѣ указать на болѣе выдающіеся его моменты.

Въ эту эпоху воюющіе князья прибѣгали къ тѣмъ же средствамъ борьбы, какъ и въ былое время: какъ и прежде, нарушали нерѣдко крестное цѣлованіе, клеветали другъ на друга; какъ и прежде, совершали возмутительныя звѣрства и злодѣянія; какъ и прежде, обращались за помощью къ своимъ врагамъ—иноплеменникамъ; прежде, призывали Половцевъ, а теперь стали призывать Татаръ. Рѣдкая страница исторіи тогдашнихъ княжествъ не отмѣчена безотрадными фактами этого рода.

Вотъ князь московскій съ татарскими полчищами разбиваетъ рязанцевъ и опустошаетъ ихъ область. А вотъ и рязанцы не остаются въ долгу, приводятъ цѣлыя толпы Татаръ и нейстовствуютъ съ ними въ Московской землѣ. Пронскій князь идетъ на рязанскаго, ему помогаютъ Татары; рязанскій на Пронскаго—и съ нимъ идутъ также Татары. Убійства слѣдуютъ за убійствами... Вотъ примѣры:

Константинъ Ярославичъ, князь рязанскій, не смотря на вспомогательные татарскіе отряды, разбитъ княземъ московскимъ Даніиломъ Александровичемъ въ 1301 году, взятъ въ плѣнъ и потомъ въ плѣну умерщвленъ.

Сынъ его Василій чѣмъ—то навлекъ на себя гнѣвъ Татаръ, которые убили его и воевали его область.

Слѣдующій князь, Иванъ Ярославичъ, умерщвленъ въ Ордѣ.

Сынъ его, Иванъ Коротополъ, схватилъ двоюроднаго брата свего, князя пронскаго, и приказалъ его убить, но и самъ вскорѣ потерпѣлъ туже участь.

Въ этихъ сценахъ вѣчныхъ раздоровъ, татарскихъ опустошеній и братоубійственныхъ войнъ заключается почти вся исторія тогдашнихъ междукняжескихъ отношеній—грустная, безотрадная исторія!

Но вотъ горизонтъ проясняется, и наши взоры отдыхаютъ при видѣ славнаго и продолжительнаго княженія знаменитаго Олега Рязанскаго.

Никогда Рязанское княжество, ни прежде, ни послѣ, не достигло такой относительной силы и величія, какъ при князѣ Олегѣ. И это

мы должны поставить въ личную заслугу князя. Обладая обширнымъ, свѣтлымъ умомъ, несокрушимой энергіей и способностью умѣло и находчиво разбираться въ запутанныхъ политическихъ отношеніяхъ, онъ ловко пользовался обстоятельствами, и чрезъ это сумѣлъ придать небывалую мощь своему княжеству, а своей дѣятельности сообщилъ такой характеръ, что пользовался значеніемъ и уваженіемъ какъ отъ Золотой Орды, такъ и со стороны своего могущественнаго сосѣда—Москвы. Пятидесятилѣтнее княженіе его (1350—1402), охватывающее всю вторую половину XIV вѣка, полно самыхъ разнообразныхъ трудовъ, увѣнчавшихся блестящими результатами.

Во 1,) онъ отбилъ наступательное движеніе Москвы, поддержавъ надолго уже колебавшуюся самостоятельность Рязанскаго княжества. Въ своей упорной борьбѣ съ Москвою Олегъ хотя неразъ терпѣлъ отъ нея пораженія, за то и самъ нерѣдко наносилъ ей чувствительные удары, такъ что московскій князь Дмитрій Донской вынужденъ былъ оставить свою воинствующую политику и заключить съ Олегомъ вѣчный миръ. Въ посредники для переговоровъ онъ выбралъ Сергія Радонежскаго, только на него одного надѣясь, что онъ своею святостью сумѣетъ укротить неукротимаго князя, Пѣшкомъ отправился святой старецъ въ Переяславль Рязанскій, столицу Олега Переночевавъ въ подгородномъ Троицкомъ монастырѣ, святитель на другой день долго бесѣдовалъ съ княземъ о мирѣ и любви и своими тихими, кроткими рѣчами такъ повліялъ на суровое сердце Олега, что „томъ умилился душою, забылъ свою вражду и заключилъ съ Дмитріемъ вѣчный миръ и любовь въ родъ и родъ.“

Во 2,) Олегъ по возможности оберегалъ свое княжество отъ татарскихъ опустошеній, старался видимой покорностью и исправнымъ платежемъ дани снискать къ себѣ расположеніе хановъ Золотой Орды. Вначалѣ онъ еще пробовалъ бороться съ Ордою; но дорого обошлись ему эти попытки: Татары часто и жестоко платили ему за сопротивленіе. Въ 1377 году татарскій царевичъ Арапша внезапнымъ набѣгомъ не только захватилъ г. Переяславль, но и самого князя взялъ было въ плѣнъ,—тотъ успѣлъ вырваться и убѣжать, весь израненный татарскими стрѣлами.

Въ слѣдующемъ году, неподалеку отъ нынѣшней Рязани, на берегу р. Вожи, тамъ, гдѣ теперь расположено село Ходынино, произошла извѣстная битва съ мурзою Бегичемъ; Татары были на-голову разбиты, но за это опять поплатился Олегъ: Мамай, раздосадованный неудачей, бросился на Рязанскую область, чтобы выместить на ней свою злобу. Онъ страшно ее опустошилъ, города и села пожегъ, множество жителей увелъ въ плѣнъ. Что оставалось дѣлать Олегу? Смириться, хитрить, лавировать, чтобы окончательно не погубить своего достоянія. Такъ онъ и поступилъ во время извѣстнаго нашествія Мамая на Русь въ 1380 г. Мы не намѣрены здѣсь разбирать роль Олега въ общемъ дѣлѣ русскомъ въ достопамятный годъ Куликовской битвы, но съ своей стороны полагаемъ, что иначе онъ не могъ поступить. Въ этомъ еще нельзя видѣть измѣну, что Олегъ не присоединился къ московскому ополченію, шедшему противъ Мамая. Полки новгородскіе, нижегородскіе, смоленскіе, тверскіе также не участвовали въ этомъ предпріятіи, не участвовали не по робости, не по измѣнѣ, но просто изъ областныхъ интересовъ. Москва тогда еще не олицетворяла собою общерусскаго начала; на борьбу ея съ врагами смотрѣли, какъ на борьбу всякаго другого княжества, и,

можетъ быть, втайнѣ даже желали ея униженія. Не могъ отъ такихъ взглядовъ отрѣшиться и Олегъ Рязанскій. Не принимая участія въ борьбѣ противъ Мамая, онъ просто „спасалъ свою шкуру" какъ говорится Чего же онъ достигъ черезъ это? Лавируя между Мамаемъ и Дмитріемъ, ведя двусмысленныя сношенія съ Ягайло Литовскимъ, онъ не далъ возможности во время соединиться Татарамъ и Литовцамъ и черезъ это, можетъ быть, содѣйствовалъ пораженію Мамая. А между тѣмъ область его спаслась отъ разоренія, дружина уцѣлѣла, враждебный сосѣдъ ослабленъ.

Кромѣ Москвы и Татаръ, Рязанскому княжеству грозили еще новые враги—Литовцы. Въ своемъ воинственномъ стремленіи къ расширенію предѣловъ государства Литовцы увлеклись быстрыми побѣдами надъ Русью приднѣпровской и кинулись на берега Оки, порываясь овладѣть землями московскими и рязанскими. Но тутъ встрѣтили они достойныхъ соперниковъ въ лицѣ Дмитрія Донскаго и Олега Рязанскаго. Олегъ не разъ схватывался съ Литовцами и не допустилъ ихъ распространенія къ востоку.

Что касается мелкихъ сосѣднихъ князей, то Олегъ сумѣлъ ихъ подчинить своей волѣ: князья пронскіе, муромскіе, козельскіе, елецкіе были не больше, какъ его подручники. Почти во всѣхъ внѣшнихъ войнахъ Олега они явились его постоянными союзниками.

Во внутреннемъ отношеніи дѣятельность Олега не менѣе замѣчательна; она отмѣчена не только правительственными заботами о благосостояніи и благоустройствѣ родного края, но и построеніемъ новыхъ городовъ и храмовъ. Большая часть памятниковъ старины въ нынѣшней Рязанской губерніи связана съ его именемъ. Въ самомъ городѣ Рязани, бывшемъ Переяславлѣ рязанскомъ, ставшемъ окончательно съ временемъ Олега столицею Рязанскаго княжества, сохранились храмы и княжескія палаты—плодъ строительной дѣятельности знаменитаго князя. Потомство отплатило ему благодарной памятью за все это: оно не помнитъ ни одного князя изъ своего давняго прошлаго, но хорошо помнитъ Олега, и каждый остатокъ старины готово приписать его имени. А простой народъ считаетъ его чуть не за святаго: въ Солотчинскомъ монастырѣ, расположенномъ по близости Рязани и воздвигнутомъ тоже Олегомъ, въ 1390 г., сохраняется кольчуга Олега, которую окрестные поселяне считаютъ святостью и во время болѣзни надѣваютъ на себя въ надеждѣ получить отъ нея исцѣленіе. Въ этомъ же монастырѣ покоятся останки князя и его супруги Евфросиніи.

Какъ извѣстно, изображеніе Олега составляетъ гербъ Рязанской губерніи. Но я думаю, что этой памати для такого славнаго князя мало. Въ виду заслугъ, оказанныхъ княземъ для Рязанскаго края и прославившихъ его имя на вѣки вѣчные, не мѣшало бы воздвигнуть ему монументъ, и нынѣ, во дни восьмисотлѣтія его столицы, такъ умѣстно было бы поднять объ этомъ вопросъ.

Пускай и позднѣйшее потомство сохранитъ живую память о князѣ, который такъ много положилъ трудовъ ради славы и могущества своего края и образъ котораго возстанетъ передъ нами еще величественнѣе, если мы вспомнимъ, что знаменитый князь пытался создать изъ своего княжества такой же центръ для юговосточной русской украйны, какой князья суздальскіе создали на сѣверѣ, а литовскіе на западѣ. Не удалось ему это сдѣлать, но въ этомъ не его вина.

Время Олега было цвѣтущимъ періодомъ Рязанскаго княжества. Пос-

лѣдующая эпоха представляетъ только постепенный упадокъ этого княжества, которое, не въ состояніи будучи бороться съ все возростающимъ могуществомъ Москвы, мало по малу приходитъ отъ нея все въ большую и большую зависимость и затѣмъ окончательно сливается съ нею. Пятнадцатый вѣкъ и есть вѣкъ этого постепеннаго подчиненія княжества; окончательное же слiяніе совершилось въ 1520 году при князѣ Иванѣ Ивановичѣ.

Такимъ образомъ Рязанское княжество существовало около четырехъ съ половиной вѣковъ и дольше всѣхъ отстояло свою самостоятельность изъ всѣхъ удѣльныхъ княжествъ Восточной Руси.

Съ 1520 года оно дѣлается не болѣе, какъ областью Московскаго государства, и управляется намѣстниками московскаго князя, которые стали имѣть свое пребываніе въ бывшей столицѣ княжества—въ Переяславлѣ, т. е. въ нынѣшнемъ городѣ Рязани. Первымъ такимъ намѣстникомъ былъ Хабаръ Симскій, извѣстный по оборонѣ Переяславлѣ отъ крымскихъ татаръ.

Вотъ какія судьбы претерпѣлъ нашъ городъ за все время самостоятельнаго существованія княжества. Основанный въ 1095 году, слѣдовательно ровно 800 лѣтъ тому назадъ, онъ долго оставался ничтожнымъ городкомъ не только вообще среди городовъ русскихъ, но и въ своемъ собственномъ княжествѣ, раздѣляя вмѣстѣ съ нимъ его судьбы, вмѣстѣ съ нимъ неся его тяготы и вмѣстѣ съ нимъ радуясь его радостями. Затѣвается-ли походъ на Половцевъ, готовится ли борьба съ Суздалемъ, съ Москвою, приходится ли обороняться отъ Татаръ—вездѣ съ рязанскими князьями участвуютъ и жители Переяславля. Въ виду его удобнаго положенія, онъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошо укрѣпленный пунктъ, привлекъ къ себѣ послѣ татарскаго погрома вниманіе рязанскихъ князей, и они перенесли въ него свою резиденцію—но когда это совершилось, въ точности неизвѣстно; вѣроятно во второй половинѣ XIII вѣка Въ это же время городъ получилъ себѣ и патрона въ лицѣ святого епископа Василія, приплывшаго, какъ извѣстно, на мантіи по Окѣ, вверхъ теченія, изъ Мурома къ городу Переяславлю, здѣсь проведшаго остальную святую жизнь свою и здѣсь пріявшаго блаженную кончину въ 1295 году Слѣдовательно, нынѣ совершилось также 600 лѣтъ дня этого событія, которое мы съ благоговѣніемъ нынѣ чествовали.

Дальнѣйшая исторія Рязанскаго края сливается съ исторіей Москвы и вообще съ исторіей Руси. Вмѣстѣ съ жителями другихъ присоединенныхъ областей, рязанцы несутъ службу московскому государю, участвуютъ въ его походахъ, ратуютъ за его дѣло, ставшее дѣломъ не московскимъ только, не обще-русскимъ, обще-государственнымъ. Въ частности, они оберегаютъ южную границу Московскаго государства отъ новаго врага—отъ Крымскихъ Татаръ, которые досаждали Руси не менѣе Татаръ Золотой Орды. Вотъ тогда-то и возникаютъ рязанскіе города: Данковъ, Сапожокъ, Михайловъ. Они, какъ укрѣпленные и пограничные пункты, должны были стоять на стражѣ противъ враговъ, вихремъ налетавшихъ съ южныхъ степей. На боевое значеніе этихъ пунктовъ указываютъ и доселѣ сохранившіяся названія пригородныхъ слободъ: Сторожевая слобода, Казачья, Стрѣлецкая, Пушкарская.

Что сказать о дальнѣйшихъ судьбахъ Рязани? Потерявъ независимость, она ни разу не пыталась вернуть ее, но честно и вѣрно служила

новому правительству, радѣя объ общей пользѣ русской. Въ Смутную эпоху она выставляетъ доблестнаго героя Прокопія Ляпунова, доблестнаго пастыря—архіепископа Ѳеодорита, въ числѣ другихъ пословъ ѣздившаго въ Ипатіевскую обитель умолять прійти на царство юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова.

Рязань долго управлялась воеводами московскаго царя, а потомъ, съ учрежденіемъ губерній при Екатеринѣ II, получила отдѣльнаго губернатора съ 1778 года. Такимъ образомъ въ этомъ году она стала губернскимъ городомъ каковымъ остается и доселѣ Въ 1804 году въ ней открыта была наша гимназія, центръ умственнаго просвѣщенія края.

Вотъ вкратцѣ судьбы нашего города, восьмисотлѣтній юбилей котораго мы только что торжественно отпраздновали. Пожелаемъ же нашему граду всякаго благополучія и преуспѣянія въ дѣлѣ матеріяльнаго, умственнаго и нравственнаго совершенствованія, а также честно, вѣрно и достойно своихъ предковъ служить Богомъ данному намъ Государю и нашему общему отечеству,—великой матушкѣ Россіи!

Залѣсовъ.

№ 5.

СТЕФАНЪ ЯВОРСКІЙ,

МИТРОПОЛИТЪ РЯЗАНСКІЙ И МУРОМСКІЙ.

Молитвенно воспоминая нынѣ Святителя Василія, перваго Епископа Рязанскаго, за 600 лѣтъ предъ симъ свято почившаго, не забудемъ помянуть также и преемниковъ его, въ продолженіе шести вѣковъ трудившихся въ управленіи помѣстною рязанскою Церковію. Но изъ числа 36 Епископовъ, 8 Архіепископовъ и 5 Митрополитовъ, преемственно занимавшихъ каѳедру рязанскихъ Святителей, по преставленіи перваго Епископа Рязанскаго, заслуживаетъ особеннаго памятованія нашего Митрополитъ Рязанскій и Муромскій Стефанъ Яворскій, по его обширной и многоплодной архипастырской дѣятельности на пользу не одной Рязанской епархіи и присоединенной къ ней епархіи Тамбовской, но и всей православной Русской Церкви, въ качествѣ Блюстителя и экзарха святѣйшаго всероссійскаго патріаршаго престола и Президента Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Посему краткое жизнеописаніе сего Святителя да послужитъ съ нашей стороны хотя слабымъ выраженіемъ нашей благодарной памяти о Святителѣ, составляющемъ поистинѣ славу и гордость Рязанской епархіи.

Преосвященный Стефанъ, въ мірѣ Симеонъ, родился въ Малороссіи, именно въ селѣ Красиловкѣ Козельскаго уѣзда Черниговской епархіи; но болѣе достовѣрнымъ представляется другое свѣдѣніе, по которому родиною Преосвященнаго Стефана слѣдуетъ считать городъ Нѣжинъ, принадлежавшій къ Кіевской епархіи: здѣсь жили братья Преосвященнаго, изъ коихъ одинъ былъ протоіереемъ; здѣсь же Преосвященный на собственныя средства построилъ сначала церковь во имя Благовѣщанія Пресв. Богородицы, а потомъ подлѣ этой церкви Благовѣщенской монастырь, названный имъ „Нѣжинскій Богородичный Назаретъ“.

Родители Преосвящ. Стефана принадлежали къ шляхетскому сословію и имѣли достаточныя средства къ содержанію и воспитанію дѣтей. Изъ числа дѣтей Симеонъ получилъ образованіе въ Кіевской Академіи и въ заграничныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. По окончаніи образованія онъ принялъ монашество съ именемъ Стефана и вскорѣ поставленъ игуменомъ Никольскаго пустыннаго монастыря Кіевской епархіи. Какъ прекрасно образованный монахъ, Стефанъ Яворскій пользовался въ Южной Россіи славою ученаго проповѣдника.

Въ 1700 году Кіевскимъ митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ Яворскій былъ отправленъ въ Москву къ Патріарху Адріану съ просьбою о посвященіи его въ Епископа на вновь учрежденную Переяславскую епархію (Переяславль нынѣ уѣздн. гор. Полтавской епархіи). Въ это время въ Москвѣ скончался фельдмаршалъ боярин Алексѣй Семеновичъ Шеинъ. Желая оказать особую почесть усопшему, Петръ I велѣлъ устроить великолѣпные похороны и произнести надгробное слово. Проповѣдниковъ въ виду не было, стали искать и не находили; но кто-то, въ присутствіи Государя, упомянулъ о недавно пріѣхавшемъ въ Москву ученомъ игуменѣ Стефанѣ, какъ извѣстномъ въ Кіевѣ про-

повѣдникѣ. Его призвали и поручили ему сказать надгробное слово. Не смотря на то, что недоставало времени и не имѣлось удобнаго мѣста къ приготовленію, Стефанъ составилъ и произнесъ слово, которое произвело на всѣхъ прекрасное впечатлѣніе, и Петръ Великій, искавшій вокругъ себя людей даровитыхъ, нашолъ въ Стефанѣ такого человѣка, какой ему былъ нуженъ въ Великой Россіи, а потому удержалъ его въ Москвѣ и велѣлъ Патріарху Адріану поставить его въ Архіереи въ одну изъближайшихъ къ Москвѣ епархій. Въ мартѣ очистилось мѣсто Митрополита Рязанскаго и Адріанъ объявилъ Яворскому, чтобы готовился къ посвященію на 16 марта. Стефанъ долго отрекался и въ назначенный для посвященія день рѣшительно отказался явиться въ патріаршую палату, такъ что патріархъ вынужденъ былъ донесть объ этомъ Государю. Петръ велѣлъ спросить у Стефана, что за-причина такого его поступка. И когда Стефанъ объяснилъ, между прочимъ, что злые языки наклеветали на него, будто онъ купилъ архіерейство за 3.000 червонцевъ, а иные называли его еретикомъ, ляшенкомъ (полячишкомъ), обливанникомъ, и наконецъ что патріархъ Адріанъ съ Архіереями не дали ему времени для приготовленія на такую высокую архіерейскую степень очищеніемъ совѣсти своей и чтеніемъ богодухновенныхъ книгъ, то Петръ Великій, не обращая вниманія на то, что говорили завистливые языки, повелѣлъ поставить Стефана Митрополитомъ на Рязань. Посвященіе его совершено 7 Апрѣля 1700 года Трифилліемъ, митрополитомъ Сарскимъ и Подонскимъ. Престарѣлый Адріанъ, мучимый болѣзнію, не могъ посвятить Стефана.

Въ день Хиротоніи, послѣ литургіи въ Успенскомъ Соборѣ, Преосвященный Митрополитъ Стефанъ отъ соборной церкви до Рязанскаго подворья ѣхалъ въ патріаршей каретѣ, сопровождаемый многочисленною свитою изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. 15 го Апр. свѣтскіе чины, сопровождавшіе митрополита отъ собора до подворья, обѣдали у него; а 17-го Мая изволилъ кушать у него и Государь Петръ Алексѣевичъ съ боярами и ближними людьми.

На Рязанскую митрополію Преосвященный митрополитъ Стефанъ прибылъ изъ Москвы 9-го Іюня. Духовенство и народъ встрѣтили его крестнымъ ходомъ въ загородномъ монастырѣ. Отсюда Митрополитъ, облачившись въ мантію, изволилъ слѣдовать до городскаго собора съ крестнымъ ходомъ пѣшкомъ. Здѣсь Преосвященный привѣтствовалъ свою паству рѣчью и, совершивъ молебствіе о здравіи царя и царской Семьи, благословилъ духовенство и народъ, и затѣмъ вступилъ въ Архіерейскія Палаты. Принявъ рапортъ отъ казначея о состояніи архіерейскаго дома и обозрѣвъ принадлежащія сему дому зданія, Преосвященный вскорѣ приступилъ къ обычнымъ занятіямъ по дѣламъ епархіальнаго управленія.

Недолго однако Преосвященный митрополитъ жилъ въ Рязани. Въ томъ же году умеръ Патріархъ Адріанъ и Петръ I, вѣроятно уже рѣшившійся отмѣнить патріаршество, не велѣлъ созывать Епископовъ для избранія новаго патріарха, а поручилъ управленіе патріаршими дѣлами Рязанскому Митрополиту Стефану, который для того вызванъ въ Москву. Съ тѣхъ поръ Митрополитъ Стефанъ назывался Экзархомъ святѣйшаго патріаршаго престола, Блюстителемъ и Администраторомъ и сверхъ того, нѣсколько позднѣе, попечителемъ Академіи.

Всѣ современные Стефану Яворскому писатели, равно какъ историки XIX вѣка признаютъ, что Яворскій принялъ въ свои руки кормило

Церкви въ тяжелое время. И это совершенно вѣрно Съ одной стороны расколъ, противъ котораго принимаемы были въ то время крутыя мѣры, не только не ослабѣвалъ, но усиливался не между простымъ только народомъ, но и между монашествомъ; даже нѣкоторые Архипастыри соучаствовали съ раскольниками и сопротивлялись указамъ Петра (таковы были Тамбовскій и Ростовскій Арсеній) Вслѣдствіе гоненія раскола утверждалось и распространялось по всей Россіи мнѣніе, что св. православной вѣрѣ грозитъ совершенное упраздненіе. Въ виду этого приверженцы раскола убѣждали народъ страдать и жертвовать своею жизнію за правосл. вѣру, противъ этихъ изувѣровъ, готовыхъ не щадить своей жизни за неважныя преданія старины, въ родѣ охраны бородъ отъ бритья, празднованія новаго года не 1-го Сентября, а 1-го Января, какъ на Западѣ, и т. п., Стефанъ Яворскій долженъ былъ защищать Петровскія преобразованія, хотя нѣкоторыя изъ нихъ вѣроятно и ему самому были не желательны.

Съ другой стороны иностранное просвѣщеніе, проникнувшее въ Россію еще въ XVII вѣкѣ вмѣстѣ съ многочисленнымъ служилымъ сословіемъ изъ иноземцевъ, принесло съ собою въ Россію протестантскія мнѣнія, которыя сочувственно принимались въ городахъ среди ремесленниковъ и въ высшихъ сословіяхъ. Здѣсь слышались насмѣшливыя укоризны на все старое, не исключая даже и вѣры православной Это налагало на Верховнаго пастыря православной Церкви не менѣе трудную обязанность: постоять за священныя преданія Церкви и обуздать протестантскія укоризны.

Наконецъ, внѣ Церкви, въ сферѣ Государственной, началось уже великое дѣло преобразованія по всѣмъ вѣдомствамъ и учрежденіямъ и ревнители православія стали опасаться, не коснулись бы эти преобразованія и св. Церкви православной. Представителю Церкви надлежало имѣть особую мудрость для того, чтобы отстоять древніе права и обычаи православной Церкви и не оказаться противникомъ Царя—Преобразователя.

Въ это время вся Россія распадалась на двѣ партіи: на партію старины и на партію обновленія. Стефанъ Яворскій принадлежалъ къ первой партіи. Его воспитаніе, понятія, почерпнутыя имъ изъ западныхъ училищъ, его званіе и высокій санъ, дававшій ему права прямого наслѣдника патріарховъ и возлагавшій на него обязанность стоять за духовенство, наконецъ сознаніе опасности, угрожавшей со стороны противной партіи,—все это укрѣпило въ немъ рѣшимость съ твердостью оберегать и охранять св. Православіе. Вѣрный этой рѣшимости, преосвященный Стефанъ во всю свою жизнь боролся съ расколомъ и протестантствомъ; борьба съ послѣднимъ представляла особенныя затрудненія въ виду того, что многіе протестанты занимали высокія должности въ государствѣ и имѣли вліяніе на массы.

За назначеніемъ Стефана Яворскаго Блюстителемъ патріаршаго престола, немедленно послѣдовали преобразованія въ бывшихъ патріаршихъ учрежденіяхъ. Такъ 16 декабря 1700 года состоялся именной указъ, которымъ ограничена судебная власть патріарха. Этимъ указомъ повелѣно: „Патріаршему Приказу Разряду не быть, а дѣла по челобитьямъ мірскихъ людей на духовныхъ и духовныхъ на мірскихъ отослать по приказамъ, гдѣ кто вѣдалъ; дѣла же о расколѣ и ересяхъ вѣдать Преосвященному Стефану, Митрополиту Рязанскому и Муромскому". 24 Янв. 1701 года изданъ именной указъ, которымъ повелѣ-

валось и домъ святѣйшаго патріарха и домы архіерейскіе и монастырскія дѣла вѣдать боярину Ив. Алексѣевичу Мусину-Пушкину, а съ нимъ у тѣхъ дѣлъ быть дьяку Ефиму Зотову, и сидѣть на патріаршемъ дворѣ въ палатахъ, гдѣ былъ патріаршій Разрядъ, и писать Монастырскимъ приказомъ."

Въ томъ же году Монастырскому Приказу повелѣно монахамъ и монахинямъ давать опредѣленное количество денегъ и хлѣба, а вотчинами и никакими угодьями не владѣть, „не ради разворенія монастырей", какъ сказано въ царскомъ указѣ, „но лучшаго ради исполненія монашескихъ обѣтовъ". Все вообще управленіе церковными имѣніями, суды и сборы доходовъ отданы подъ вѣдомство Монастырскаго Приказа. Доходы съ монастырскихъ имѣній и оброчныхъ статей, за выдачею установленной части доходовъ и хлѣба на содержаніе монашествующихъ, обращены были въ государственную казну. Сами епархіальные архіереи пользовались этими доходами подъ контролемъ приказа до 1710 года, когда по именному указу и распоряженію Приказа положено Преосвященнымъ опредѣленное содержаніе отъ 926 руб. до 1200—1500 руб. Только Казанскому Архіепископу назначено 2340 руб. Но блюстителю патріаршаго престола назначено 5.600 руб. 23 алт. 1 деньга, ему же предоставлено въ 1705 г. право пользоваться доходами съ вѣнечныхъ памятей въ Рязанской и Тамбовской епархіяхъ, тогда какъ во всѣхъ другихъ епархіяхъ эти пошлины были обращаемы въ государственную казну.

Итакъ, преосвященному Стефану были поручены только дѣла духовныя. Въ важныхъ случаяхъ ему велѣно было ничего не рѣшать безъ доклада монарху. Особенному его попеченію поручено было: 1) устройство училищъ изъ доходовъ патріаршаго дома, 2) бдительный надзоръ, чтобы въ священники не поставляли незнающихъ катихизиса и 3) проповѣдь слова Божія идолопоклонникамъ и раскольникамъ.

Первый годъ управленія Стефана Яворскаго открылся важнымъ дѣломъ, ересью Талицкаго, яраго раскольника. Между раскольниками того времени распространилось мнѣніе, что наступаетъ конецъ міру, антихристъ уже явился, что Москва—Вавилонъ, а жители ея вавилоняне, слуги антихристовы. Это предсказаніе сильно волновало простой народъ. Талицына судили, Митрополитъ Стефанъ обличалъ его въ присутствіи царя, который также принялъ участіе въ преніи и помогъ Стефану кстати приведенными текстами свящ. писанія. Талицкій подвергнутъ былъ пыткѣ (посредство кончанія въ срубѣ), раскаялся и былъ освобожденъ По случаю ереси Талицкаго преосвященный Стефанъ написалъ книгу „Знаменія пришествія антихриста и кончины вѣка".

Кромѣ дѣлъ патріаршаго приказа и Рязанской епархіи, преосвященному Стефану ввѣрены были еще Тамбовская епархія. Къ нему же, какъ Блюстителю патріаршаго престола, восходили дѣла изъ тѣхъ епархій, гдѣ не было архіереевъ, и изъ тѣхъ, гдѣ епархіальные архіереи по болѣзни не могли заниматься разсматриваніемъ и рѣшеніемъ дѣла. Сверхъ всего этого преосвящ. Стефану вмѣнено было въ обязанность, какъ сказано выше, по воскреснымъ, праздничнымъ и торжественнымъ днямъ говорить проповѣди; а на особые случаи онъ сочинялъ рѣчи, похвальныя слова и т. п. Проповѣдей его за все время служенія его напечатано 3 большихъ тома.

Желая дать православному духовенству, вообще мало образованному

въ то время, нѣкоторое духовное оружіе для борьбы съ расколомъ и протестантствомъ, преосвящ. Стефанъ составилъ и напечаталъ букварь съ толкованіемъ 10-ти заповѣдей и св. таинствъ церковныхъ, и въ 1705 году по указу Петра I разослалъ экземпляры этого букваря въ обѣ свои епархіи, также въ область патріаршую на Москвѣ, всѣмъ священникамъ и діаконамъ съ тѣмъ, чтобы не только они затвердили и могли толковать изустно заповѣди и таинства церковныя, но и дѣтей своихъ учили по этому букварю прежде всего.

Въ 1713 году открылась въ Москвѣ лютеранская и кальвинская ересь. Быстрое распространеніе ереси и дерзость зачинщиковъ требовали скораго и дѣйствительнаго противодѣйствія, Стефанъ Яворскій, понимая, какой вредъ могъ произойти, если и въ простомъ народѣ откроется сочувствіе къ тѣмъ мыслямъ, которыя имѣли уже сильныхъ представителей въ высшемъ сословіи, отложилъ всякое человѣкоугодіе, всякій страхъ и мужественно обличилъ еретиковъ. По этому случаю онъ написалъ книгу, которая носитъ такое названіе: „Камень Вѣры, православнымъ Церкви святыя сынамъ на утвержденіе и духовное назиданіе, претыкающимся же о камень претыканія и соблазны—на возстаніе и исправленіе“. Въ этой книгѣ онъ съ истинно-пастырскою любовію предостерегалъ свою паству отъ соблазнительныхъ проповѣдей иностранцевъ, умолялъ не внимать этимъ не призваннымъ учителямъ и крѣпко держаться за преданія православной церкви. Исполненный чистой ревности къ православію и одушевляемый высокимъ сознаніемъ своего призванія, онъ подалъ въ этой книгѣ смѣлый голосъ противъ мнѣнія, бывшаго въ силѣ. Это была лучшая, высокая минута въ его жизни, какъ замѣчаетъ одинъ изъ изслѣдователей, изучавшихъ современные Стефану церковные и гражданскіе акты и документы!

Упомянувъ о знаменитой книгѣ преосвящ. Стефана Яворскаго, прославившей его и въ Россіи и за границею, мы находимъ необходимымъ подробнѣе поговорить о судьбѣ этой книги. Есть свѣдѣнія, что книгу „Камень Вѣры“ Петръ I читалъ въ рукописи и одобрилъ; но какъ при Петрѣ было много протестантовъ, занимавшихъ высокія должности въ русской службѣ, то подъ вліяніемъ протестантовъ и въ угожденіе имъ книга не была напечатана. Уже по смерти Преосвященнаго она была напечатана въ нѣсколькихъ изданіяхъ именно въ 1728, потомъ въ 1729 и въ 3-й разъ въ 1730-мъ году въ Кіевѣ. Но едва явилась эта книга, какъ друзья лютеранства въ Россіи и за границею подняли войну противъ нея и книга была изъята изъ обращенія. Появилось много злостной критики на Камень Вѣры и въ Россіи и за ея предѣлами; между прочимъ изданъ „Пасквиль“ на „Камень Вѣры“ подъ именемъ „Молотокъ на Камень“. Въ этомъ пасквилѣ, по ненависти и ожесточенію противъ Стефана Яворскаго, содержится грубая и неприличная брань противъ автора книги и его защитниковъ и очень много лжи. которая впрочемъ опровергнута архіеп. Ѳеофилактомъ, Нѣкоторые изъ правосл. архіереевъ, при Аннѣ Іоанновнѣ, и Биронѣ жестоко пострадали за защиту Камня Вѣры. Такъ, напр, Кіевскаго митрополита Варлаама Вонатовича, великолѣпно издавшаго Камень Вѣры призвали въ Тайную Канцелярію и отправили въ Бѣлозерскій монастырь, лишивъ сана. Архіепископъ Тверской и членъ Св. Синода Ѳеофилактъ Лопатинскій, другъ покойнаго Стефана Яворскаго, за одобреніе. Камня Вѣры, былъ подвергнутъ въ той же Канцеляріи жестокой пыткѣ (3 раза поднимали на виску и 3 раза били батогами

безъ рубахи); послѣ того объявили его лишеннымъ архіерейскаго сана и заключили въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ онъ содержался 2 года. Нельзя оставить безъ вниманія, что вышесказанная расправа съ архіереями производилась по приговорамъ, которая и лишила ихъ архіерейскаго сана безъ участія духовнаго суда!

Но чтоже такъ озлобило лютеранъ противъ Камня Вѣры и защитниковъ этой книги? Въ Камнѣ Вѣры изложены всѣ православные догматы, оспариваемые протестантами: о почитаніи иконъ, креста, мощей, о Евхаристіи, о призываніи святыхъ, о душахъ святыхъ, о благотвореніи преставльшимся о преданіяхъ, о святѣйшей литургіи, о постахъ, о благихъ дѣлахъ и о наказаніи еретиковъ" На всѣ эти догматы представлены доказательства, также и опроверженія на возраженія противниковъ. Это и было причиною озлобленія лютеранъ противъ Камня Вѣры и его автора.

Выше мы сказали, что Преосвящ. Стеф. Яворскій мужественно обличилъ еретиковъ въ Камнѣ Вѣры. Но это еще не все. Въ догматѣ о св. иконахъ ' онъ затронулъ весьма опасный по тогдашнему времени вопросъ: „объ отношеніи духовной власти къ свѣтской". Здѣсь доказывается Свящ. Писаніемъ, что не царямъ, но апостоламъ и ихъ преемникамъ, Христосъ вручилъ свою церковь. „Многіе цари", говоритъ преосвященный авторъ книги, „составили много правилъ церковныхъ, но о гражданскихъ судахъ и о строеніи благочинія церковнаго, а не о членахъ къ вѣрѣ подлежащихъ. Такъ и нашъ благочестивый монархъ Петръ I благочестно уставилъ нѣкоторыя правила, благочинію и благочестію церковному подлежащія, какъ-то: а) не вѣнчать браковъ сокровенно, спрѣчь прежде времени литургіи святѣй приличнаго, б) жениху не жениться, не видѣвши невѣсты, и невѣстѣ, не видѣвшей жениха, не посягать и в) рабовъ и бѣглецовъ въ монашескій чинъ не принимать Сія о томъ подобная въ исправленіе и лѣпоту благочинія церковнаго уставившася" Въ этомъ отзывѣ преосвященнаго Стефана слышится и благодарность Государю Первосвятителя правосл. русской церкви и въ то же время мудрое наставленіе тѣмъ ревнителямъ древняго благочестія, которые, въ каждомъ распоряженіи Петра по дѣламъ церковнымъ готовое было видѣть покушеніе на униженіе высшей церковной власти и отступленіе православной вѣры.

Въ 1718 г. Католическая богословская школа въ Парижѣ (Сорбонна) обращалась къ Стефану Яворскому, какъ представителю Русскаго духовенства, съ предложеніемъ разсмотрѣть нѣкоторые спорные между православною и католическою церквами вопросы и о соединеніи церквей. Преосвященный Стефанъ сочинилъ отвѣтъ на это предложеніе, но не взялъ на себя рѣшать единолично такіе вопросы, которые подлежатъ соборному рѣшенію. Вообще русскіе того времени считали католиковъ болѣе опасными, чѣмъ нѣмцевъ-лютеранъ. Лютеранамъ позволяли имѣть въ Москвѣ кирки, а Католики не могли добиться этого. Тѣмъ не менѣе католики уважали Стефана Яворскаго и нерѣдко заступались за него; напротивъ, лютеране не любили его и опровергали книгу его „Камень Вѣры".

Въ томъ же 1718 году Петръ I особымъ рескриптомъ на имя митрополита Рязанскаго и Муромскаго Стефана отъ 18-го мая вызвалъ его и всѣхъ находившихся въ Москвѣ архіереевъ въ Петербургъ, приказавъ имъ ѣхать „поскорѣе, полегче," „съ самыми малыми людьми и съ

самыми нужными вещами, безъ чего въ дорогѣ пробыть нельзя, а прочее привезть послѣ", при чемъ на проѣздъ отъ Москвы до Петербурга назначилъ сроку 8—9 дней и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы на дорогѣ до Петербурга подводы имъ были готовы.

Въ исполненіе сего царскаго повелѣнія преосвященный Стефанъ съ прочими архіереями прибыли въ Петербургъ 28 мая и за неимѣніемъ готовыхъ для нихъ домовъ, помѣстились въ нанятыхъ квартирахъ. Изъ памятниковъ того времени не видно, кому изъ Московскихъ архіереевъ и какое дано Петромъ I дѣло въ Петербургѣ; но кажется, безошибочно можно сказать, что имъ поручено было заняться организаціей новой Петербургской епархіи, какъ то устройствомъ въ самомъ Петербургѣ и уѣздахъ монастырей и церквей, опредѣленіемъ и рукоположеніемъ священниковъ и діаконовъ, а при томъ заниматься разсматриваніемъ и рѣшеніемъ дѣлъ, возникавшихъ въ новой епархіи, а также и дѣлъ по ввѣренной каждому преосвященному епархіи.

Петербургъ того времени, конечно, далеко не былъ благоустроенъ. И потому преосвящ. митрополитъ Стефанъ, прибылъ въ Петербургъ „налегкѣ", т. е. по объясненію его, безъ свиты, безъ ризницы и пѣвчихъ, безъ запасовъ и книгъ, очевидно, не могъ быть доволенъ Петербургскою жизнію и, проведя здѣсь лѣто и осень, предусматривалъ опасность для своего уже слабаго въ то время здоровья отъ дальнѣйшаго пребыванія въ новой столицѣ въ нанятой неудобной квартирѣ. А потому обратился къ Государю съ докладомъ, которымъ просилъ Его Величество уволить его на зиму въ Москву, дабы зимою совсѣмъ собраться на постоянное житье въ Петербургѣ. Вмѣстѣ съ симъ митрополитъ просилъ Государя о разрѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ, изложенныхъ въ 5-ти пунктахъ доклада. Не разрѣшая преосвященному отъѣзда въ Москву, Петръ Великій по содержанію доклада его сдѣлалъ слѣд. собственноручныя отмѣтки: 1) назначить мѣста для подворьевъ митрополиту и проч. архіереямъ, а постройки произвесть велѣлъ имъ на свои средства, 2) велѣлъ учредить очередь для пребыванія архіереевъ въ Петербургѣ въ теченіи года, считая сряду съ 1-го Января, предоставивъ Стефану на его волю опредѣлять, сколько архіереевъ должно быть въ Петербургѣ по соображенію съ количествомъ дѣлъ; 3) для управленія рязанскою епархіею повелѣлъ назначить Епископа, подобно тому, какъ въ Новгородѣ Ладожскій. 4) Московскія дѣла вручить Крутицкому, а чего не могутъ оба, писать въ Петербургъ для росписанія, и 5) для того, чтобы имѣть готовыхъ кандидатовъ для занятія епископскихъ вакансій, Государь повелѣлъ выбрать добрыхъ монаховъ и помѣстить ихъ въ Невскомъ монастырѣ, дабы здѣсь узнавали ихъ качества. „А для лучшаго впредь управленія, прибавилъ Государь къ вышеизложенному, мнится, быть удобно духовной Коллегіи, дабы удобное такое великое дѣло управлять было возможно. Въ этомъ мнѣніи Петра I ясно высказывается его намѣреніе отмѣнить патріаршество въ Россіи, какъ учрежденіе единоличное, и учредить по примѣру свѣтскихъ административныхъ и судебныхъ мѣстъ коллегіальное управленіе духовными дѣлами подъ именемъ Святѣйшаго Синода.

Къ 1720-му году выработанъ былъ планъ учрежденія и устройство Святѣйшаго Правительствующаго Синода, а въ началѣ 1720-го года составленъ архіеп. Ѳеофаномъ Прокоповичемъ „Духовный Регламентъ", 11-го Февраля слушанъ и исправленъ лично Его Величествомъ, 23-го Февраля читанъ въ Сенатѣ и подписанъ собственною Его Величества

рукою и бывшихъ тогда въ Петербургѣ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ руками. Въ декабрѣ того же года вызваны въ Петербургъ назначенные въ личный составъ Св. Синода члены, которые и занимались приготовленіемъ къ открытію Св. Синода Торжественное открытіе его совершилось 14 Февраля 1721, послѣ молебна въ Троицкомъ соборѣ, въ присутствіи Его Императорскаго Величества. И въ самый день открытія Св. Синода по именному Его Величества указу повелѣно: „патріаршія, архіерейскія и монастырскія вотчины, которыя вѣдомы были въ Монастырскомъ приказѣ, сборами и правленіемъ вѣдать въ одномъ духовномъ Синодѣ“. Св Синодъ докладъ свой по этому предмету основывалъ на томъ соображеніи, что управлявшіе церк. имуществами и монастырскими доходами свѣтскія чины Монастырскаго приказа въ теченіе 20 лѣтъ не только не пріумножили этихъ доходовъ, но совершенно разстроили ихъ. При воспоминаніи объ этой великой перемѣнѣ въ управленіи духовными имуществами невольно думается, что починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ преосвящ. митрополиту Стефану, какъ предсѣдателю Св. Синода и твердому оберегателю древнихъ правъ Церкви

Занимаясь, кромѣ Синодскихъ дѣлъ, управленіемъ своей обширной епархіей, окончательнымъ устройствомъ основаннаго имъ на своей родинѣ Нѣжинскаго Благовѣщ. монастыря, подъ именемъ Богородичнаго Назарета, продолжая въ праздничные и торжеств. дни говорить проповѣди и проводя мало времени за книгами, которыя были для него, по собств. его словамъ, „сокровище и богатство паче тысящъ злата и сребра дражайшее“, преосвященный Стефанъ приближался къ концу своего многотруднаго земнаго поприща. Послѣдніе годы его жизни были омрачены нѣкоторыми доносами на него, и хотя ему удавалось оправдаться, но царь охладѣлся къ нему, а это причиняло ему нравственныя страданія и скорби. Къ сожалѣнію, преосвященный имѣлъ враговъ даже между іерархами, что болѣзненно дѣйствовало на его впечатлительную душу. Наконецъ, сердечная скорбь послѣднихъ лѣтъ его жизни и тяжкая болѣзнь ускорили его смерть. Онъ умеръ 27 [1]) Ноября 1722 года.

Доколѣ преосвящ. Стефанъ жилъ въ Москвѣ, онъ имѣлъ возможность хотя изрѣдка посѣщать свой престольный городъ Рязань. Но съ того времени, какъ державною волею онъ былъ вызванъ въ новую столицу, основанную на берегахъ Невы, когда вмѣстѣ съ тѣмъ обязанности его, какъ первенствующаго между другими архіереями, вызванными въ Петербургъ, усложнились образованіемъ новой епархіи и управленіемъ оною, — съ тѣхъ поръ до самой своей кончины, вскорѣ впрочемъ затѣмъ послѣдовавшей, онъ уже не былъ въ Рязани.

Изъ мѣстныхъ памятниковъ, сохранившихся въ духовныхъ учрежденіяхъ, видно, между прочимъ, что преосвящ. Стефанъ въ теченіи первыхъ лѣтъ по занятіи имъ кафедры Рязанскаго митрополита много показалъ тщанія объ украшеніи новопостроеннаго Рязанскаго каѳедр. Успенскаго собора. Такъ въ 1700—1702 годахъ позолоченъ въ соборѣ иконостасъ и написаны св. иконы постановкою ихъ на мѣста. За объ эти работы изъ долговой архіерейской казны уплочено мастерамъ до 12.500 рублей.

Въ 15-й день Августа 1702 года эта соборная церковь была освящена преосвященнымъ митрополитомъ Стефаномъ въ сослуженіи много-

---

[1]) Не 27-го, а 24 Ноября. *Ред.*

численнаго городскаго духовенства. Это былъ второй пріѣздъ его въ Рязань 9 Іюня 1700 года.

Въ 1703—4 годахъ преосвящ Стефанъ подрядилъ Суздальскаго мастера Малофеева сдѣлать на соборной церкви 4 главы вновь, а среднюю главу, сброшенную бурею, передѣлать; въ 1706—7 годахъ главы поставлены и на нихъ кресты позолочены.

Въ 1706 г. преосвящ. митрополитъ ѣздилъ въ Кіевъ и по пути останавливался на нѣкоторое въ Рязани. Это 3-й пріѣздъ его въ Рязань.

Въ 1707—9 годахъ, по распоряженію преосвящ. Стефана, площадь предъ кафедр. Соборомъ очищена отъ нѣкоторыхъ построекъ, расположенныхъ близъ собора и стѣснявшихъ свободный подъѣздъ къ собору богомольцевъ.

Въ 1709 году по грамотѣ преосвящ. Стефана отъ 17 Іюля праздновали во всѣхъ соборахъ, монастыряхъ, приходскихъ церквахъ Рязанской и соединенной съ нею Тамбовской епархіи побѣду Петромъ I надъ шведскимъ королемъ Карломъ XII нѣніемъ благодарственныхъ молебновъ и о Государевомъ здравіи. А по присланной при указѣ митрополита Государевой реляціи о полтавской побѣдѣ молебное пѣніе съ цѣлодневнымъ звономъ совершалось во всей епархіи 5 дней.

Въ 1711 году преосвященный Стефанъ приторговалъ у одного нѣмца въ Москвѣ кровельнаго желѣза для покрытія Рязанскаго Успенскаго Собора.

Въ 1712 г. преосвященный прислалъ изъ Москвы каменныхъ дѣлъ мастера для осмотра поврежденной въ сводахъ и въ другихъ мѣстахъ соборной церкви, происшедшихъ отъ течи. По указанію мастера поврежденія исправлены своими домовыми каменщиками.

Въ 1714 г. по благословенію преосвящ. Стефана поновленъ Ѳедотьевскій Чудотворный образъ Божіей Матери, съ устройствомъ къ сему образу новаго кіота.

Кончина преосвящ. митрополита Стефана Яворскаго послѣдовала 27 (?) Ноября 1722 года въ Рязанскомъ подворьѣ въ Москвѣ, на Лубянкѣ на 63 году жизни его. Приготовляясь къ исходу изъ сей жизни, маститый іерархъ составилъ духовное завѣщаніе о своемъ имуществѣ, которое впрочемъ главнымъ образомъ состояло въ большой библіотекѣ, которую онъ завѣщалъ Нѣжинскому Благовѣщенскому монастырю, за исключеніемъ немногихъ книгъ, переданныхъ въ Рязан. Дух. Семинарію.

Въ этомъ завѣщаніи преосвящ. Стефанъ изъявляетъ желаніе, чтобы тѣло его погребено было въ престольномъ епархіи его градѣ Переславлѣ Рязанскомъ, если на это созволитъ Государь Императоръ и благословитъ Св. Синодъ.

О имѣніи своемъ преосвященный говоритъ въ завѣщаніи, что имѣніе и всѣ вещи, какія имѣлъ, онъ истощилъ на устроеніе Нѣжинскаго Назарета; монастырь же тотъ въ высокую его Императорскаго пресвѣтлаго Величества милость вручаетъ, также въ особенное призрѣніе Св. Синода и преосвящ. архіерея Кіевскаго, въ епархіи котораго состоитъ монастырь.

Въ заключеніе своего завѣщанія [1]) преосвящ. Стефанъ пишетъ: „прочее же послѣднее мое отдаю цѣлованіе во І Его Императорскому Величеству, яко Государю своему и благодѣтелю милостивому, со всѣмъ

[1]) Полное и исправное духовное завѣщаніе Стеф. Явор. напечатано въ трудахъ Ряз. Уч. Арх. Комм. 1891 г. стр. 81—87. „Два духовныхъ завещанія Стеф. Явор.. Митроп. Ряз.“ Ях—ва. *Прим. Ред.*

его пресвѣтлымъ царскимъ домомъ. Цѣлую послѣднимъ цѣлованіемъ и Святѣйшій Правительствующій Сунодъ и вся о Христе отцы и братію мою, митрополиты, архіепископы, епископы и весь духовный чинъ. *Цѣлую и тебе двадесятотрильтный возлюбленный мой престолъ, Богоизбранная дражайшая паства моя.* Цѣлую всякое начальство и вся православныя христіаны и всесмиренно молю, аще кому въ чемъ зазоренъ или досадителенъ явихся, оставите мнѣ грѣхъ мой, да и сами оставленіе грѣховъ вашихъ воспріимете отъ Христа Господа. Наконецъ же всеусердно прошу и молю, братія моя, молитеся о мнѣ ко Господу Богу, яко да милостива того обрящу въ день судный и да вселитъ мя, идѣже гласъ радости вѣчныя, еже и вамъ всѣмъ получити желаю. Аминь".

Послѣ этого Преосвященный Стефанъ вторично обращается къ Государю Императору «съ слезною просьбою, чтобы онъ не допустилъ Нѣжинскій монастырь до оскудѣнія и раззоренія и чтобы все, что онъ отдалъ вовладѣніе сего монастыря, по кончинѣ его не отняли».

Подъ этимъ завѣщаніемъ Преосвященный завѣщатель подписался такъ: «Смиренный Стефанъ Яворскій, Митрополитъ Рязанскій и Муромскій, прежде бывшій экзархъ святѣйшаго патріаршаго трона Всероссійскаго, нынѣ же президентъ Святѣйшаго Правительствующаго Сунода». Находясь уже на одрѣ болѣзни и въ виду близкой смерти, онъ написалъ въ трогательныхъ стихахъ на латинскомъ и славянскомъ языкахъ «послѣднее книгамъ цѣлованіе». Это прекрасное стихотвореніе, написанное умиравшимъ Іерархомъ предъ отсылкою своей библіотеки въ устроенный имъ Нѣжинскій монастырь, съ неоспоримою очевидностію доказываетъ, что Преосвященный Стефанъ искренно любилъ просвѣщеніе, что книги «были свѣтомъ были для него «слаще меда и сота», были «его богатствомъ, славою, раемъ любви» и пр. [1]).

Преосвященный Стефанъ скончался, какъ сказано выше, 24 (?) ноября 1722 года въ 3-мъ часу пополуночи. Того же числа тѣло его вынесено въ Троицкую при Рязанскомъ подворьѣ церковь, гдѣ оно стояло до прибытія въ Москву Государя Императора Петра I и членовъ Св. Синода, именно до 19-го декабря.

О томъ, какъ совершены была отпѣваніе и проводы тѣла Преосвящ. Стефана, въ надгробной надписи содержатся слѣдующія свѣдѣнія.

„По Высочайшему повелѣнію отпѣваніе въ Бозѣ почившаго Іерарха 20 декабря совершалъ Вице-президентъ Св. Синода Архіеп. Новгородскій Ѳеодосій съ прочими членами Синода въ церкви Успенія Пречистыя Богородицы, именуемыя Гребенскія, куда перенесено было тѣло усопшаго изъ Троицкой при Рязанскомъ подворьѣ церкви; а литургію въ сей церкви Совѣтникъ Св. Синода Преосвящ. Леонидъ Архіеп. Крутицкій, Архіепископъ же Ѳеодосій и прочіе Синодальные члены въ служеніи литургіи не участвовали, но послѣ литургіи къ погребенію (отпѣванію) собрались всѣ въ Успенскую церковь Совершивъ чинъ отпѣванія, вынесли гробъ изъ церкви и, положивъ въ-убранные парчею и бархатомъ сани, проводили со звономъ. До Покровскаго Божедомскаго монастыря (Андроновъ монастырь) провожалъ тѣло (въ надгробной надписи сказано «мощи») Преосвящ. Стефана Мисаилъ, Архимандритъ Спасова, что за Иконнымъ рядомъ, монастыря съ іереями, діаконами и съ пѣвчими. У всѣхъ церквей по пути слѣдованія процессіи звонили, предъ гробомъ несли свѣчу въ лампадѣ патріаршей и архипастырскій жезлъ

---

[1]) Превосходное стихотворное (элегія) прощаніе іерарха съ книгами напечатано въ Труд. Арх. Ком. 1891 г. т. VI, № 6 стр. 88—7. *Ред.*

почившаго, обвитый чернымъ флеромъ. Коней вели цугомъ 30 человѣкъ солдатъ съ факелами, въ мундирахъ и въ черныхъ плащахъ.

27 Декабря тѣло усопшаго Архипастыря привезли въ Покровскій, что подъ Переславлемъ Рязанскимъ монастырь, и того же числа съ процессіею отъ Троицкаго монастыря до собора несли священники; домовые же дѣти боярскіе, въ числѣ 30 человѣкъ, въ черныхъ плащахъ съ факелами, впереди процессіи вели цугъ коней, впряженныхъ въ тѣ сани, на которыхъ везено было тѣло отъ Москвы. Во время этой процессіи во всѣхъ церквахъ на пути звонили. По внесеніи тѣла въ соборную церковь начали литургію, по окончаніи которой совершили большую панихиду и погребли тѣло Архипастыря въ Успенскомъ соборѣ, на правой сторонѣ у самаго иконостаса.

При возобновленіи этого собора въ 1799—1804 годахъ гробъ съ останками святителя Стефана перенесенъ съ подобающею честію изъ этого собора въ древній Архангельскій соборъ, въ которомъ почиваютъ многіе прежде усопшіе Рязанскіе Архипастыри, и положенъ въ алтарѣ на правой сторонѣ, гдѣ ризница.

Со времени смерти Преосвященнаго Стефана Яворскаго Рязанская епархія перестала называться митрополіею и ей повелѣно быть епископіею; а въ слѣдующемъ году по именному указу отъ Рязанской епархіи отчислены городъ Тамбовъ съ прочими городами и приписаны къ Синодальной области.

В. Самаряновъ.

№ 6.

„Изъ былого".

Основаніе Переяславля Рязанскаго

(1095 г.).

То было въ давніе года...
По берегамъ Оки лежали
Болота топкія, лѣса
Стѣной высокою стояли;
Лишь пѣнье птицъ, да ревъ звѣрей
Тамъ въ темной чащѣ раздавались,
И звукомъ голоса людей
Спокойствіе не нарушалось;
Удары топоровъ глухіе
Не проникали въ глушь лѣсовъ;
Дубы и сосны вѣковые
Не знали силы топоровъ....
Но вотъ и люди появились
Среди безжизненныхъ равнинъ
Густыя чащи заселились,—
Въ лѣсу жилье построилъ финнъ.
Тогда пришли славяне съ юга,
И финны изъ земель своихъ
Бѣжали, не признавъ въ нихъ друга,
Оставивъ все во власти ихъ.
И племена славянъ селились
Широко по чужой странѣ.
Прошли года, и появились
Поселки ихъ и на Окѣ.
Тамъ князь Рязанскій Ярославъ
У храма Стараго Николы
Себѣ построилъ новый городъ.
Тотъ городъ названъ «Переяславль».
Но вотъ на Русь пришли татары..
Рязань врагами сожжена,
И всѣ рязанскіе князья
Живутъ съ тѣхъ поръ въ Переяславлѣ;
Названье выжженной «Рязани»

Къ Переяславлю перешло.
Большое княжество съ годами
Образовалось вкругъ него.
Свободно правили князья
И власти надъ собой не знали...
Прошли такъ многіе года...
Вѣка иные наступали:
Московскій князь Василій Третій
Конецъ удѣламъ положилъ.
Иванъ, рязанскій князь, послѣдній
Въ Рязани независимъ былъ.
Теперь подъ сильною рукою
Самодержавнаго Царя
Рязань и въ мирѣ, и покоѣ
Живетъ ужъ многіе года;
Часть нераздѣльная Россіи—
Одною славой съ ней живетъ,
Друзей ея зоветъ своими,
Врага ея врагомъ зоветъ;
Въ несчастьяхъ ей помочь готова,
А въ счастьѣ—радость раздѣлить,—
Какъ въ старину ея герои,
Умѣетъ Русь свою любить;
Подъ сильной Царскою державой
Отъ всѣхъ враговъ ограждена,
Живетъ на славу ГОСУДАРЯ,
На славу русскаго Царя.

Нашествіе Батыя.

Съ ужасною вѣстью гонцы прискакали:
Къ Рязани подходитъ невѣдомый врагъ;
О немъ ничего до сихъ поръ не слыхали,
И вдругъ онъ ужъ близко, въ рязанскихъ лѣсахъ.

Лѣса и деревни объяты пожаромъ.
Въ дыму помрачается солнечный свѣтъ.
Весь воздухъ наполненъ удушливой гарью;
Враги подступаютъ: имъ удержу нѣтъ.
Покинуты села. Спѣшатъ всѣ къ Рязани.
Врагъ близко, и городъ къ защитѣ готовъ...
Но вотъ появились послы подъ стѣнами,—

Послы отъ невѣдомыхъ страшныхъ враговъ.
Сказали они, что явились татары,
Чтобъ русскую землю себѣ покорить,
И чтобъ имъ десятую часть всего дали,
Коль съ ними миръ крѣпкій хотятъ сохранить.
И возмущены предложеньемъ постыднымъ
Князья и бояре, войска и народъ;
Сказали посламъ, чтобъ враги приходили,—
Когда всѣ падутъ, тогда все ханъ возьметъ.
Князь Юрій въ Владиміръ гонцовъ посылаетъ,
Георгія—на помощь зоветъ:
Стоять за отечество часъ наступаетъ,—
Вѣдь врагъ на Рязань ужъ войною идетъ.—
Пусть выйдетъ на встрѣчу врагамъ онъ къ Рязани.
И вмѣстѣ скорѣе они побѣдятъ;
Да пусть поспѣшитъ: близокъ часъ, подъ стѣнами
Враговъ со дня на день пора ожидать.
Но князь, своей силою гордый, налѣясь,
Что дикихъ татаръ и одинъ разобьетъ,
Посламъ изъ Рязани, не медля, отвѣтилъ,
Что къ князю на помощь въ Рязань не пойдетъ.
Батый же, разгнѣванный гордымъ отвѣтомъ
Рязанскаго князя, велѣлъ городъ взять
И всѣхъ перебить, (нѣтъ пощады и дѣтямъ),
Чтобъ «некому было о близкихъ рыдать».
Князь Юрій шлетъ сына Ѳеодора къ хану:
Быть можетъ, польщенный дарами, Батый
Отмѣнитъ приказъ, не погубитъ Рязани:
На все князь готовъ для Рязани своей.
Ѳеодоръ, простившись съ своею семьею,
Отправился къ хану по слову отца;
Съ нимъ ѣхать по этой опасной дорогѣ
Одинъ Аполоница вѣрный взялся.

Князь Ѳеодоръ.

И вотъ Ѳеодоръ въ станѣ ханскомъ,
Въ палатку къ хану приведенъ;

Батый, владыка азіатскій,
Сидитъ, мурзами окруженъ.
Доволенъ онъ дарами князя,
Увѣренъ онъ, что побѣдилъ,
И съ хитрымъ веселымъ взглядомъ
Ѳеодору онъ говоритъ:
«Ну, что ты, князь, на это скажешь:
«Я приговоръ свой отмѣню,
«Коль мнѣ Евпраксію покажешь,
«Свою прекрасную жену»?
Сверкая грозными очами,
Ѳеодоръ Хану отвѣчалъ:
«Язычникъ—ты, мы—христіане.
«Пока женъ нашихъ не видалъ
«Язычникъ, ты по мнѣ узнаешь,
«Какъ твердо держимъ слово мы:
«Хоть умертвить меня прикажешь,
«Не увидать тебѣ жены»!
Разгнѣванный его словами,
«Убить его»! Батый вскричалъ,—
И князя въ тотъ же часъ не стало...
А Аполоница скакалъ
Къ Евпраксіи съ той вѣстью страшной,
Что князь Ѳеодоръ за нее
Скончался смертію ужасной,
Что ханъ велѣлъ казнить его.

Смерть Евпраксіи.

Заря на небѣ загоралась,
И начиналъ яснѣть востокъ;
Все понемногу пробуждалось.
Пронесся тихій вѣтерокъ.
Спокойно утро наступало,
Прекрасный лѣтній день вставалъ,
И все веселье возбуждало.
Но въ домѣ княжескомъ печаль.
Княгиня ночью не ложилась:
Все князя Ѳедора ждала;
Ужъ истрадалась, истомилась,
О немъ все молится она.
Передъ иконою святою,
Съ своимъ младенцемъ на рукахъ,
Склонилась съ вѣрою живою,

Съ молитвой скорбной на устахъ.
Вдругъ слышится ей конскій топотъ.
Она къ окну—и видитъ—конь
Несется съ всадникомъ въ ворота,
«О, этотъ всадникъ, вѣрно онъ»!
И радость ясная блеснула
Въ очахъ ея, какъ свѣтлый лучъ,—
Какъ будто солнце проглянуло
Среди нависшихъ мрачныхъ тучъ.
Вотъ всадникъ соскочилъ съ коня,—
То Аполоница примчался,
И, ужасомъ поражена,
Она кричитъ: «Гдѣ-жъ князь остался?
«Гдѣ князь Ѳеодоръ»? Отвѣчалъ
Ей Аполоница: «Княгиня,
«Ужъ лучше бы ты не спросила,
«Тогда-бъ тебѣ я не сказалъ».
—«Нѣтъ, отвѣчай, не мучь меня.
«Скажи скорѣй, гдѣ князь остался»?—
«Ужъ Божья воля такова:
«Онъ тамъ отъ рукъ враговъ скончался».
—«Онъ умеръ! Безъ него мнѣ жить-ли?
«Онъ тамъ одинъ... на небесахъ.
«Скорѣй къ нему»... Слова затихли
Ужаснымъ воплемъ на устахъ
И, какъ безумная отъ горя,
Она, въ объятьяхъ сжавъ дитя,
Съ нѣмымъ отчаяньемъ во взорѣ
Съ нимъ выбросилась изъ окна.
Какъ только это увидали,
Сбѣжались слуги всѣ толпой;
Но подъ высокою стѣной
Два тѣла мертвыя лежали.
Въ томъ мѣстѣ съ честью схоронили
Княгиню и ея дитя;
Построенъ храмъ тамъ надъ могилой;
Всѣ свято память чтутъ ея.

Разореніе Рязани татарами. Князь Олегъ. Взятіе Рязани.

Палъ Ѳеодоръ жертвой хана.
Огорченный Юрій—князь
Говоритъ: «теперь, бояре,

«Ханъ не пощадитъ ужъ насъ.
«Встрѣтимъ же враговъ мы въ полѣ,
«Въ битву за Рязань пойдемъ;
«Коль назначено судьбою,
«Смертью славною умремъ».
И сразился князь съ врагами.
Пали въ битвѣ всѣ князья,
Витязи всѣ изъ Рязани:
Неравна была борьба.
Только князь Олегъ Прекрасный
Взятъ врагами въ плѣнъ живымъ,
Ханъ, свирѣпостью ужасный,
Кротокъ съ плѣнникомъ своимъ:
Пораженный красотою,
Силой юнаго борца
За отчизну и свободу,
Нѣжностью его лица,—
Вѣру ханскую и дружбу
Предложилъ ему Батый.
«Дружбы мнѣ твоей не нужно,
«Вѣры не хочу твоей»,
Хану отвѣчалъ съ презрѣньемъ
Храбрый юный князь Олегъ.—
Хана вмѣстѣ съ изумленіемъ
Охватилъ ужасный гнѣвъ.
«Хочешь жить—такъ соглашайся»!—
— «Нѣтъ, я смерти не боюсь:
«Съ жизнію готовъ разстаться
«Я за вѣру и за Русь».
Непривыкшій къ возраженьямъ,
Ханъ казнить его велѣлъ,—
И за вѣру всѣ мученья
Твердо князь Олегъ стерпѣлъ.
Пронскъ, Бѣлгородъ, Ижеславецъ
Взяли полчища татаръ.
Слѣдъ едва отъ нихъ остался:
Мечъ сгубилъ все иль пожаръ.
Наконецъ, къ стѣнамъ Рязани
Подошолъ съ войсками ханъ.
Приготовились граждане
Защищать свою Рязань.
Лѣзутъ на стѣны татары,—
Бревна, камни въ нихъ летятъ,
Градомъ стрѣлъ ихъ осыпаютъ,

Дѣти, женщины кричатъ,
Стоны раненыхъ и крики
Побѣждающихъ татаръ—
Все слилось. Въ разгарѣ битвы
Крѣпость охватилъ пожаръ.
И четыре дня граждане,
Окруженные огнемъ,
Для спасенія Рязани
Съ сильнымъ борятся врагомъ...
Наконецъ, не устояли:
Свѣжіе полки татаръ
Появились подъ стѣнами,
И конецъ борьбы насталъ.
Сквозь отверстіе въ стѣнѣ
Въ городъ ворвались татары;
Здѣсь въ крови, дыму, въ огнѣ
Бились всѣ, не отступая....
Всѣхъ татары перебили,
Храмы Божіе сожгли
И княгиню умертвили
Со снохою и дѣтьми.
Льется кровь дѣтей невинныхъ
На глазахъ у матерей;
Нѣтъ для дикарей святыни,
Нѣтъ любви у дикарей.
Кровью іереевъ честныхъ
Обагрились алтари;
У служителей небесныхъ
Сожжены монастыри.
Никого тутъ не осталось,
Кто-бъ «о близкихъ могъ рыдать»;
По лѣсамъ всѣ разбѣжались,
Кто успѣлъ лишь убѣжать.....
Дальше ханъ пошелъ съ войсками
Русь святую покорять,
Насмѣхаться надъ церквами,
Мучить всѣхъ и убивать.

Евпатій Коловратъ. Смерть его. Трупъ его передъ Батыемъ.

Лишь черныя груды печальныхъ развалинъ
На мѣстѣ погибшей Рязани лежатъ;
Слѣды отъ недавней рѣзни и пожара
О страшномъ приходѣ враговъ говорятъ.

Еще не разсѣялось облако дыма,
И въ городѣ всюду безжизненный мракъ.
Все тихо, лишь каркаютъ вороны злые:
Дерутся, пируя на мертвыхъ тѣлахъ.....
Но чья это рать быстро по полю мчится?
Какой храбрый витязь ведетъ свою рать?
Ужель онъ свирѣпыхъ враговъ не боится
И полчища страшныя хочетъ нагнать?
Тотъ витязь—Евпатій, рязанскій бояринъ;
Припелъ онъ на помощь родной сторонѣ,
Но поздно: лишь трупы да груды развалинъ
Нашелъ онъ; всѣ мертвы, все сгибло въ
огнѣ.
И онъ говоритъ своей вѣрной дружинѣ:
«Пропала надежда, погибла Рязань.
«Сѣдлайте коней и враговъ мы настигнемъ,
«Пока не далеко успѣлъ уйти ханъ» ....
И храбрая рать снова по полю мчится
На бѣлою пѣной покрытыхъ, коняхъ:
Отмстить за Рязань и съ врагами сра-
зиться.
Во взорахъ—отвага, далекъ отъ нихъ
страхъ.
Ужъ поздно. Спокойно все въ станѣ та-
тарскомъ;
Всѣ спятъ, и въ палаткѣ своей спитъ
Батый,
И видитъ онъ сонъ о погромѣ рязанскомъ,
О битвѣ, побѣдахъ, о славѣ своей.
Не спятъ на постахъ лишь одни часовые.
Вдругъ слышатъ-несется къ нимъ грозная
рать.
Тревога и шумъ среди войска Батыя.
(То мчится съ дружиной своей Коловратъ).
Въ смятеніи бѣгаютъ воины хана,
Сѣдлаютъ коней, вынимаютъ мечи.
«Вѣдь всѣхъ перебили мы въ битвѣ въ
Рязани,
«Откуда же скачутъ къ намъ эти враги»?
Они вопрошаютъ въ испугѣ другъ друга.
«Убитые встали, вновь въ битву идутъ».
Всѣ строятся быстро. Звучатъ рѣзко трубы.
Татары со страхомъ сраженія ждутъ.
И вотъ наступила ужасная битва,

И кровь непріятелей льется рѣкой:
Татарское войско рядами ложится
Подъ сильной, Евпатія грозной рукой.
И ужасъ наполнилъ все сердце Батыя.
Случайно татары въ плѣнъ взяли враговъ.
«Ну кто вы такіе, скажите скорѣе;
«Иначе тотчасъ же лишитесь головъ».
Спросилъ ханъ у плѣнныхъ, имъ смертью грозя.
И плѣнные витязи такъ отвѣчали:
«Мы всѣ изъ Рязани къ тебѣ прискакали
«И «съ честью» отсюда проводимъ тебя;
«Начальникъ же нашей воинственной рати—
«Рязанскаго князя бояринъ Евпатій.
«За гибель Рязани рѣшивъ отомстить,
«Мы жизни въ бою поклялись не щадить».
Тогда Хоздоврyль, хана зать, похвалился
Евпатія къ хану живымъ привести.
Евпатій на битву съ врагомъ самъ явился.
На быстрыхъ коняхъ тутъ слетѣлись враги.
Разсѣкъ Хоздоврула на части Евпатій,—
И силою витязя ханъ пораженъ.
Его умертвить онъ велѣлъ своей рати,—
Его не осилили крѣпкимъ мечемъ,
И порокъ огромный тотчасъ притащили;
Концомъ обратили орудіе къ нему
И сильнымъ ударомъ его умертвили.
Всѣхъ русскихъ убили; пять только въ плѣну.....
Предъ ханомъ безжизненный трупъ Коловрата.
Вокругъ него плѣнники хана стоятъ.
Они лишь остались отъ всей храброй рати,—
Защиты, спасенія нечего ждать.
Но медлитъ приказомъ казнить ихъ Батый:
Съ глубокой печалью онъ смотритъ на тѣло
И молвитъ: «О, витязь, ты встрѣтилъ смерть смѣло,
«Отмщая за гибель отчизны своей.
«Теперь предо мной бездыханный твой трупъ.

«Ужъ, видно, назначено злою судьбою,
«Чтобъ былъ ты мнѣ врагъ. Если-бъ былъ
ты мнѣ другъ,
«Владѣлъ бы ты всею моею душею.
«Вы, воины, витязя тѣло возьмите,
«Чтобъ съ честью достойной его схоронить;
«Идите и всѣмъ на Руси разскажите,
«Какъ сильно отечество можно любить;
«Чтобъ дѣти и внуки его не забыли,
«Какой славной смертью въ бою онъ по-
чилъ,
«И чтобъ дорогую для русскихъ могилу,
«Какъ будто могилу отца, всякій чтилъ.

Св. Василій Рязанскій.

«Ты лжешь, отецъ», кричалъ народъ.
«Ты лжешь, сознайся передъ нами,
«Такой поступокъ не идетъ
«Къ твоимъ лѣтамъ, къ святому сану».
И онъ напрасно передъ ними
Свою невинность защищалъ;
Словами кроткими своими
Сильнѣй ихъ ярость возбуждалъ.
«Василій не епископъ намъ,
«Убить его»! Толпа кричала;
Но чистыя уста молчали,
Внемля безумнымъ тѣмъ словамъ.
И умертвить его рѣшили.
Тогда онъ кротко имъ сказалъ:
«Меня вы ложно обвинили,
«И я, какъ прежде отвѣчалъ,
«Опять скажу: невиненъ я,
«Но соблазнилъ васъ духъ нечистый.
«Прошу васъ, братья, погодите
«До трехъ часовъ казнить меня»...
Народъ безмолвно расходился,
Рѣшивъ убійство отложить;
А онъ спокойно удалился
Молитву въ церкви сотворить...
Настала ночь, и все затихло.
Темно вездѣ; весь городъ спитъ;

Лишь въ церкви Глѣба и Бориса
Лампада сумрачно горитъ.
Въ послѣдній разъ ужъ въ этомъ храмѣ
Съ мольбой горячей на устахъ
Василій-старецъ со слезами
Склонился съ вѣрою въ очахъ.
Онъ—праведный и честный старецъ,
Епископъ—паствой обвиненъ;
Приговоренъ онъ ею къ казни,
Невинный на смерть осужденъ.
И онъ съ глубокимъ сокрушеньемъ
Молился въ эту ночь Творцу,
Молился у Господа спасенія,—
Разсѣять злую клевету...
Настало утро. Звѣзды скрылись,
Ужъ встало солнце. Надъ рѣкой
Поднялся паръ. Все пробудилось,
И всюду говоръ, шумъ дневной....
Но для чего всѣ побѣжали
Поспѣшно къ берегу рѣки?
Зачѣмъ дѣла всѣ побросали?
Что увидали тамъ они?
Тамъ на рѣкѣ Святой Василій
На мантіи своей плыветъ:
Его граждане оскорбили—
Въ другое мѣсто онъ идетъ.
Съ иконою Пречистой Дѣвы
Плыветъ онъ быстро противъ волнъ.
Господь мольбу услышалъ съ неба:
Святителя прославилъ Онъ.
«Вернись, отецъ»! народъ взываетъ,
Но онъ несется по рѣкѣ,
Всѣхъ на пути благословляя,
Съ сіяньемъ свѣтлымъ на челѣ.....
И черезъ шесть часовъ Василій
Къ Рязани по Окѣ приплылъ,
На берегъ тихій и пустынный
Съ иконой на рукахъ вступилъ.....
Большое торжество въ Рязани:
Во всѣ колокола звонятъ;
Князья съ хоругвями, крестами
Идутъ епископа встрѣчать.
И онъ, народомъ окруженный,
Вступаетъ радостно въ Рязань,

Рукою Божьей приведенный.
«Господь епископа намъ далъ!
«Хвала Творцу»! народъ взываетъ,
И плачутъ многіе въ толпѣ;
А онъ идетъ, благословляя,
Съ сіяніемъ свѣтлымъ на челѣ.....
Съ тѣхъ поръ-старинное преданье
Намъ такъ объ этомъ говоритъ—
Не въ Муромѣ, а ужъ въ Рязани
Епископы всѣ стали жить.

Олегъ и Сергій Радонежскій (1385).

Пируетъ князь въ своихъ палатахъ:
Идетъ онъ завтра на Москву
И угощаетъ рать свою
На этомъ пиршествѣ богатомъ.
Пройдетъ дней пять—и онъ съ войсками
Подступитъ ужъ къ стѣнамъ Москвы,—
Рѣшится здѣсь судьба Рязани.
А онъ, какъ будто нѣтъ войны,
Гостей веселыхъ угощаетъ
И кубокъ съ дорогимъ виномъ
За ихъ здоровье поднимаетъ;
За городъ свой пить хочетъ онъ.....
Въ палаты входитъ вдругъ слуга:
«Какой-то старецъ, князь, желаетъ
«Сейчасъ же увидать тебя;
»Тебя въ сѣняхъ онъ ожидаетъ».
Услышалъ князь; пошелъ съ слугою,
Чтобъ встрѣтить гостя своего.
Сѣдого старца предъ собою
Увидѣлъ онъ; зоветъ его
Идти къ гостямъ на пиръ веселый,
Но старецъ чудный отвѣчалъ:
«Я знаю, князь, ты пировалъ,
«Къ Москѣ войной идти готовый.
«Оставь теперь своихъ гостей.
«Мнѣ нужно говорить съ тобою;
«Я—Сергій: съ братіей своей
«Живу я близко подъ Москвою».
Узналъ подвижника святого
Олегъ; съ собою въ терема

Ведетъ онъ гостя дорогого.
«Ну что, отецъ мой, отъ меня
«Желаешь ты и издалека
«Зачѣмъ пришелъ»?
Вздохнувъ глубоко,
Олегу на его слова
Отвѣтилъ Сергій: «Князь, пришелъ я
«Твою вражду къ Москвѣ смирить.
«Мы—христіане, и по долгу
«Должны другъ друга мы любить.
«Забылъ ты заповѣдь Христову»!
«Ты проливаешь ближнихъ кровь
«И постоянною войною
«Ты въ сердцѣ заглушилъ любовь.
«Рязань, Москва, ты самъ и Дмитрій—
«Не къ одному ли Богу вы
«Возносите свои молитвы?—
«А между вами нѣтъ любви»!
«Отецъ мой, развѣ ты не знаешь,
«Зачѣмъ я съ нимъ веду борьбу?
«Свободу родины спасаю,
«Борюсь за родину свою.
«Ужель, отецъ, ты могъ подумать,
«Что соглашусь я сдать Рязань
«И что страну свою родную
«Безъ боя уступлю врагамъ?
«Ужели честь моихъ отцовъ
«Не долженъ я спасать войною?
«И развѣ это не любовь
«Владѣетъ всей моей душею»?
Завѣтной мыслью оживляясь,
Олегъ, волнуясь, говорилъ;
Живая рѣчь его лилася.
Но Сергій тихо возразилъ:
«Нѣтъ, такъ не любятъ христіане:
«Чтобъ силу дать родной странѣ,
«Чтобъ волю сохранить Рязани,
«Ты братьевъ губишь на войнѣ.
«Народъ войной отягощаешь,
«На русскихъ—русскихъ же ведешь,
«Единовѣрцевъ убиваешь,—
«Любовью это ты зовешь?
«Опомнись, князь, ужель ты можешь
«Идти на Русь? Ужель тебѣ

«Рязань Россіи всей дороже?
«А Русь слабѣетъ на войнѣ!
«Кругомъ враги—литва, татары—
«Напасть готовы всякій часъ,—
«А нѣтъ согласья межъ князьями,—
«И побѣдить легко имъ насъ.
«Зачѣмъ ты думаешь, что Дмитрій
«Желаетъ власть твою отнять?
«Нѣтъ: онъ желаетъ въ тихомъ мирѣ
«Россіи цѣлость охранять.
«Склонись же, князь, на миръ святой:
«Благословитъ своей рукою
«Господь союзъ вашъ молодой
«Между Рязанью и Москвою».
Такъ кротко Сергій говорилъ.
Своими тихими словами
Онъ гордость князя побѣдилъ,
И князь, растроганный съ слезами
Поклялся Сергію съ Москвою
Всегда въ любви и мирѣ жить.
Женилъ на дочери Донского
Онъ сына, чтобы миръ скрѣпить.
И послѣ ужъ не враждовали
Князья Рязанскіе съ Москвой:
Олега клятву уважали
И были вѣрны клятвѣ той.

Хабаръ Симскій, воевода рязанскій.

Василій князь, народъ, бояре
Нежданной вѣстью смущены:
Къ Москвѣ опять идутъ татары
И ужъ недалеко они.
Желаетъ ханъ Махметъ-Гирей
Вернуть Ордѣ былую славу;
Онъ Русь обложитъ тяжкой данью;
Онъ занятъ весь мечтой своею.
Князь Бѣльскій, юный воевода,
Разбитъ на берегахъ Оки,
И безпорядочной толпою
Бѣжали русскіе полки.
Василій въ Волокъ уѣзжаетъ,
Чтобъ новыя войска собрать.

Татары быстро наступаютъ,
На всемъ пути имъ нѣтъ преградъ.
Обрадованъ своей удачей,
Къ Москвѣ подходитъ грозный ханъ.
Онъ требуетъ покорной сдачи,—
Чтобъ русскіе платили дань.
Кругомъ Москвы въ огнѣ деревни,
Всѣхъ ожидаетъ смерть иль плѣнъ.
Въ Москвѣ нѣтъ войска. Вся надежда
На крѣпость толстыхъ, старыхъ стѣнъ.
И заперлись всѣ за стѣнами
И съ твердою надеждой ждутъ,
Когда вернется князь съ войсками:
Предъ нимъ татары убѣгутъ.
Но дни идутъ. Долга осада.
О князѣ съ войскомъ не слыхать.
Ужъ время голода настало:
Придется скоро городъ сдать.
И вотъ рѣшили здѣсь бояре
Махмета чѣмъ нибудь смягчить:
Отправили пословъ съ дарами,
Чтобъ упросили отступить.
Ханъ отвѣчалъ, что онъ отступитъ
Тогда, когда возьметъ съ нихъ дань
И грамоту отъ нихъ получитъ,
Что «можетъ дань брать съ русскихъ
ханъ».
Тогда сказали всѣ бояре,
Что лучше хану дань платить,
Чѣмъ сдать Москву во власть татарамъ:
Россіи безъ Москвы не быть.
И дали грамоту о дани,
И отступилъ съ войсками ханъ.
Пошелъ за данью онъ къ Рязани,
Расположилъ предъ ней свой станъ.
Хабаръ, рязанскій воевода,
За плѣнныхъ хану выкупъ далъ,
Но отвѣчалъ, что онъ о дани
Вѣстей пока не получалъ.
«Пусть грамоту пришлетъ мнѣ ханъ»,
Сказалъ онъ такъ посланцамъ ханскимъ:
«Пока ея я не видалъ,
«Не быть мнѣ данникомъ татарскимъ»!
Пошли послы съ отвѣтомъ къ хану,

И полный честолюбья ханъ,
О хитрости не помышляя,
Вручилъ ту грамоту посламъ.
И полчища ужъ поцступали,
Когда ее Хабаръ читалъ.
Затихло все. Татары ждали...
Тутъ пушкаря Хабаръ призвалъ
И, тайный давъ ему приказъ,
Предъ изумленными послами
Онъ разорвалъ тотчасъ указъ.
«Нѣтъ, не дадимъ мы дани хану»!
И выстрѣлъ съ башни заглушилъ
Его слова. Враги бѣжали.
Такъ спасъ всю Русь Хабаръ отъ дани,
За униженье отомстилъ.
Съ тѣхъ поръ прошло не мало лѣтъ,
Но и теперь еще въ народѣ
Извѣстенъ подвигъ воеводы:
Героямъ славнымъ смерти нѣтъ.

Шефферъ.

№ 7.

Къ вопросу объ основаніи города Переяславля-Рязанскаго.

Извѣстіе о первоначальномъ построеніи Переяславля-Рязанскаго въ 1095 почерпнуто изъ единственнаго источника, а именно изъ особой записи, писанной на оборотѣ одного листа въ рукописной слѣдованной псалтири, которая хранится въ библіотекѣ Рязанской Семинаріи, подъ № 130. Но прежде, чѣмъ подвергать эту запись критическому обслѣдованію, я должень упомянуть о тѣхъ ссылкахъ на нее, которыя были сдѣланы нашими историками.

Д. И. Иловайскій въ своей исторіи Рязанскаго Княжества, ссылаясь на Рязанскія Достопамятности, арх. Іеронима, пишетъ. что подъ 1096 г. имѣется слѣдующее извѣстіе: «заложенъ былъ градъ Переяславль-Рязанскій у церкви св. Николы Стараго». Ссылка на 1096 г. здѣсь не вѣрна. Въ Рязанскихъ Достопамятностяхъ это извѣстіе приведено подъ 1095 г., какъ и должно быть, такъ какъ оно было, несомнѣнно, взято изъ упомянутой записи, сдѣланной на одномъ изъ листовъ слѣдованной псалтири. Въ заголовкѣ этого извѣстія дѣйствительно обозначено, что оно заимствовано «изъ записки особой».

Приводя изъ Достопамятностей тоже самое свѣдѣніе, Любомудровъ въ своихъ «мѣстно-географическихъ древностяхъ въ Рязанск. губер.» (Епарх. Вѣд. 1873 г.), ссылается въ подтвержденіе этого свидѣтельства на ту запись, которая сдѣлана въ слѣдованной псалтири, очевидно, принимая ее за особаго рода источникъ, не имѣющій прямаго отношенія къ извѣстію Достопамятностей; но любопытно то, что приведенная Любомудровымъ выписка, не сходится съ подлинной записью. У него она имѣетъ такой видъ: «въ лѣто 6605 (1097) заложенъ бысь городъ Переславль-Резанской около церкви святаго Николы». Здѣсь, не смотря на видимое желаніе сохранить орфографію подлинника, оказывается неточность въ передачѣ не только правописанія, но и самыхъ словъ, что указываетъ на то, что Любомудровъ самъ не видалъ этой записи, а, вѣроятно, воспользовался ею изъ чужихъ рукъ. Этимъ же можетъ быть объяснено и то обстоятельство, что онъ ошибочно поставилъ 6605-й, тогда какъ въ записи ясно указанъ 6603-й. Между тѣмъ, не подозрѣвая невѣрности въ передачѣ текста записи, Любомудровъ дѣлаетъ попытку объяснить причину разницы его даты съ датой, приведенной въ Достопамятностяхъ Іеронима, для чего пускается въ подробныя историческія соображенія о времени дѣйствительнаго вступленія Ярослава въ самостоятельное управленіе Муромо-Рязанскимъ краемъ и проч.

Наконецъ, редакторъ Достопамятностей, И. В. Добролюбовъ, указывая въ примѣчаніи источники, откуда заимствовано упомянутое извѣстіе, также передаетъ ошибочно текстъ записи, находящейся въ слѣдованной псалтири, хотя невѣрность ограничивается въ данномъ случаѣ неточностью орфографіи. Но въ примѣчаніи 113 онъ пишетъ: «Запись эта, о заложеніи Переяславля-Рязанскаго, найдена была въ 1837 г. въ архивѣ Рязанской Консисторіи и состояла въ слѣдующемъ: «Въ лѣто (6603—1095) заложенъ бысть Переяславль-Рязанскій около церкви святаго Николы—Стараго. Лѣта 67 (должно быть 45) на сирѣ озерѣ (вѣроятно на стерѣ озерѣ—нѣкоемъ озерѣ) бысть... ева (Батыева?) сѣча,

и такова не бывала въ руской земли, и проши бывали великіе, исцѣленье отъ святаго Николы—чудотворца Стараго въ мѣсяцѣ іуліи въ 29 день, въ сіи день родился святый Николай чудотворецъ Архіепископъ Миръ Ликійскихъ, принесенъ честный его образъ отъ Корсуня на Рязань въ лѣто (6783—1225)». Образъ находится въ Зарайскомъ соборѣ».

Является такимъ образомъ какой-то новый источникъ—запись, найденная въ Рязанской Консисторіи. Но на самомъ дѣлѣ приведенная здѣсь запись есть ничто иное, какъ совершенно не вѣрный списокъ съ той же самой записи на слѣдованной псалтири, причемъ она соединена съ другой замѣткой, сдѣланной въ той же псалтири ниже первой. Подъ первой записью, сдѣланной полууставомъ, дѣйствительно написано, но не полууставомъ, а скорописью и вѣроятно въ другое время и другимъ лицемъ: „Въ мс҃це иꙋлии въ к҃ѳ числѣ || В сии дн҃ь родисѧ свт҃ый Николай чꙋдо || творецъ архиеп҃ипъ мѵръ ликийскихъ || а принесен҃ честный его образъ от҃ Кор҃сꙋнѧ на Рѧзань в лѣто ҂ѕѱлг год҃у.“

Эта замѣтка была списана вмѣстѣ съ первой записью о заложеніи Переяславля безграмотнымъ писцомъ и въ такомъ видѣ сохранилась въ дѣлахъ Консисторіи.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію нашего первоисточника.

Запись эта сдѣлана полууставомъ послѣ канона честному Кресту на оборотномъ листѣ, передъ мѣсяцемъ сентябремъ (не октябремъ, какъ говоритъ И. В. Добролюбовъ). Вотъ ея подлинный текстъ:

„В лѣта. ҂ѕ҃ х҃г заложенъ б҃ы град переславль. резанѣскі окола цр҃кви ст҃го Николы старого. лѣта. ҂ѕ҃ѱк҃е на озере озеро быстрь .... [1]) сѣча. ї такова не бывала в роꙋскої земли ї прощи бꙋвали великие їсцеление отъ ст҃го николы. чюдтворцстарого“.

Мы видимъ въ этой записи не одно извѣстіе, но три: во первыхъ говорится о заложеніи города Переяславля въ 6603 (1095) г., во вторыхъ о происходившей въ 6725 (1217) какой то, до тѣхъ поръ небывалой въ русской землѣ, сѣчѣ, происходившей повидимому на озерѣ Быстромъ [2]), если только слова «на озере озеро быстрь» не относятся къ первому извѣстію [3]), и, въ третьихъ, о бывшихъ отъ святаго Николы чудотворца великихъ исцѣленіяхъ. По характеру этой записи видно, что она, по всей вѣроятности, заимствована изъ какой нибудь лѣтописи, до насъ не дошедшей.

Кѣмъ сдѣлана приведенная запись? Ильинскимъ ли попомъ Маркомъ, рукою котораго, судя по сдѣланному имъ собственноручному послѣсловію въ концѣ книги, писана слѣдованная псалтирь въ 1570 году (хотя

---

[1]) Слово нельзя разобрать.

[2]) Въ грамотѣ в. кн. Рязанск. Ив. Третнаго, отъ 7 марта 1485 г. говорится, что— „церк. Никола Старый стоитъ на Быстромъ озерѣ на берегу“.

[3]) Не упоминается ли здѣсь объ извѣстномъ братоубійствѣ, происходившемъ 20 іюля 1217 года, когда нѣсколько Рязанскихъ князей „снидошася вси на Исады“ и были во время пира въ шатрѣ предательски убиты двоюроднымъ братомъ, Рязанскимъ княземъ Глѣбомъ Владиміровичемъ. Полагаютъ, что „Исады“—это нынѣшнее село Исады, находящееся въ 7 верстахъ отъ Старой Рязани. Но не разумѣется ли здѣсь какая нибудь другая мѣстность подлѣ Переяславля-Рязанскаго, или быть можетъ близъ этого города была потомъ битва между княземъ Глѣбомъ Рязанскимъ и кн. Ингваремъ Игоревичемъ, уцѣлѣвшимъ отъ побоища и вступившимъ съ Глѣбомъ въ борьбу. Интересно также знать, что такое Исады? Собственное ли имя, обозначавшее мѣстность, или нарицательное— названія, пригороднаго мѣстопребыванія, нѣчто въ родѣ дачи?

она писана, повидимому, различными почерками и можетъ быть въ разное время). или кѣмъ либо другимъ. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, какъ можно заключить изъ палеографическихъ соображеній, что запись эта относится къ концу XVI вѣка, никакъ не позднѣе

Является теперь вопросъ, на сколько можно довѣрять этой записи и на основаніи ея дѣлать какія-либо заключенія?

Мнѣ кажется, что мы не погрѣшимъ противъ основъ правильной исторической критики, если признаемъ эту запись за имѣющую для насъ неопровержимое значеніе. Запись эта имѣетъ за собою тѣже основанія достовѣрности, какъ и всякое другое лѣтописное извѣстіе, если оно не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго и можетъ быть подкрѣплено какими либо другими историческими указаніями. Чѣмъ достовѣрнѣе передъ указанной записью напр. любой лѣтописный источникъ, нерѣдко доходящій до насъ въ позднѣйшихъ спискахъ, а между тѣмъ на подобныхъ источникахъ строится вся наша исторія? Вотъ, еслибы наше извѣстіе заключало бы въ себѣ какое нибудь противорѣчіе, или несообразность, то, разумѣется, мы должны были бы признать его неслуживающимъ довѣрія. Между тѣмъ въ настоящемъ случаѣ совершенно наоборотъ: извѣстіе о построеніи города Переяславля въ 1095 г. не только не представляетъ ничего невѣроятнаго, но подкрѣпляется цѣлымъ рядомъ соображеній, къ которымъ мы и перейдемъ.

Собственно въ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ названіе Переславля приводится въ первый разъ подъ 1300 г., гдѣ говорится о присутствіи въ то время у Переславля князей Рязанскихъ и въ слѣдующемъ 1301 г., когда происходила возлѣ Переславля-Рязанскаго битва Московскаго князя Даніила съ Константиномъ Ярославичемъ Рязанскимъ. Но это не значитъ, чтобы городъ Переяславль ранѣе не существовалъ. Весьма возможно, что о немъ не упоминалось ранѣе или вслѣдствіе не важности, происходившихъ въ немъ, событій, или вслѣдствіе того, что въ лѣтописи объ немъ упоминается подъ другимъ названіемъ, какъ это нерѣдко бываетъ. Одно и тоже населенное мѣсто, даже въ настоящее время, носитъ различныя названія (какъ напр. многія наши селенія).

Есть основаніе предполагать, какъ это вѣрно было указано Н. И. Надеждинымъ и К. А. Неволинымъ (Древнія Русскія Княжества, съ 1054 по 1240 г., М. П. Погодина, II, стр. 32, прим. 35), что городъ Переславль могъ еще называться «Борисово-Глѣбовымъ», о которомъ упоминаетъ лѣтопись подъ 1180 г., гдѣ говорится, что «Всеволодъ иде (изъ Коломны) къ Резаню, взя городъ Борисовъ-Глѣбовъ». Дѣйствително, на посадѣ Переяславля-Рязанскаго издревле существовала на берегу Трубежа Борисо-Глѣбская церковь, бывшая, съ конца XIII вѣка до паденія Рязанскаго княжества, соборною церковью. Съ этимъ соглашается и Любомудровъ.

Хотя по другимъ предположеніямъ (Калайдовича) городъ Борисовъ-Глѣбовъ былъ на мѣстѣ настоящаго Глѣбова-Городища на р. Вожѣ, при впаденіи въ нее рѣчки Реберки, въ 30 верстахъ отъ Зарайска, но это предположеніе основано лишь на сходствѣ одного названія: Глѣбовъ городъ и Глѣбово городище. Глѣбовъ городъ упоминается въ жалованной грамотѣ в. кн. Рязанскаго Олега Ивановича, который его вымѣнялъ у еп. Рязанскаго Василія II на др. вотчины, а также помѣщенъ въ спискѣ Рязанскихъ городовъ въ Воскр. лѣтописи. Но здѣсь говорится о городѣ Глѣбовѣ, а не о Борисово-Глѣбовѣ. Весьма возможно, что это не одно и тоже. Названіе города Переяславля-Рязанскаго Борисово-Глѣбовымъ, по имени соборнаго храма, весьма правдоподобно. Примѣровъ подобнаго

рода наименованій можно привесть много. Достаточно упомянуть Зарайскъ, названіе котораго не самостоятельное, но происходитъ отъ иконы Николы чудотворца Зарайскаго (у Николы Зарайскаго, за-Рязскаго, за-Рязанскаго, привезеннаго изъ за-Рязани). Если наше предположеніе вѣрно, то существованіе Переславля-Рязанскаго еще отдаляется въ старину, по лѣтописн. указаніямъ, болѣе чѣмъ на 100 лѣтъ, а именно до 1180 года.

Но есть и еще указаніе о существованіи Переяславля-Рязанскаго около того же времени. Въ тѣхъ же Достопамятностахъ Іеронима, подъ 1208 г., сказано, на основаніи какой-то полуставной тетради и росписи, что при великомъ князѣ Рязанскомъ Романѣ Игоревичѣ внукѣ Глѣбовѣ, былъ на Рязани епископъ Арсеній 1-й, заложившій городъ Переславль у озера (Карасева). Названіе озера въ скобкахъ, очевидно принадлежитъ автору Достопамятностей, а не источнику, изъ котораго онъ заимствовалъ это свѣдѣніе.

По мнѣнію Любомудрова, это вторичное заложеніе Переславля-Рязанскаго относится къ тому смутному времени, когда Всеволодъ III, вел. кн. Владиміро-Суздальскій, пользуясь междуусобіями князей Рязанскихъ, домогался утвердить свое преобладаніе надъ Рязанскою землею, разорялъ ея предѣлы, разрушалъ города, сажалъ въ нихъ своихъ намѣстниковъ, бралъ въ плѣнъ и отводилъ во Владиміръ князей Рязанскихъ Епископъ Арсеній въ это время не разъ являлся ходатаемъ и защитникомъ своей паствы передъ Всеволодомъ. Весьма возможно, что послѣ страшнаго разгрома, которому подверглись въ то время всѣ Рязанскіе города, Арсеній позаботился о возобновленіи ихъ. Переяславль можетъ быть до того времени не былъ достаточно огражденъ, почему потребовалось, въ силу стратегическихъ соображеній, устройство новыхъ укрѣпленій, что и было предпринято, по благословенію епископа Арсенія въ 1209 г. Стало быть фактъ заложенія города (или крѣпости, укрѣпленія) Переяславля въ 1208 г. не представляетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго и не противорѣчитъ первому извѣстію объ основаніи Переяславля въ 1095 г.

Итакъ, мы имѣемъ основаніе предполагать существованіе Переяславля-Рязанскаго сто лѣтъ съ небольшимъ спустя, а если примемъ тождество Переяславля-Рязанскаго съ упоминаемымъ въ лѣтописи г. Борисово-Глѣбовымъ, то спустя 86 лѣтъ послѣ перваго упоминанія объ его основаніи въ приведенной нами записи.

Намъ остается лишь привести тѣ историческія соображенія, которыя устанавливаютъ полную вѣроятность того, что онъ былъ именно основанъ въ концѣ XI вѣка первымъ Рязанскимъ княземъ Ярославомъ Святославичемъ.

Послѣ смерти Святослава Ярославича, младшій его сынъ Ярославъ остался очень молодъ, такъ что первое время онъ, какъ полагаетъ Иловайскій, жилъ у дяди своего Всеволода, которому по дѣленію Ярослава I доставалось Переяславское княжество. Предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что другой, старшій братъ Ярослава, извѣстный Олегъ Гориславичъ, также жилъ у Всеволода до вступленія послѣдняго на великокняжескій престолъ. Можетъ быть эта совмѣстная жизнь обоихъ братьевъ и упрочила ихъ послѣдующія дружескія отношенія: извѣстно, что Ярославъ постоянно находился у старшаго брата въ повиновеніи и принималъ участіе въ его борьбѣ за обладаніе отцовскими волостями въ Приднѣпровьи. Когда въ 1078 г. Всеволодъ сдѣлался великимъ княземъ и раздѣлилъ племянникамъ удѣлы, Ярославу досталась Рязань.

Когда именно онъ отправился въ свой удѣлъ—неизвѣстно, но есть основаніе предполагать, что до 1096 г. онъ уже жилъ въ Рязани. По мнѣнію Иловайскаго, это «отчасти обнаруживается тѣмъ, что сынъ Мономаха, Изяславъ, изъ Курска отправился прямо въ Муромъ, гдѣ находились посадники Олега, и на пути миновалъ Рязань, вѣроятно, потому, что она управлялась въ то время собственнымъкняземъ». Затѣмъ, когда въ 1096 г. Олегъ, идя на Муромъ, зашелъ въ Рязань и захватилъ съ собой Рязанскую дружину, можно допустить, что въ походѣ принималъ участіе и Ярославъ. По крайней мѣрѣ мы вскорѣ застаемъ его среди войска Олега близъ Ростова, когда Олегъ, захвативъ Ростовскія земли, послѣ побѣды надъ Изяславомъ, защищался противъ брата послѣдняго, Мстислава Новгородскаго, и выслалъ Ярослава напередъ «въ сторожахъ». Допустивъ такимъ образомъ предположеніе о томъ, что Ярославъ до 1096 г. княжилъ въ Рязани, мы естественно должны считать возможнымъ и то, что онъ заботился о построеніи городовъ въ своей малочисленной области. Это стремленіе къ основанію городскихъ поселеній вызывалось потребностью еще при жизни отца его, Святослава Ярославича, который, получивъ отъ отца Черниговскій удѣлъ, а вмѣстѣ съ нимъ и земли, лежащія по долинѣ р. Оки, сознавалъ необходимымъ «связать крайніе пункты своихъ обширныхъ владѣній, централизовать подчиненныя Рязанскія племена и противупоставить укрѣпленные пункты на носу кочевыхъ варваровъ». Вотъ чѣмъ было вызвано и основаніе Рязани въ 60-хъ годахъ XI стол. Не мудрено, что и Ярославъ явился послѣдователемъ своего отца въ его строительной дѣятельности и, такимъ образомъ, положилъ начало новому городу Переславлю.

По словамъ Герберштейна, этотъ городъ назывался Ярославлемъ, въ честь своего основателя. Но вѣрнѣе допустить, что Герберштейнъ ошибся въ произношеніи этого имени, смѣшавъ Переславль съ Ярославлемъ. Самое имя Переславля или Переяславля, а равно названіе рѣчекъ Трубежа и Лыбеди, при сліяніи которыхъ онъ построенъ, служитъ косвеннымъ подтвержденіемъ того, что онъ своимъ существованіемъ обязанъ именно Ярославу. Проведя свои молодые годы въ Переяславлѣ, главномъ городѣ Переяславскаго княжества, лежащемъ также на р. Трубежѣ, и всю жизнь тяготѣя къ отцовскимъ Приднѣпровскимъ владѣніямъ, Ярославъ естественно пожелалъ окрестить основанный имъ городъ дорогимъ для его сердца именемъ; названія рѣчекъ Трубежа, Лыбеди, ручья Дуная, выходящаго изъ Трубежа подлѣ Рязани, а также Чигирина (особаго мѣста на Трубежѣ подъ Рязанью)—всѣ они также перенесены съ юго-запада Россіи, и, конечно, не кѣмъ инымъ, какъ тѣмъ княземъ, который первый поселился здѣсь и вмѣстѣ со своей дружиной, приведенной съ южныхъ владѣній своего отца и дяди, положилъ начало славянской колонизаціи въ нашей глухой мѣстности.

Итакъ, резюмируя все, нами сказанное, мы должны признать:

1) что запись, сдѣланная неизвѣстнымъ лицемъ на одномъ изъ листовъ слѣдованной псалтыри въ концѣ XVI вѣка и заключающая въ себѣ указаніе объ основаніи Переяславля-Рязанскаго въ 1095 г., около церкви св Николы Стараго,—не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго или несообразнаго;

2) что приводимая въ этой записи дата объ основаніи г. Переяславля подкрѣпляется цѣлымъ рядомъ историческихъ соображеній;

и, наконецъ, 3) что какъ по своему внѣшнему характеру, такъ и по существу дѣла, упомянутая запись имѣетъ всѣ признаки лѣтописнаго указанія, которое, пока оно не будетъ опровергнуто какими-любо иными данными, имѣетъ для насъ значеніе безспорное.

А. Селивановъ.

По тому же вопросу.

(Изъ реферата члена Коммиссіи С. Д. Яхонтова въ 1894 году).

Вопросъ о годѣ основанія Переславля Рязанскаго вовсе не важный обще-историческій вопросъ. Но онъ имѣетъ интересъ для изслѣдователей мѣстной старины и особенно останавливаетъ на себѣ вниманіе въ виду предположеннаго юбилейнаго празднованія въ г. Рязани. Поэтому и желательно какъ можно тверже установить дату основанія города. На чемъ основывается исчисленіе, что городъ Переславль Рязанскій прожилъ 800 лѣтъ?

1095 годъ,—какъ годъ основанія города Переславля Рязанскаго, указывается въ двухъ записяхъ. Первая запись найдена въ рукописной полууставной слѣдованной псалтири, хранящейся въ библіотекѣ Ряз. Дух. Семинаріи подъ № 130. Вторая запись сдѣлана на отдѣльномъ листѣ, хранящемся въ той же библіотекѣ подъ № 1,111 Катал. Б... Мы не имѣемъ подъ руками болѣе записей поэтому предмету. Обыкновенно ссылаются мѣстные изслѣдователи старины, во вторыхъ, на запись, найденную въ 1837 году въ Духовной Консисторіи. Но Консисторская и Семинарская № 2-й—одна и таже. Когда первая передана въ семинарскую библіотеку?—Судя по тому, что примѣчанія къ ней сдѣланы рукою преосвящ. Ряз. Гавріила, думаемъ, что извлеченная изъ Архива Консисторскаго, она хранилась въ числѣ рукописей Преосвящ. Гавріила, большого собирателя Рязанской старины,—и по его смерти со многими другими рукописями и книгами передана была въ семинарскую библіотеку. Обѣ записи по содержанію своему сходны. Первая, въ слѣдованной псалтири, сдѣлана полууставомъ. Письмо можно относить и къ XVI и къ началу XVII вѣка. Обыкновенно запись относятъ къ XVI вѣку, болѣе, разумѣется, на томъ основаніи, что написаніе псалтири относится къ 1570 году [1]). Мы же думаемъ, что къ XVI вѣку запись слѣдуетъ относить на слѣдующемъ, болѣе твердомъ, основаніи, и даже установить нѣкоторую точность въ датѣ. Почеркъ данной записи не походитъ ни на одинъ изъ многихъ почерковъ, коими написана вся псалтирь, слѣдовательно не писана ни кѣмъ изъ тѣхъ переписчиковъ, которые переписывали псалтирь. (Самъ попъ Марко только *дописалъ*, окончилъ) Но сходною рукою, одинаковымъ почеркомъ, какою сдѣлана запись, въ концѣ книги, на оборотѣ послѣдняго листа, сначала бывшаго пустымъ, сдѣлана приписка: „ѹста кака глати псаты велики постѣ и

[1]) На 2-й отъ конца тетради сдѣлана очень большая приписка (вовсю страницу) она начинается такъ: «дописана бысть сія книга псалтыря слѣдованіемъ рукою многогрѣшнаго священнаго ерея, раба Божія Ильинскаго попа Марка, на память святаго апостола Матѳея, лѣта 7078 (1570 г.).

т. д.“ и чернила, и очинъ пера и грамотность — одни и тѣже, Возможно, что авторъ приписки сдѣлалъ запись о заложеніи Переяславля, воспользовавшись пустымъ листомъ. Установивши такое тожество между припискою и записью, мы откроемъ и времяи автора записи. Приписка въ концѣ псалтири оканчивается едва разбираемою отъ времени фразою: „ а пе-
л л з л л р т л и
рєплє и приписа и ѵка росписа, как псаты в постъ говори никоско
п и т т н л
по Wѳонасє; кто стане говори и w бы пожалова доѵшѵ моєю ..... [2]) † лѣта 6103 (1595)“ На основаніи этихъ свѣдѣній, приблизительно пожалуй, устанавливаемъ и годъ происхожденія записи о заложеніи Переславля 1595 и еще съ большимъ основаніемъ личность автора,— никольскаго попа Аѳанасія. Никольская—здѣсь разумѣется Николы Стараго, ибо книга, слѣдов. псалтырь принадлежала, какъ вкладъ, этому храму [3]).

Въ записи о заложеніи Переяславля нѣсколько смущаетъ только правописаніе слова русской: **рovской**; „v“ нѣтъ вовсе въ псалтири по старымъ листамъ, а попадается на подклейкахъ, позднѣйшаго времени. Вторая запись сдѣлана бойкою скорописью XVII вѣка. По характеру почерка ее можно относить ко второй половинѣ XVII в. (къ концу даже). Запись сдѣлана на клочкѣ бумажки, отрѣзанномъ отъ цѣлаго столбца (далѣе по краю видны верхнія части буквъ слѣдующей, отрѣзанной, строки). Что заключалъ въ себѣ весь столбецъ, нельзя сказать ничего; но нѣтъ основанія думать, что и это случайная запись, такая же, какъ въ слѣдованной псалтири: это вовсякомъ случаѣ не проба пера. Слишкомъ ужъ много случаевъ допущено было бы. Размѣръ обрѣзка $2^1/_2$ вершка. Онъ наклеенъна вырѣзанномъ изъ плотной бумаги столбцѣ; внизу сдѣлана транскрипція записи и 6 примѣчаній къ ней. Все это сдѣлано рукою преосвящ. Гавріила. Въ примѣчаніяхъ, сдѣланныхъ Любомудровымъ къ Рязанскимъ достопамятностямъ (прил. 133) есть свѣдѣніе, что подлинная запись отослана въ Археологическій Комитетъ. Несомнѣнно, что это именно и есть подлинникъ, потому что на оборотѣ подклейки есть надпись карандашемъ: **«Имѣть разсужденіе, когда приступится къ печатанію лѣтописей»** ... Далѣе надпись чернилами и другой рукой: **«изъ Рязани»**. Преосвящ. Гавріилъ сдѣлалъ и примѣчаніе къ записи: **«Запись о заложеніи Пер. Ряз., найденная въ Архивѣ Ряз. Консисторіи въ 1837 году,** (далѣе слѣдуетъ текстъ записи).

«Примѣчанія на запись вышеписанную.

1) **Остальныя числительныя буквы вырваны.**

2) **Вѣроятно надлежало написать: на Етерѣ: на нѣкоемъ.**

3) **Вѣроятно надлежало написать: бысть Батыева.**

4) **Прощенія. Въ Бѣлоруссіи простой народъ, особенно католическаго и уніатскаго исповѣданія, прощами доселѣ называетъ стеченія многолюдныя къ иконѣ чудотворной или къ храмовому празднику, гдѣ многіе исповѣдаются и получаютъ прощенія въ грѣхахъ.**

5) **Нынѣ въ Рязани церкви Стараго Николы не существуетъ болѣе.**

6) **Образъ сей находится нынѣ въ Зарайскомъ соборѣ.“**

---

[2]) Слово стерто.

[3]) На послѣдней крышкѣ переплета, на внутренней сторонѣ, скорописью XVII в. писано: «Сія книга великаго Чудотворца Николы Стараго церковная».

Первая запись: „В лѣта. ҂ѕ҃ х҃г заложенъ б҃ы град переславль. резанѣскоі окола цр҃кви ст҃го Николы старого. лѣта. ҂ѕ҃ ѱк҃е на озере озеро быстрь е..ва сѣча. ї такова не бывала в роускої земли ї прощи бꙋвали великие їсцеление от ст҃го николы. чютворц-стараго“.

Вторая запись: „В лѣто 6603 заложенъ бысть градъ Переславль Рязанской около церкви Святаго Николы Стараго лѣта 66... на озере озере бысть ева сѣча и такова не бывало въ руской земли. И прощи бывали великие изцеление отъ Святого Николы Чудотворца старого въ мѣсяцѣ Іуліи въ 29 день“.....

Едва-ли можно видѣть, что вторая запись менѣе грамотна, чѣмъ первая.

Обѣ эти записи приводятся авторами разныхъ изслѣдованій по исторіи Ряз. края; но едвали кто изъ нихъ имѣлъ подъ руками обѣзаписи одновременно, а нѣкоторые и совсѣмъ ихъ не видѣли, а приводили ихъ съ чужихъ словъ, почему—и не мудрено—что дѣлали въ нихъ невольныя измѣненія.

а) Авторъ Рязанскихъ достопамятностей, архим. Іеронимъ, знаетъ записьточную, хотя и краткую. „Заложенъ бысть градъ Переяславль Рязанскій у церкви св. Николы Стараго.“ (Изъ записки особой). Едва-ли можно полагать, что этою **запискою** была цѣлая слѣдованная псалтирь. Скорѣе такою **особою** записью была запись на подобіе Консисторской, а можетъ быть и она самая.

б) Любомудровъ, авторъ мѣстно-географическихъ древностей въ Рязанской губерніи, (Еп. Вѣд. 1873 г.) приводитъ запись изъ слѣдованной псалтири такъ: „въ лѣто 6605 (1097) заложенъ бысь городъ Переславль Рязанской около церкви Святаго Николы“. Очевидно, авторъ самъ псалтири не видѣлъ. Странно только то, что въ примѣчаніяхъ къ издаваемымъ имъ Рязанскимъ достопамятностямъ и въ примѣч. 10 § 5—онъ же приводитъ этотъ годъ правильно, хотя самую запись передаетъ недословно. Если бы онъ ее видѣлъ въ подлинникѣ, едва-ли утерпѣлъ бы привести ее точно.

в) Тому-же автору и въ томъ же трудѣ (послѣднемъ) извѣстна и вторая запись, и опять не подлинная, какая имѣется у насъ, по тому что онъ приводитъ (прим. 113) въ искаженіи даже примѣчія преосвящ. Гавріила, о которыхъ была рѣчь выше. Тамъ, примѣч. 2 приводитъ: „на Стерѣ озерѣ“—вмѣсто „Етерѣ“. Преосвящ. не разобралъ слово рукописи, въ которой буква З написана два раза особо, на подобіе S.

г) Приводится запись Д. И. Иловайскимъ въ его исторіи Ряз. княжества, но годъ основанія приведенъ и 1095 и 1096 г. (Ист Ряз. Кн.).

д) О. І. Добролюбовъ въ примѣчаніяхъ къ редактируемымъ имъ Рязанскимъ Достопамятностямъ говоритъ объ этихъ записяхъ обѣихъ, но едва-ли по подлинникамъ. Запись псалтири, какъ вѣрно указалъ А. В. Селивановъ (въ статьѣ по вопросу объ основ. Пер. Ряз. Тр. Ар. Ком. 1891 г.) онъ приводитъ орфографически не точно. Что же касается до 2-й записи,—консисторской,—по видимому, и она небыла ему извѣстна въ подлинникѣ, потому что приводится и текстъ и частію вышеприведенныя примѣчанія Гавріила—совсѣмъ въ испорченномъ видѣ.

Напр: вмѣсто словъ „**на озерѣ озере**“, пишетъ „**на Сирѣ озерѣ;**“ или: вмѣсто: „**вѣроятно надлежало написать: на Етерѣ:—на нѣкоемъ**“, пишется: „**вѣроятно на Стерѣ озерѣ: некоемъ**“... Такъ образомъ и здѣсь сомнѣваемся въ знакомствѣ съ подлинными записями.

е) А. В. Селивановъ въ статьѣ своей, разбирая вышеуказанныя редакціи, самъ невольно впадаетъ въ ошибку. считая запись консисторскую невѣрнымъ спискомъ съ записи въ слѣдованной псалтири, сдѣланной будто-бы безграмотнымъ писцомъ, и въ такомъ видѣ сохранившимся въ дѣлахъ Консисторіи. Онъ думаетъ, что вышеназванные изслѣдователи имѣли близкое знакомство съ обѣими рукописями, а мы думаемъ нѣтъ, оттого и допустили они нѣкоторыя ошибки, которыя и смутили г. Селиванова. Изъ приведеннаго сравненія безграмотность 2-й записи не видна.

Что-же изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ?

А то, что и запись въ слѣдованной псалтири и консисторская (нынѣ семинарская) не сколокъ 2-й съ 1-й, а суть обѣ самостоятельныя копіи съ одного оригинала..—Если 1-я запись имѣетъ нѣкоторый характеръ случайности (допустимъ проба пера), то вторая, не въ уголкѣ книги, пустомъ оборотѣ листа, а на особомъ листѣ, носитъ меньше характеръ случайности. И гдѣ бы этотъ листокъ ни сохранялся, но его очевидно берегли. Итакъ, если это самостоятельныя копіи, то необходимо предположить существованіе 3-записи, какъ оригинала для обѣихъ копій. Можно, разумѣется, предполагать до безконечности .. Но говоря о существованіи 3-й записи, подлинникѣ,—мы имѣемъ подъ руками данныя, которыя позволяютъ думать, что о построеніи г. Пер. Рязанс. существовало лѣтописное сказаніе, утраченное не слишкомъ давно. Да и утрачено-ли? Это сказаніе и было у рязанцевъ довольно хорошо извѣстно. Вотъ основаніе думать, что было отдѣльное повѣствованіе объ этомъ предметѣ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія (1791—92 г.г.) по указу Св. Синода собирались по епархіямъ рукописи, преимущественно изъ монастырскихъ архивовъ, и отсылались въ Петербургъ. Тоже дѣлалось и въ Рязанской епархіи въ управленіе Симона Лагова. Точно и обстоятельно не знаемъ, какъ велось дѣло это; но несомнѣнно снаряжались одна или нѣсколько экспедицій въ монастырскіе архивы. Объ одной изъ такихъ экспедиціи и сохранились у насъ свѣдѣнія отъ 1791 года (изъ принадлежащей мнѣ рукописи). Коммиссія состояла изъ священника Симеоновской церкви Ивана Яковлева и Староямской Никольской церкви дьякона Луки Семенова. Вслѣдствіе двухъ консисторскихъ указовъ они перерыли архивы Пустынскаго Покровскаго и Рязанскаго Явленскаго дѣвичьяго монастыря, отыскивая „лѣтописцы, повѣсти, или подобныя къ россійской исторіи относящіяся сочиненія, или тетради записныя, рукописныя книги“,—и найденнымъ представили реэстры.

Октября 2-го 91 года—Коммиссія при рапортѣ и представила реэстръ рукописямъ и грамотамъ, найденнымъ въ Казанскомъ женскомъ монастырѣ въ г. Рязани. Подъ № 1 значится найденною: «**Повѣсть, какъ, въ которомъ году заложенъ градъ Переяславль Рязанскій, при какой церкви и урочищи**».

Позволительно думать, что эта **какая-то** повѣсть нѣчто, болѣе примѣтное, чѣмъ извѣстный намъ консисторскій конецъ столбца, и которой не могли просмотрѣть дозорщики. Вѣрнѣе, что это и было лѣтописное сказаніе, болѣе полное, съ каковой и дѣлались такія выписки, какъ двѣ вышеприведенныя записки. Не это-ли та особая тетрадь, которую называетъ авторъ Рязанскихъ достопамятностей? Къ его времени это близко. Что эта повѣсть не найденная въ консисторскомъ архивѣ, а другая, ду-

маемъ изъ того, что Коммиссіей отысканныя рукописи, въ томъ числѣ и повѣсть, отосланы были въ Петербургъ согласно распоряженія 91—92 г. Такимъ образомъ по нашему мнѣнію—получаются уже три записи о заложеніи г Переславля Рязанскаго.

Конечная цѣль нашего разсужденія та, что запись о заложеніи Пер. Рязанскаго не есть случайность, проба пера, (какъ высказывались о записи въ слѣдованной псалтири), когда встрѣчается въ нѣсколькихъ экземплярахъ, сходныхъ между собою. Отсюда и годъ заложенія города не есть такой годъ, который ни къ чему не обязываетъ. Указаніе на существованіе **особой повѣсти**—лишь можетъ придать болѣе авторитета заключенію (3-му) А. В. Селиванова.

С. Яхонтовъ.

№ 8.

ПРОГРАММА

празднованія 800 лѣтняго юбилея города Рязани.

1) Празднованіе 800-лѣтія г. Рязани пріурочивается къ Сентябрю мѣсяцу, когда населеніе болѣе свободно, учебныя заведенія бываютъ въ сборѣ и войска вернутся изъ лагерей въ городъ на зимнія квартиры.

2) На канунѣ юбилейнаго дня совершается заупокойная литургія въ Борисо-Глѣбскомъ Соборѣ съ торжественною панихидою по усопшимъ дѣятелямъ Рязанскимъ: князьямъ, митрополитамъ, архіепископамъ и епископамъ. Къ церковному служенію приглашаются представители правительственныхъ, городскихъ и земскихъ учрежденій, съ семействами, особыми повѣстками, и горожане города, чрезъ публикацію.

3) Въ тотъ-же день въ церкви Бориса и Глѣба, въ 2 часа пополудни, совершается малая вечерня. Къ началу ея въ церковь приносятся крестными ходами святыни Рязани, въ видѣ малыхъ крестныхъ ходовъ изъ каждой городской церкви, со всѣмъ духовенствомъ. Послѣ вечерни на могилѣ Св. Василія совершается тржественное ему молебствіе, по окончаніи котораго общій крестный ходъ направляется къ собору, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ города.

4) Вечеромъ, въ тотъ-же день, въ соборѣ и во всѣхъ городскихъ храмахъ совершается всенощное бдѣніе, во время котораго читается «сказаніе о Св. Василіѣ Рязанскомъ» и акаѳистъ ему.

5) Въ самый день юбилейнаго празднованія во всѣхъ церквахъ города совершаются, въ свое время, раннія литургіи съ праздничнымъ звономъ, а въ 9 часовъ утра, въ каѳедральномъ соборѣ архіерейскимъ служеніемъ начинается поздняя литургія, къ которой приглашаются представители всѣхъ вѣдомствъ и учрежденій, съ семействами, особыми повѣстками, а жители города чрезъ публикацію. На литургіи произносится слово о значеніи юбилея, а послѣ литургіи въ соборѣ совершается молебенъ Св. Василію.

6) По окончаніи литургіи, изъ собора при звонѣ колоколовъ всѣхъ городскихъ церквей, имѣетъ быть торжественный крестный ходъ съ иконами и хоругвями отъ всѣхъ городскихъ церквей, съ архіереемъ во главѣ и въ сопутствіи всего городскаго духовенства, на площадь присутственныхъ мѣстъ, крестный ходъ останавливается предъ каѳедральнымъ соборомъ.

7) Ко времени прибытія крестнаго хода, на площади выстраиваются, согласно послѣдовавшему между Губернаторомъ и Начальникомъ Рязанскаго гарнизона соглашенію, войска отъ квартирующихъ въ г. Рязани частей пѣхоты и артиллеріи, съ музыкой, для парада, причемъ 2 батареи въ конномъ строю наряжаются для салютаціонной стрѣльбы, располагаясь на углу Соборной площади, обращенномъ къ р. Трубежу.

8) На площади до начала молебствія имѣютъ быть размѣщены воспитанники и воспитанницы всѣхъ учебныхъ заведеній г. Рязани, съ своимъ начальствомъ и учащимъ персоналомъ. Для учащихся каждаго учебнаго заведенія отводится особое мѣсто и принимаются мѣры къ огражденію размѣщенныхъ на немъ учащихся отъ возможныхъ стѣсненій со стороны толпы народа.

9) По прибытіи крестнаго хода на площадь, на особо устроенномъ помостѣ, совершается торжественное молебствіе съ многолѣтіемъ. При пѣніи «Тебе Бога хвалимъ» производится салютаціонная стрѣльба.

10) По совершеніи молебствія, святыни, предносимыя въ крестномъ ходу, возвращаются въ свои храмы, на площади-же устраивается парадъ войскъ, послѣ котораго учащіеся расходятся по домамъ, а воспитанники и воспитанницы городскихъ школъ приглашаются въ помѣщеніе Городской Думы, гдѣ, по исполненіи краткаго молебствія съ многолѣтіемъ и народнаго гимна, имъ раздаются лакомства и брошюры, соотвѣтственнаго юбилейному празднованію содержанія, дозволенныя цензурою и одобренныя юбилейною Коммиссіею.

11) Войскамъ, участвовавшимъ въ парадѣ, предлагается угощеніе отъ города.

12) Архіерей, духовенство, представители правительственныхъ, городскихъ и земскихъ учрежденій, почетные гости

и горожане г. Рязани, по окончаніи церемоніи на площади, приглашаются по билетамъ въ Дворянское Собраніе, гдѣ имѣетъ быть торжественное засѣданіе Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи, въ которомъ имѣютъ быть сдѣланы слѣдующія сообщенія: «О святыняхъ г. Рязани», «О доисторическомъ періодѣ Рязанскаго края по мѣстнымъ археологическимъ даннымъ» и «О Великомъ Князѣ Рязанскомъ Олегѣ Ивановичѣ». Въ промежуткахъ между чтеніемъ хоръ исполнитъ духовныя пѣснопѣнія.

Примѣчаніе. Всѣ указанныя чтенія поступаютъ на предварительное разсмотрѣніе Архивной Коммиссіи и представляются затѣмъ на утвержденіе Управленія Учебнаго Округа.

Послѣ чтеній засѣданіе заканчивается народнымъ гимномъ, исполненнымъ хоромъ совмѣстно съ оркестромъ музыки.

13) Въ залѣ Дворянскаго Собранія имѣетъ быть обѣдъ по подпискѣ.

14) По окончаніи церемоній, на площади устраивается народное гулянье съ музыкой, пѣсенниками, играми на призы и другими увеселеніями.

15) Во время юбилейнаго празднованія городскія зданія украшаются флагами, а вечеромъ иллюминуются, къ чему приглашаются и всѣ домовладѣльцы города.

16) Въ городскомъ саду имѣетъ быть также гулянье съ музыкой и иллюминаціей.

17) Для наблюденія за общимъ ходомъ и порядкомъ праздмества должны быть назначены распорядители отъ городскаго управленія. Распорядители должны имѣть особые знаки.

18) Общій внѣшній порядокъ вѣдаетъ полиція, въ помощь которой назначаются, по соглашенію Губернатора съ Начальникомъ гарнизона, нижніе чины отъ войскъ.

19) На другой день юбилейнаго празднованія устраивается соединенными силами учебныхъ заведеній литературно-музыкальный вечеръ въ залѣ Дворянскаго Собранія, съ туманными картинами, по программѣ, имѣющей быть представленною на разрѣшеніе Окружнаго учебнаго и мѣстнаго Начальства.

№ 9.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСѢДАНІЕ

РЯЗАНСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССІИ

21 Сентября 1895 года,

ВЪ ПАМЯТЬ ВОСЬМИСОТЛѢТІЯ (1095—1895 г.г.) ОСНОВАНІЯ ГОРОДА РЯЗАНИ.

1) Тропарь св. Василію, Епископу Рязанскому. Исполнитъ соединенный хоръ воспитанниковъ Духовной Семинаріи и Александровской Учительской Семинаріи.

2) Открытіе Засѣданія.

3) Юбилейная кантата—слова г. Николаева, муз. г. Вифляева. Исп. хоръ Духовной Семинаріи.

4) Увертюра изъ оперы «Жизнь за Царя» —муз. М. И. Глинки. Исп. оркестръ Нѣжинскаго полка.

5) «Привѣтственное слово» —Почетнаго Члена Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи Л. И. Иловайскаго.

6) «Прославленіе Бога», муз. Бетховена. Исп. хоръ Учительской Семинаріи.

7) Сообщеніе Ректора Рязанской Духовной Семинаріи Протоіерея І. К. Смирнова— «О святыняхъ гор. Рязани».

8) Концертъ: «Пріидите возрадуемся» —муз. Бортнянскаго. Исп. хоръ Духовной Семинаріи.

9) Сообщеніе Члена Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи А. И. Черепнина— «Очеркъ доисторическаго прошлаго Рязанскаго края».

10) «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ». Исп. соединенный хоръ съ оркестромъ Нѣжинскаго полка.

11) Рѣчь Почетнаго Члена Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи, Предсѣдателя Губернской Земской Управы В. С. Буймистрова:— «Олегъ Ивановичъ, Великій Князь Рязанскій».

12) Гимнъ «Боже, Царя храни». Исп. соединенный хоръ съ оркестромъ музыки Нѣжинскаго полка.

Начало Засѣданія въ $1^1/_2$ часа дня, въ залѣ Рязанскаго Дворянскаго Собранія.

Входъ въ Засѣданіе по особымъ приглашеніямъ, разосланнымъ Г. Непремѣннымъ Попечителемъ Коммиссіи.

№ 10.

ПРОГРАММА

УЧЕНИЧЕСКАГО ВЕЧЕРА 22-го СЕНТЯБРЯ.

Гимнъ «БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ»!

Исполнятъ соединенные хоры: женск. Маріинск. гимназіи, Епарх. училища, мужской гимназіи, духовной семинаріи и учительской семинаріи, съ аккомпаниментомъ хора военной музыки.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

1. a) Картина „Основаніе Рязани“ и къ ней стихотвореніе ученика VII кл. мужской гимназіи . . . . . *А. Шефферa.*

Прочт. уч. VIII кл. гимн. **Зелятровъ.**

b) Quasi una Fantasia (adagio) . . . . *Бетховена.*

Испол. уч-ца V кл. жен. Епарх. учил. **Е. Малашкина.**

c) . . . . Испол. уч. жен. Мар. гимн. **А. Мейеръ.**

2. a) Картина—„Княгиня Евпраксія“ и къ ней стихотвореніе ученика гимназіи . *А. Шефферa.*

Прочт. восп. VII кл. гимн. **Львовъ.**

b) Серенада . . . . . *Брага.*

Испол., съ аккомп. арфы и скрипки, **г-жа Федотьева и Е. Малашкина.**

3. a) Картина—«Разореніе Рязани» и къ ней стихотвореніе ученика гимназіи . . . . . *А. Шефферa.*

Прочт. уч. VIII кл. гимн. **Кашкаровъ.**

b) Mèlodie de L. Knina (Swett),—для скрипки съ аккомпаниментомъ рояли.

Испол. **уч-ки** VIII кл. гимн. **Шанявскій и Зельбаумъ.**

4. a) Картина—«Смерть Коловрата» и къ ней стихотвореніе ученика гимназіи . . . *А. Шефферa.*

Прочт. уч. VII кл. гимн. **Львовъ.**

b) Маршъ «Гей славяне».
Испол. хоръ мужской гимназіи подъ упр. **А. В. Чернышева.**

ОТДѢЛЕНІЕ II.

1. a) Картина— «Прибытіе въ Рязань св. Василія Рязанскаго» и къ ней стихотвореніе ученика гимназіи . . . . . *А. Шефферa.*

Прочт. уч. II кл. прогимн. **Мочаловъ.**

b) Гимнъ „Прославленіе Бога“ . . . . *Бетховена.*
Испол. соединен. хоры **жен. Мар. гимн. и жен. Епарх. учил.**

2. a) Картина «Битва Олега съ Татарами».

b) «Эгмонтъ» (въ 4 руки) . . . . . *Бетховена.*

Испол. восп-цы I кл. жен. Мар. гимн. **Павлова и Попова.**

c) Легенда . . . . . *Чайковскаго.*

Испол. хоръ Троиц. учит. семин. подъ упр. **Д. А. Шумова.**

3. a) Картина— «Олегъ и Сергій Радонежскій» и къ ней стихотвореніе ученика гимназіи . . . *А. Шефферa.*

Прочт. уч. VII кл. гимназіи **Козловъ.**

b) «Berceuse de Jacelyn» B. Sodard,—для скрипки съ аккомпаниментомъ рояли.

Испол. уч-ки VIII кл. **Шанявскій и Зельбаумъ.**

c) Rondo Vauhallя . . . Испол. уч. прогим. **Кроминъ.**

4. a) Картина—«Хабаръ Симскій» и къ ней стихотвореніе ученика гимназіи . . . . . *А. Шефферa.*

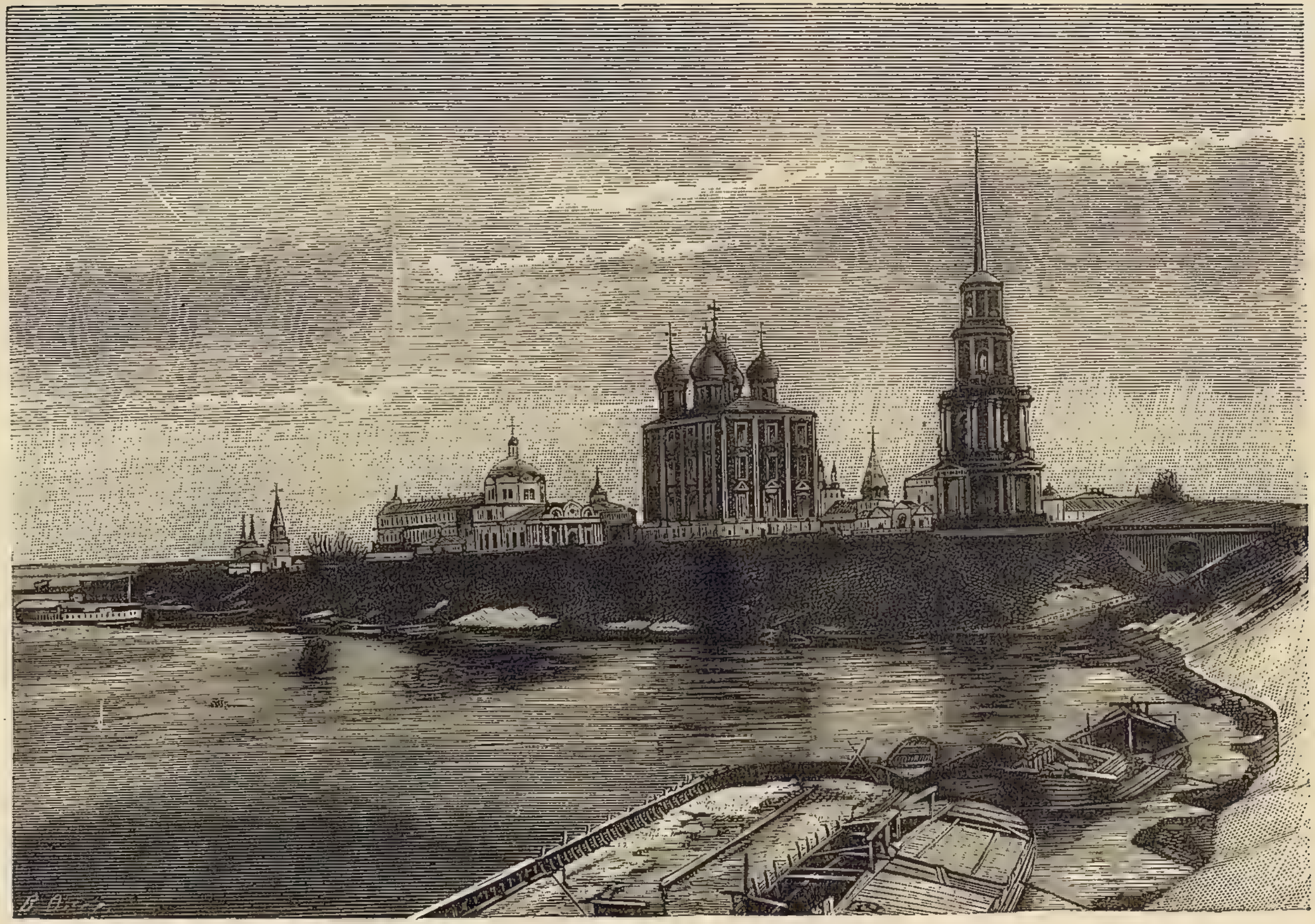
Прочт. восп. VIII кл. гимн. **Зелятровъ.**

b) Гимнъ на 800-лѣтіе Рязани муз. *Н. Е. Вифляева,* слова *В. Н. Николаева.*

Испол. хоръ Духовной сем. подъ упр. **Н. Е. Вифляева.**

НАЧАЛО РОВНО ВЪ 7 ЧАСОВЪ ВЕЧЕРА.

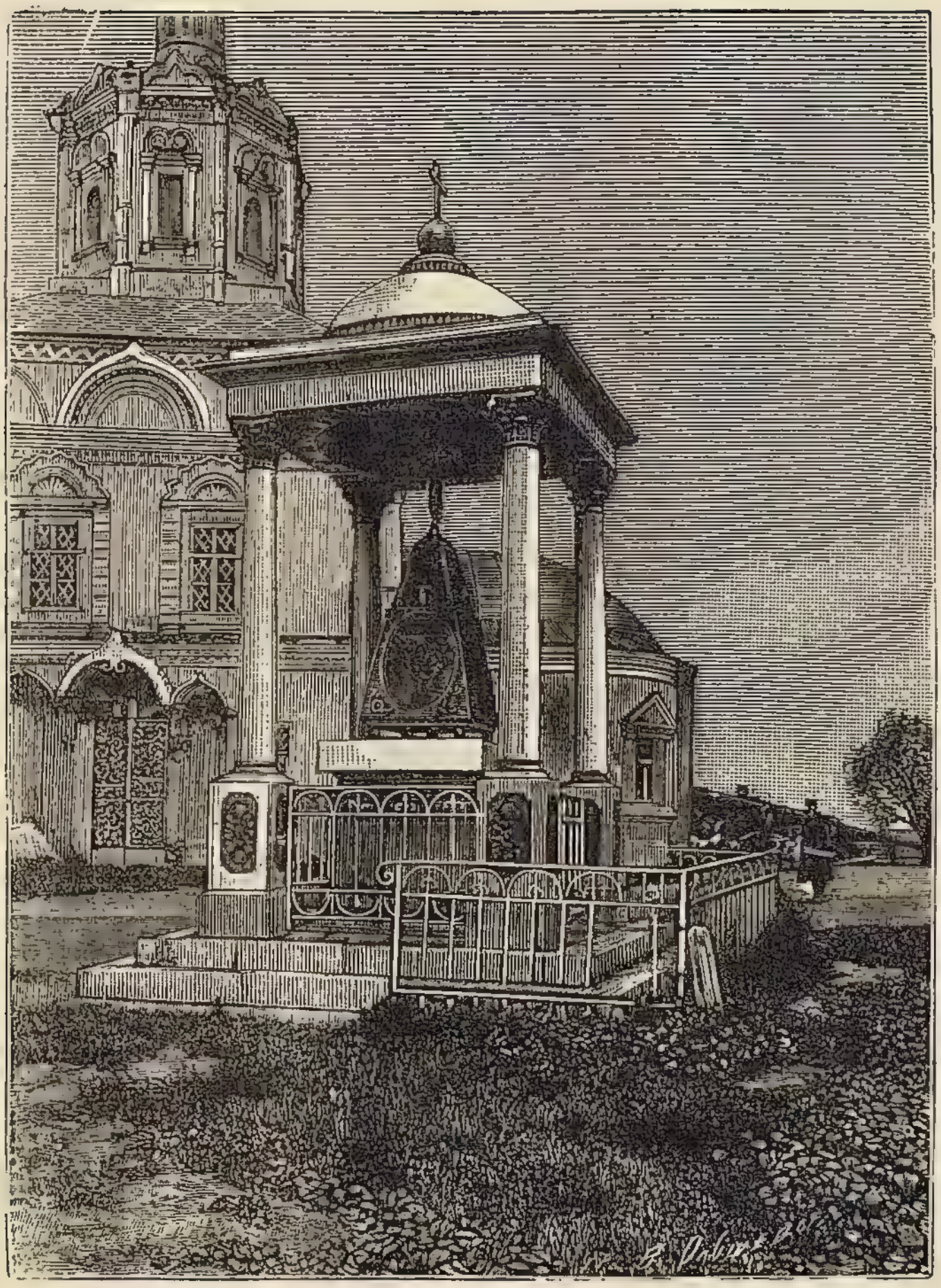
Библиотека ПГИ Ярославском Госмузее



Рязанскій Кремль.

Видъ съ р. Трубежа.

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ГГИ
ЯРОСЛАВСКОМ ГОСМУЗЕЕ



Памятникъ на могилѣ св. Василія, еп. Рязанскаго,
у Борисоглѣбскаго собора.

НАУЧНАЯ
Библиотека
П.Р.И
Ярославском Госмузее

Остатки дворца Олега Ивановича—нынѣ Архіерейскій домъ.

НАУЧНАЯ
Библиотека
ГГПИ
Ярославском Госмузее

Изображеніе находится въ Солотчинскомъ монастырѣ
и Рязанскомъ Музеѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Стр.

Описаніе юбилейнаго праздника въ г. Рязани.

Вопросъ о юбилеѣ города въ Архивной Коммиссіи; предположеніе о празднованіи 600-лѣтія кончины Св. Василія Рязанскаго; организація и работы юбилейной Коммиссіи. Наканунѣ юбилея—**20 Сентября. 21 Сентября:** торжественная литургія въ соборѣ; крестный ходъ; ильинская площадь; торжественное засѣданіе въ Городской Думѣ; народное гулянье; обѣдъ въ домѣ Дворянскаго Собранія. **Юбилейное засѣданіе Архивной Коммиссіи 22 Сентября;** ученическій вечеръ.

В. С. Праотцева . . . . . 1—50.

II.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№№. Стр.

1. О святыняхъ г. Рязани.
Юбилейное сообщеніе Члена Комм. Протоіерея *І. К. Смирнова* . . . . . 1—11.

2. Очеркъ доисторическаго прошлаго Рязанскаго края.
Юбилейное сообщеніе *А. И. Черепнина.* 12—55.

3. Олегъ Ивановичъ, Великій Князь Рязанскій.
Юбилейная рѣчь Члена Коммиссіи *Вл. С. Буймистрова* . . . . . 56—69.

4. Взглядъ на историческое прошлое Рязанскаго края.
Актовая рѣчь. *П. П. Зальѣсова* . . 70—82.

5. Стефанъ Яворскій, митроп. Рязанскій и Муромскій.
Члена Комм. *В. А. Самарянова* . . 83—93.

6. „Изъ былого“. стихотвор. *А. Шефферъ* . . 94—109.

7. Къ вопросу объ основаніи Переславля Рязанскаго. Члена Комм. *А. В. Селиванова.* По тому же вопросу. Чл. Комм. *С. Д. Яхонтова.* 110—119.

8. Программа юбилейнаго празднованія . . . . 120—122.

9. Программа торжеств. засѣданія Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи . . . . . 123—124.

10. Программа ученическаго вечера 22 Сентября . 125—126.

Рисунки.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
3	7 сверху	№ 9	№ 7
—	10 —	въ записи	съ записи
6	9 снизу	имъ	—
13	5 снизу	№ 7	№ 8
14	14 снизу	печетнымъ	почетнымъ
20	— —	шпалереми	шпалерами
30	6 сверху	признанная	призванная
37	— —	секретарь	секретарь Курлянд.
47	— —	татерами	татарами

ПРИЛОЖЕНІЯ.

13	1 сверху	рыхъ	которыхъ
14	14 —	въ зачатномъ	въ зачаточномъ
22	1 снизу	мирны	мирные
24	18 —	обладавшими	обладавшими болѣе
27	3 сверху	Изученініе	Изученіе
32	13 —	несостояніи	не въ состояніи
34	11 снизу	хоронило	хоронила
35	20 сверху	значеніи	составѣ
40	14 сверху	качествами	качества
56	— —	Каратополъ	Коротополъ
—	— —	Тогая	Тагая
58	— —	тѣтописцами	лѣтописцами
85	— —	приняло	принесло
86	— —	Мосава	Москва
88	— —	лишила	лишала
91	— —	— —	нынѣшнюю
117	— —	въ нодлинникъ	въ подлинникѣ

Клише приложенныхъ рисунковъ — собственность журнала „Природа и Люди“ и любезно предоставлены были редакціей журнала въ пользованіе Архивной Коммиссіи.

1 p. 50 kon